74.24(2)732
К 29
1233555

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК: ОПЫТ ПРОБЛЕМЫ НАХОДКИ

А.А.КАТОЛИКОВ

МОЯ СЕМЬЯ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПЕДАГОГИКА»
1990

1233555

дел. 2016

74.24(2)732
К29

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК:
ОПЫТ
ПРОБЛЕМЫ
НАХОДКИ

1233555

А.А.КАТОЛИКОВ

МОЯ СЕМЬЯ

Коми республиканская
библиотека им. Н. К. Крупской
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ДЕПОЗИТАРИЙ

ЗАПИСКИ ДИРЕКТОРА СЫКТЫВКАРСКОЙ ШКОЛЫ-ИНТЕРНАТА № 1 ДЛЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ

2 НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИСТЕКА Республики Коми

МОСКВА
«ПЕДАГОГИКА»
1990

ББК 74.24
К 29

Фото
Валерия Матыцина

Предисловие
Альберта Лиханова

Католиков А. А.
К 29 Моя семья. Записки директора сыктывкарской школы-интерната № 1 для детей-сирот.— М.: Педагогика, 1990.— 224 с.: ил.— (Пед. поиск: опыт, проблемы, находки).
ISBN 5-7155-0234-9

Автор, народный учитель СССР, народный депутат СССР от Советского детского фонда им. В. И. Ленина, директор сыктывкарской школы-интерната № 1, рассказывает о педагогических принципах, идеях и идеалах, на которых строится воспитание детей, оставшихся без попечения родителей, размышляет о трудностях и проблемах, с которыми сталкиваются воспитатели, возвращающие сиротам детство.

Для учителей, воспитателей школ-интернатов и детских домов.

К $\frac{4306000000-072}{005(01)-90}$ КБ—55—45—1988 ББК 74.24

ISBN 5-7155-0234-9

© Издательство «Педагогика», 1990

РЫЦАРЬ ДЕТСКИХ ПЕЧАЛЕЙ

Судьба и действия Александра Александровича Католикова сделали его подлинным рыцарем детства, но детства не простого, а печального, тоскливого, обездоленного. Много лет он директор Сыктывкарской школы-интерната, которая за годы его деятельной участливости в судьбах детей стала добрым и теплым домом для многих и многих, и для тех, кто уже подрос, кто уже переступил порог этого дома и ушел во взрослую жизнь, но доброй памятью возвращается туда бесконечно — с любовью и благодарностью к близкому человеку.

Сразу хочу заметить. Судьба и жизнь Александра Александровича куда как интересней, чем книжка, которую вы прочтете, и у этого есть свое объяснение: писать про себя из естественного чувства скромности Католиков не стал, а это, может быть, самое главное, самое стержневое в истории, судьбе и повседневности его дома. Да, главное — личность человека, личность добродетельного спасителя, как во всех книгах Макаренко главное для нас все-таки личность самого автора этих прекрасных книг.

Пусть это мое замечание не послужит аргументом против книжки, которую вы держите в руках. Александр Александрович написал свои директорские заметки, выполнил просьбу издательства, а о нем пишут и еще напишут другие. Я же добавлю здесь только то, что всякое благородное, доброе дело — это судьба носителя доброты и нравственных поступков.

Много лет назад Александр Александрович ехал в автобусе вместе с ребятишками, и надо же было такому случиться, что на железнодорожном переезде мотор заглох, и тогда молодой Католиков стал вытаскивать малышей, а на автобус надвигался поезд. Мы знаем примеры Януша Корчака и еще немногих, подобных ему. Александр Католиков с чувством человеческой своей ответственности вступил в этот светлый ряд, не испугавшись опасности, не бросив детей. Все ребятишки остались невредимы, а их спасатель пострадал и еле выжил потом, оставшись без ног.

Оказалось ли это физическое действие судьбоносным для Католикова в дальнейшем? Вряд ли, хотя времени подумать, хотя боли, чтобы осознать, было у него немало. Я все-таки думаю, что драма, которую пережил педагог, была продолжением всей его внутренней сущности, продолжением вполне органичным, естественным. Просто он поступил, как должен был поступить — ведь защита детства в таких людях есть не выспренная фраза, а часть внутренней убежденности, выношенной философии, образа жизни и действий.

Так что вовсе не удивительно, что, оправившись от этой горькой беды, Католиков выбрал не самое легкое, а, напротив, самое

трудное — пошел в школу-интернат, к детям-сиротам, к детям, чья участь порой еще более горькая, нежели сиротство, потому что их родители живы, они где-то есть, но лишены самого священного права — права родительского.

Педагогам, людям, которые следят за тем, что происходит в сфере воспитания, имя Католикова было известно задолго до его появления в концертной студии Останкино, когда к нему благодаря телевидению пришла подлинная народная известность и благодарность.

Вскоре Александр Александрович получил звание народного учителя СССР. Потом, позже, Советский детский фонд имени В. И. Ленина избрал его одним из своих народных депутатов СССР. Католиков — председатель Коми отделения Детского фонда, человек, ставший для многих символом рыцарского служения детству.

Однако мне менее всего хотелось бы канонизировать его и прежде всего именно потому, что он не святой, а, напротив, очень живой, в чем-то меняющийся, в чем-то стабильно надежный, отнюдь не простой и очень серьезный человек, которым может гордиться нынешняя школа, столь колебимая множеством разнородных мнений и течений.

Просто в этих течениях остров Католикова, его школа-интернат в Сыктывкаре,— надежная пристань нашего общего человеческого заботничества о детях самой трудной и неустроенной судьбы.

Альберт Лиханов, *писатель, председатель правления Советского детского фонда имени В. И. Ленина*

ОТ АВТОРА

Дети-сироты. Моя боль и моя радость. Мне уже невозможно жить без них. Они вошли в меня как кровь моя и плоть. Я прихожу в интернат, и здесь успокаивается мое сердце, тут я нужен каждому — и малышу-несмышленышу, и юноше-выпускнику. Они всегда ждут меня. И я рад этому ожиданию. Я должен им помочь. Им нелегко живется на свете. Они потеряли невосполнимое — отца и мать. Они не могут вырваться из чувства неполноценности. Они тоскуют по жизни за пределами интерната. Мне больно от их боли, но я знаю, что их не надо жалеть. Мое лицо, настроение, дела должны быть воплощением их надежд. Мы не имеем права их разочаровывать, травмировать их души. Дети хотят верить нам, потому что человеку нельзя без веры. Нам, их воспитателям, нужно так организовать жизнь интерната, чтобы защитить слабого, успокоить нервного, вылечить больного и каждому дать веру в человеческую справедливость и милосердие. Где взять силы на это? Они — в детях, которые тянутся к нам, открытые и доверчивые. В их глазах столько чистоты и надежды, что нельзя не распахнуться им навстречу. Все в них, в детях. И огорчения, и радости, новые силы и новая борьба за них, за их благополучие. Детское счастье не достается даром. За него приходится драться и с самим собой, и с тем, что мешает ему состояться. Потому так дорого оно, детское счастье.

Крохотная девочка перестала плакать над своим сиротством. У мальчишки загорелся веселый огонек в глазах. Метавшийся подросток нашел свое место в жизни. Вот оно — наше счастье.

Мне ничего не удалось бы без воспитательниц, ставших мамами для чужих детей. Без учителей, совершающих почти невозможное, чтобы научить интеллектуально ослабленных ребятишек. Без поваров, которым так радостно вкусно накормить своих названых сынков и дочек. Без техничек, которые хоть и крепко любят поворчать, но делают все, чтобы в интернате было чисто и опрятно.

И все мы вместе, дети и взрослые, ничего бы не смогли без нашего дорогого Учителя — Антона Семеновича Макаренко.

Есть люди, давно ушедшие от нас, но их, живых и горячих, и сегодня ощущаешь рядом с собой; как свои принимаешь их заботы и тревоги, размышляешь и мучаешься вместе с ними. Таким остается для нас Антон Семенович Макаренко.

Я начал познавать его педагогические принципы на практике в послевоенные годы, учась в школе № 10 Новосибирска, директором которой был тогда В. Н. Михайлин. В то тяжелое для всей страны время он сумел создать в школе завод, и мы, школьники, выпускали не что-нибудь, а сверлильные станки. На заводе практиковался тот самый хозрасчет, к которому до сих пор не может прийти наша экономика.

В студенческие годы мне посчастливилось познакомиться с друзьями и соратниками А. С. Макаренко. Учась в Московском государ-

ственном пединституте им. В. И. Ленина, мы посещали Егорьевский детский дом, которым заведовал С. А. Калабалин (в «Педагогической поэме» он выведен под фамилией Карабанов). Позже он приезжал к нам в Сыктывкар. Теперь дружу с его сыном — А. С. Калабалиным.

С В. Н. Терским, заведующим клубом в колонии им. М. Горького, я познакомился тоже студентом. Встречался и с Э. Н. Фере, работавшим агрономом в колонии и трудовой коммуне А. С. Макаренко. Бывал я и на многих встречах воспитанников Учителя.

Антон Семенович писал свои произведения под гомон ребячьих голосов. Он любил детей неиссякаемой любовью, от которой медленно сгорал, ибо никогда не щадил своего сердца. Это был неугасимый огонь действенной любви, выражавшейся в неукоснительной требовательности к детям, которые воспринимали ее как огромное доверие и уважение к себе.

Поистине велик был Макаренко, если доныне не утихают споры вокруг него. Его ниспровергатели уверяют: «Время Макаренко прошло! Он воспитывал беспризорников, а у нас таких нет»; «Он бил своих воспитанников, он эксплуатировал их труд!»; «Нам не нужны его методы, у нас есть свои!»

Да, он из беспризорников и воров делал честных людей, тружеников. А не делаем ли мы порой из наших детей, живущих в довольстве и сытости, наркоманов и хулиганов?

Он действительно ударил воспитанника Задорова, не желавшего трудиться. Но это было отчаяние человека, захлебнувшегося гневом и всю жизнь каявшегося в своем педаго-

гическом грехопадении. А разве мы порой не убиваем душу ребенка без малейших угрызений совести?

Много рассуждая о пользе труда, мы до сих пор не создали в наших школах действенную систему производительного и общественно полезного труда, равную той, которая была в воспитательных учреждениях А. С. Макаренко и служила средством развития личности ребенка, успешно прививая ему «эту привычку к труду благородную» (Н. А. Некрасов).

Мы виноваты перед Антоном Семеновичем, потому что слабо изучаем и еще хуже внедряем его творческие открытия в практику наших школ. Сейчас, когда идет борьба за демократизацию школьных отношений, мы не вправе забывать педагогическое наследие великого гуманиста.

Нельзя изымать из педагогики А. С. Макаренко отдельные приемы и уповать на их спасительное действие. Только целостная воспитательная система выдающегося педагога, практика и мыслителя, соединенная с нашей действительностью, может стать преобразующей силой перестройки всего дела воспитания подрастающих поколений.

А. С. Макаренко писал, что труд сам по себе нейтрален. Ребенок может сколько угодно копать погреб и от этого не станет лучше и воспитаннее. Наши школы упорно продолжают копать этот злополучный погреб, закапывая в нем бесценные идеи Антона Семеновича о трудовом воспитании детей. Он утверждал, что преобразует человека не сам труд, а его организация и отношение к нему. Живущий по законам товарищества воспитывающий коллектив,

творческий, развивающий характер труда, ощущение каждым ребенком пользы и значимости его работы, сочетание труда «для себя» с бескорыстным трудом для общества - вот что создает нравственную личность, пробуждает самосознание и достоинство человека и гражданина.

Мы отметили столетие со дня рождения Антона Семеновича Макаренко в значительное время, когда возникают новые, невиданные прежде возможности для творчества, для развития педагогического мастерства. И на этом пути рядом с нами идет Макаренко, наш современник и Учитель.

НАШ ОБЩИЙ ДОМ

Сыктывкарская школа-интернат № 1 открыта в 1956 г., после XX съезда партии, когда было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о создании особых детских учреждений — школ-интернатов, совмещающих функции семейного, общественного и государственного воспитания. Наш интернат был одним из первых в Коми АССР. Предназначался он для детей инвалидов войны, детей из малообеспеченных и многодетных семей, детей матерей-одиночек. Короче, для детей, которые не могли получить полноценное воспитание в семье.

Постановление вышло, а размещать ребятишек было негде. Интернату передали здание школы-новостройки на 320 мест, а расположенную рядом старую деревянную переобору-

довали под спальный корпус. Конечно, условия для жизни и учебы ребят были не лучшими, но благодаря энергии первого директора интерната Р. П. Молодцовой было создано самое главное — дееспособный педагогический коллектив, и дела в новом детском учреждении пошли на лад. Вскоре, однако, Раиса Пантелеймоновна была назначена директором другого интерната, чтобы помочь ему встать на ноги. Вместе с ней туда перешли многие наши ребята, окончившие восемь классов, так как там была школа-десятилетка.

Преемником Р. П. Молодцовой стал Ф. Ф. Тукоев, бывший до того завучем нашей восьмилетней школы.

В 60-е годы интернат возглавлял В. В. Шехонин. При нем был построен новый спальный корпус, который теперь соединен со школой крытым переходом-галереей. Идея создания интернатского загородного лагеря Межáдор тоже принадлежит Василию Вениаминовичу. По распоряжению Совета Министров Коми АССР для лагеря был выделен участок тайги недалеко от села Межадор, на реке Малая Визинга, в том месте, где раньше была небольшая ГЭС. Детей там отдыхало мало, человек 50—70 из тех, у кого было совсем плохо в семье. Жили в одном доме, готовили на улице, где стояли самодельные печи под навесом. Все хозяйство состояло из одной лошади, на которой ежедневно возили из села Межадор хлеб и молоко. Жили не богато, но очень дружно.

О тех почти двух десятилетиях жизни интерната напоминают фотографии. Вот первые интернатские здания за дощатым забором на

пустыре: вот дети сажают картошку; вот воспитанники, побывавшие на отдыхе в «Артеке»; вот группа ребят на Красной площади в Москве... Просто, даже бедновато одетые, улыбаются смущенно. С каким волнением и вниманием смотрим мы сегодня на первооснователей нашей семьи, своими делами начинавшими ее историю!

Новый этап развития интерната приходится на начало 70-х годов, когда усилилось к нему внимание со стороны партийных и советских органов города и республики. Я не могу не вспомнить добрым словом нашего министра Владимира Алексеевича Шергина, секретаря городского комитета партии Екатерину Дмитриевну Леканову, заместителя председателя Совета Министров Коми АССР Виталия Георгиевича Попова, заместителя горисполкома Раису Михайловну Люшину, завгороно Тамару Павловну Ручину. Эти люди много сделали для того, чтобы интернат обрел сегодняшний свой вид.

Директором школы-интерната я стал в 1973 г., сменив на этом посту Р. В. Карелину. Римма Васильевна была умным, хорошим воспитателем, но вот поднять интернатское хозяйство на новый качественный уровень ей оказалось не по силам. Когда я принял интернат, в нем не было ни одной целой двери, не говоря уже о канализации и водопроводе. Половина детей менингитом болела, половина — дизентерией. Помню, впервые вошел вечером в интернат, так даже отпрянул: мутные сумерки в вестибюле (лампочки перебиты), в темном коридоре какие-то тени двигаются, а при входе, как памятник, бак с водой стоит, а к нему кружка

цепью припаяна. Вот такая ситуация была. Растеряться, руки опустить ничего не стоило. Через четыре месяца в горисполкоме ультиматум: не справляешься — подавай заявление. Сперва расстроился, но отошел, понял: надо вместе с детьми обустраивать наш дом, а у местных партийных и советских руководителей менять отношение к сиротам. Помогло то, что был я членом бюро горкома комсомола, потом стал депутатом Сыктывкарского городского совета. И надо сказать, что мои директорские заботы везде нашли отклик и понимание.

«Педагогические университеты» начались с ремонта главного здания интерната. Трудное было время. Я еще расскажу о нем подробнее: как совмещали учебу с ремонтом, как сдружились с ребятами, как макаренковская бригадная форма труда у нас сложилась... Но, повторю, без помощи партийных и советских органов города и республики никакого обновления интерната не произошло бы.

Когда мы затеяли ремонт, то прежде всего решили ликвидировать деление этажей для мальчиков и для девочек. При такой искусственной изоляции они или враждуют между собой, или проявляют нездоровое любопытство к противоположному полу. Ведь в семьях сестры и братья живут вместе и потому их взаимоотношения естественны и понятны.

Думаю, типовой спальный корпус в каждом интернате надо перестроить так, чтобы мальчишки и девчонки жили как в семейных квартирах. А в принципе уже в самом проекте интернатов надо предусматривать такие семейные общежития.

Теперь у нас и девочки и мальчики посто-

янно общаются. Малыши играют в уютных групповых, подростки собираются в гостиных на чаепития, смотрят телевизор, проводят вечерний досуг. Между девочками и мальчиками, юношами и девушками культивируются чистые нравственные отношения братьев и сестер, отношения заботы, взаимопомощи, внимания и понимания, чуткости и поддержки.

А взрослых и детей сблизили совместный труд, общие дела и трудности. Помню, как строили гараж. Особенно трудно было с крышей. Надо делать перекрытия, а плит нет. Помог их достать секретарь горкома партии Александр Михайлович Окатов. Наконец гараж был готов, и машины теперь не ржавеют на улице. Потом также сообща отремонтировали учебный корпус, построили вещевой склад (все вещи и одежда аккуратно разложены по своим полкам), животноводческую ферму, теплицу над переходом и основные силы бросили на развитие нашей летней базы.

К этому времени мы приобрели опыт не только строителей, но и организаторов. Работа велась на принципах бригадного подряда: общая ответственность, взаимоотчетность, план-задания, план-наряды. Собрали мастеровитых мужиков из окрестных сел, которые помогали нам ставить в загородном лагере добротные дома из сосновых бревен. Ежегодно до 200 тысяч рублей осваивали. Причем все строительство велось хозяйственным способом, что позволило значительно сократить расходы. Сэкономленные средства потратили на такую роскошь, как свой «зоопарк». Когда стали выращивать много картофеля, потребовалось овощехранилище. Построили. Затем переобо-

рудовали и расширили столовую, ко всем домам пристроили просторные веранды, провели отопление. За 16 лет наша маленькая дача превратилась в целый детский городок, в котором теперь есть все, что необходимо для жизни. Зимой в теплых корпусах размещаются 249 ребят, а летом — 400. Тут и просторный клуб, баня с сауной, столовая (теперь едим в одну смену), гаражи, велокласс, мотокласс. Уже в третий раз перестроили «зоопарк», так как животных становится все больше. Мы завели лошадей, телят, хотим купить поросят.

Надо сказать, что и городские, и республиканские руководящие организации во всем идут нам навстречу. Госплан республики помог в выделении кирпича, строительного материала. Сысольский райсовет, на территории которого находится наш лагерь, постоянно нас поддерживает. Есть там мехлесхоз, который выпускает срубы 6×9 м. Из этих срубов мы, как из кубиков, собрали немало лагерных зданий.

Приехал к нам однажды наш большой друг, управляющий трестом сельского строительства Станислав Назарович Кобыляцкий. Он был удивлен нашим быстрым ростом. Внимательно оглядел новостройки, а потом спросил: «Кто это вам все строит? В сметах я вашего лагеря не видел, никто за вас не отчитывался...» А мы отвечаем: «На нас работает Комисамтрест». Посмотрел он на нас подозрительно: «А что это за организация такая — Комисамтрест?» Ребята рассмеялись и объяснили: «Это значит, сами строим». Тогда и он засмеялся вместе с нами.

Конечно, повезло нам с шефами. Поистине по-отечески заботились об интернате работники

объединения сельхозтехники (председателем тогда был Иван Александрович Триандофилов) и производственно-технического управления связи (директор Владимир Александрович Клаузер). Без шефов нам бы многого не удалось достичь. Не было бы у нас ни транспорта, ни кранов, ни погрузчиков, ни телефонной станции, ни радиоузла. Мы не смогли бы содержать лагерь, оборудовать школу, учебные кабинеты так, чтобы вести учебно-воспитательный процесс на уровне современных требований.

Однако дом наш крепок прежде всего теми, кто, не жалея сил и времени, воспитывает, учит детей, любит их как родных. Хочу назвать в первую очередь педагогов-ветеранов нашего интерната: Ию Алексеевну Денисову, Лидию Степановну Дорендорф, Зою Николаевну Мальцеву, Нину Сергеевну Сазанович, Александру Андреевну Андрееву, Галину Михайловну Медведеву, Эльвиру Степановну Веселову. В содружестве с ними, перенимая их опыт, уже 10 лет работают Раиса Сергеевна Королева, Галина Петровна Забара, Нина Егоровна Сидорова, Зинаида Ивановна Панкратова, Валентина Александровна Кривошеина, Надежда Васильевна Салынцева и другие представители «среднего» поколения учителей и воспитателей. Но наш педагогический коллектив — это не только педагоги-профессионалы, но и повара, ночные нянечки, уборщицы, шоферы, все взрослые, кто в ежедневном общении с детьми своей участливостью, честностью, вниманием, сердечностью взращивает в них добро и человечность, т. е. воспитывает.

Свыше 20 лет служила у нас кладовщиком Антонина Васильевна Забоева. Сведущие люди

1233555

представляют, какая это хлопотливая, беспокойная, ответственная должность, ведь надо обеспечить одеждой, обувью, продуктами питания не одного ребенка, а сотни детей и никого не обделить при этом. Спокойно, умело вела свое дело Антонина Васильевна, добиваясь, чтобы наши воспитанники ни в чем не испытывали нужды. А это, поверьте, в те времена было совсем не просто. Сейчас она на пенсии, но интернат не оставила. Привязавшись к детям, перешла в «службу доверия» — стала работать ночной няней. А как благодарны мы нашей главной кормилице — бессменному повару интерната Евдокии Михайловне Босас! Более 25 лет стоит она у плиты, знает все вкусы ребят, наверное, поэтому и не страдают они у нас отсутствием аппетита. Много лет работает в интернате дежурной Полина Ивановна Иванова. Это моя правая рука, надежный помощник, на которого во всем можно положиться. Когда я болею или уезжаю в отпуск, то говорю: «Полина Ивановна, оставляю интернат на вас», и можно быть уверенным: никаких ЧП не случится, все поручения будут выполнены. Хорошие специалисты и надежные люди интернатские шоферы. Саша Макаров и Коля Гуляев — свои, «кровные», недавние выпускники; отношения у них с ребятами, можно сказать, родственные. Мальчишки наши «из первых рук» перенимают любовь к машинам, технике. Пришелся ко двору и новый водитель Анатолий Николаевич Петерсон. В любую поездку с детьми его можно отправлять безбоязненно. Он и рассадит ребятишек с удобствами, и накормит, и остановится, когда надо.

С 1978 г. в интернате воспитываются дети,

123555

оставшиеся без попечения родителей, хотя большинство — это сироты при живых матерях и отцах, которые лишены родительских прав или отбывают наказания за уголовные преступления. Немало ребятишек «отказных», брошенных. Находится много хороших людей, которые хотели бы удочерить или усыновить ребенка. Однако сделать это не всегда удается из-за несовершенства наших законов. Мы не можем отдать мальчика или девочку из интерната, если у них живы родители или есть родственники.

Недавно мы все же отдали девочку на воспитание в прекрасную семью. Радостно было видеть, как успокаивается, оттаивает ребенок, обретший мать и отца. И вдруг... объявилась «родительница». Она отказалась от дочери, когда та была еще в дошкольном детском доме, много лет не давала о себе знать, не поддерживала ребенка материально. А тут — пожалуйста: «Верните дочь!» Подала на нас в суд. Не знаем, что он решит, но хотелось бы, чтобы не в пользу «матери»-алкоголички, которая пятерых детей разбросала по разным интернатам, детским домам, вспомогательным школам республики.

Дети у нас живут с трех до восемнадцати лет. Самые маленькие поступили к нам в прошлом году, когда для них было подготовлено жилье — большая пристройка к школе-интернату. Строители треста «Сыктывкарстрой», зная о том, что здесь будут жить малыши, постарались на совесть: подобрали красивые обои, настелили утепленный паркет, оборудовали уютные игровые и спальни, в санитарных узлах повесили зеркала, отделали кафелем

стены, смонтировали специальные светильники. За качеством работ с особым пристрастием следила мастер СУ-4 Антонина Стрекалова. Уже год прожили малыши в своем красивом доме, а все здесь как новенькое, словно только вчера ушли от нас строители.

Постоянная наша забота — расходы на питание. Долго мы жили на 98 копеек в день на каждого ребенка. С невероятным трудом Совмину Коми АССР удалось «выбить» еще по 9 копеек дополнительно на молоко в связи с ослабленным здоровьем детей. Потом нам добавили еще по 20 копеек. Ну, думаем, вот теперь жить можно. Между тем цены росли, норму расходов на питание нам увеличили до 1 рубля 47 копеек, но все равно и этих денег не хватало. Поэтому и стали мы развивать свое подсобное хозяйство в Межадоре. Первый участок под картофель копали лопатами, потом сажали под плуг, который тянула лошадь, наконец приобрели маленький трактор и картофелесажалки. Весь урожай шел как подспорье к нашему столу. Ребята, отправляясь на поле, шутили: «Идем на подвиг ради своего живота!» И действительно, благодаря Межадору мы получили существенную прибавку на питание — 40 копеек на каждого ребенка. Теперь могли позволить себе покупать пирожные, соки, фрукты.

Хозяйство наше росло, управляться с ним становилось все труднее, но зато и гордиться было чем. Приедут гости, а они часто приезжают, дети говорят: «Ешьте на здоровье, грибы наши: сами собирали. Капуста тоже наша. Всё, кроме сметаны, наше, угощайтесь!» И верно, картошка своя, сушеные грибы свои, ква-

шеная и свежая капуста своя, свекла, морковь, репа, укроп — всё свое. А теперь еще и помидоры, и огурцы, и даже иногда небольшие арбузы в теплицах вызревают.

Словом, жили мы не в праздности, а в постоянном напряжении, это было то самое необходимое напряжение, без которого нет воспитания — ни личного, ни общественного. В 1987 г. нам выделили на питание по 2 рубля 46 копеек на день. Жить стало легче, а воспитывать труднее. Едим шпроты, семгу, консервы из лосося, и вот нет-нет да услышишь: «Фу, опять эти шпроты!»

Расскажу такой случай. Мы приехали со старшими детьми встречать Новый, 1989 год в Межадор. К двенадцати ночи накрыли праздничные столы. Бутерброды наготовили с окороком, и с ветчиной, и с черной икрой. Ребята за стол сели, черную икру ложками соскребли, а хлеб съели. На следующее утро до завтрака собрал всех, объяснил, чем полезна черная икра, дети проголосовали за то, что ее нужно есть, и опять ни один к ней не притронулся. В чем тут дело? Наверное, и в том, что детям нужно не столько дорогое, сколько сбалансированное, научно обоснованное питание. Поскольку каких-либо рекомендаций, разработанных специально для воспитанников детских домов, мы не имеем, вот и приобретаем продукты «поэкзотичнее». Но вообще-то это хорошо, что мы теперь получили возможность не экономить на питании и кормить наших ребят по повышенной норме. Ведь они у нас ослабленные, не блещущие здоровьем, худенькие, а некоторые прямо-таки дохленькие, и полноценная разнообразная еда им необходима. Осо-

бенно хороший аппетит у них в Межадоре, кормим мы их там шесть раз в день. А когда вечером привозят молоко и теплый хлеб, все как один наперегонки бегут в столовую. Тут действует, по-видимому, и эффект подражания. Но вот культуре питания детей еще нужно учить. И прежде всего брать столько, сколько можешь съесть. И тогда не будет на тарелках остатков пищи, надкусанных ломтей хлеба. Конечно, с компотом и киселем проблем не бывает — эти любимые блюда съедаются подчистую, а первое всегда остается. Мы стараемся разнообразить меню, непременно включаем в рацион овощи, фрукты, ягоды, зелень. Зимой у нас постоянно есть мандарины, апельсины, яблоки, брусника, клюква. А летом, как только в городе появляются первые с юга земляника, черешня, вишня, слива, они немедленно доставляются в Межадор. Продуктовые базы о нас заботятся в первую очередь.

Такое внимание к интернату, как я уже отмечал, не исключение, а правило. Подтверждение этому и наша столовая. Когда мы ее реконструировали последний раз 5 лет назад, к нам заехал заместитель председателя Совета Министров Коми АССР Александр Иванович Зерюнов, посмотрел, как движется дело, и очень возмутился убогой отделкой обеденных залов. Собрал строителей, снабженцев и не пожалел времени на серьезный разговор о том, для кого они делают ремонт. Его поняли. Нашлись все необходимые материалы, и теперь столовая — одно из самых красивых мест в школе. Замечательные четыре картины подарил нам художник Николай Александрович Лемзаков. Они придали особую праздничность

интерьеру нашей столовой-гостиной. Тут мы проводим выпускные торжества, отмечаем дни рождения. А Александр Иванович стал нашим большим другом и попечителем. Ныне он курирует в Совмине торговлю и всегда интересуется, не обходят ли поступившие в республику дефицитные товары детей-сирот. А совсем недавно поступило извещение на получение итальянского «Фризера» для производства мороженого. Привезли, запустили. Звонит Александр Иванович и спрашивает, нравится ли детям мороженое,— вот, оказывается, чья это была забота!

После принятия по инициативе общественности в 1985 г. постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о детских домах мы фактически решили все наши финансовые проблемы. На каждого ребенка в условиях Севера с круглогодичным пионерским лагерем сейчас нам отпускается около 450 рублей в месяц. Такая материальная обеспеченность создает реальные предпосылки, чтобы приблизить жизнь детей в интернате к условиям семьи. И все же мы по-прежнему продолжаем активно заниматься сельскохозяйственным трудом в нашем лагере. Но деньги, получаемые от своего хозяйства, теперь тратим на путешествия. Ребята побывали в Москве, Киеве, Ленинграде, Севастополе... Трудно сказать, где они не были. Наверное, только Дальний Восток и Средняя Азия остались неосвоенными. В последние годы мы увлеклись автопоходами. По распоряжению Совета Министров СССР получили комфортабельный автобус «Икарус». На нем мы уже съездили в города Киров и Горький, собираемся посмотреть Крым, а потом по-

клониться родине А. С. Макаренко.

Часто спрашивают, как мы одеваем воспитанников. Одеваем нарядно. Помню, раньше только и думали, как бы купить что-нибудь подешевле, а подешевле значит похуже. Покупали старую одежду в комиссионных магазинах, на базах нам сбывали то, что не имело спроса. Ходили дети в грубых негнущихся башмаках. Теперь же на наших ребят любо посмотреть. Купили всем кроссовки, костюмы из модной джинсовой ткани. Стараемся, чтобы у каждого был индивидуальный гардероб, поэтому более 2—3 одинаковых вещей не приобретаем. Заказываем одежду в ателье: шьем, вяжем, обновляем. Есть у нас теперь чековая книжка, и мы имеем возможность делать покупки прямо в магазине. Купим обновки, глядишь, через полчаса в них уже щеголяют ребятишки. А одежда требуется на все случаи жизни: и школьная форма, и парадная, и рабочая, и домашняя, и спортивная, да еще на каждый сезон! А если учесть, что на ребятах все горит, да и растут они не по дням, а по часам, новых вещей не напасешься, нужно беречь старые, содержать их в таком виде, чтобы можно было передать младшим братишкам и сестренкам.

Но привить такое отношение к своему гардеробу нелегко: привыкли наши воспитанники жить на всем готовом. Знают: разорвали, испачкали, потеряли что-то, получат новое, не выдержит директорское сердце. И действительно, не выдержишь. Не может же парень зимой ходить без шапки. Дашь новую, а потом малыши где-нибудь за сараем найдут его старую, которую тот загнал туда, играя ею в футбол.

Чтобы наши дети не выросли потребителями и транжирами, нужно, очень нужно им знать цену вещам и в прямом и в переносном смысле.

Приходит девочка в день рождения: «Хочу кофточку».—«Иди на склад, посмотри, сколько стоит». Приходит снова: «Тридцать пять рублей!»—«Не дороговато ли?..»

Заходит шестиклассник: «Хочу костюм».—«Узнай, сколько стоит».—«Узнал: семьдесят рублей». «Не пойдет, дорого для шестиклассника».

Мы никогда не снимаем этикеток с одежды, чтобы дети знали, что сколько стоит. Сейчас они получают деньги за участие в сельскохозяйственном труде и стали лучше понимать цену вещей, соотнося ее со своей заработной платой.

Да, мы теперь живем богаче, но строжайшая экономия во всем остается нашим главным законом. Как правило, ребята носят одежду дольше положенного срока. К малышам переходят вещи, из которых выросли старшие. Вот благодаря этой бережливости мы прекрасно одеваем наших выпускников. Мне не бывает стыдно перед ними, когда они идут по городу.

Отдельная тема — здоровье детей и борьба за их здоровье.

Как-то приехала к нам корреспондент «Учительской газеты» и очень удивилась: «Чего это вы у себя целую поликлинику открыли?» А у нас действительно сегодня в штате 3 врача и 12 медсестер (раньше 1 врач был и 1,5 ставки медсестры). Вот и стал я ей разъяснять, сколько у нас больных детей: 95 % — с хроническими заболеваниями, из них 80 % — с поражением

центральной нервной системы. Результат патологических родов, алкоголизма, наркомании родителей, тяжелой наследственности — вспыльчивость, раздражительность, немотивированная жестокость, непредсказуемость в поведении. Все это надо лечить. Потому и завели мы у себя физиотерапевтический кабинет (только для него оборудования приобретено на 20 тысяч рублей), ингаляторий, зубной кабинет и даже 10 лечебных ванн: радоновых, хвойных, гидромассажа. 10 ребятишек сразу могут принять ванны. 10 минут полежат и уходят успокоенные, за ними — черед следующих групп: времени хватит на всех. Прекрасное средство оздоровления психики! Новый изолятор оборудован как мини-больница. В изоляторе есть комната для игр, небольшая столовая, процедурная, пост дежурной медсестры, в каждой палате ванна, туалет, умывальник... Поэтому практически, кроме как на рентген, мы в городскую поликлинику не ходим. Физиомедсестра Галина Ивановна Фоминых — специалист высококвалифицированный, просто клад для нас. Общеукрепляющие физиопроцедуры помогли ребятам избавиться от ночного энуреза. Правда, летом, как только начинают на рыбалку ходить, ноги где-то застудят — так опять пошло. Поэтому для здоровья детей нам и нужны теплые корпуса на даче. Ведь, бывает, в июне снег выпадает. Север диктует свои условия. Как же тут без теплых корпусов?

Для лагеря мы тоже обзавелись необходимыми медицинскими приборами, достали даже диффузорный распылитель. Может, кто-нибудь видел медовые ингаляции? Небольшая комната метров девяти, в центре медовый распылитель,

вокруг него садятся до 20 детей и дышат целительным туманом.

Дважды в год все воспитанники проходят диспансеризацию, всесторонний врачебный осмотр. Это тоже заслуга Галины Ивановны.

В последние годы стало легче с санаторными путевками для детей. Открылись новые санаторные лагеря в Анапе. Профсоюзы нам выделяют туда путевки, правда не в летний сезон. Это хорошо, но не удовлетворяет нас полностью. Всех ребят с поражением центральной нервной системы мы не можем обеспечить санаторным лечением и отдыхом. Как член правления Советского детского фонда, я выступил с предложением построить специальный санаторный лагерь для детей-сирот с поражением центральной нервной системы. Их можно было бы направлять туда целыми классами вместе с учителями хотя бы на месяц. Можно было бы использовать и существующие южные лагеря, которые не функционируют в зимнее время. Ведь невозможно учить больного ребенка, когда он сидит в классе, но мало что воспринимает, а то и под парту падает. Главное — вылечить его, тогда он и об учебе будет думать. Считаю заботу о здоровье ребятишек наиважнейшей.

«Нужны ли в школе карцеры?» — вот до какого вопроса договорились некоторые теоретики и практики, с которыми мне пришлось спорить на различных совещаниях в Москве. Некоторые, знающие о школах-интернатах лишь понаслышке, тем не менее твердят, что от наших ребят одно социальное зло: у вас, дескать, сплошные наркоманы, а старшеклассницы одни проститутки, и без карцера в детдоме не обой-

тись. Пришел пьяный — в карцер, накурился наркотиков — в карцер, распутничает — в карцер! Жуть берет от таких рассуждений в конце XX века. Нет, если мы хотим жить в цивилизованном, свободном, гуманном обществе, карцеры нам не нужны, а вот специальную комнату отдыха при изоляторе иметь нужно. Каждому понятно, что в доме, где живут 300 детей, дефицит тишины. Играют — спорят, гуляют — кричат, с воспитательницей беседуют — галдят. Некоторым детям такой шум невыносим, у них нервы не выдерживают. Поэтому мы в своем интернате сделали много таких тихих уголков, где можно уединиться, посидеть в тишине. Яркий свет приглушен, кто хочет, включает бра, настольную лампу для себя и вяжет, или читает книжку, или играет в шашки, шахматы. А если у ребенка случается нервный срыв, а это часто бывает, то он успокаивается в комнате отдыха. У нас там красиво: ковер на полу, телевизор можно включить, книги, журналы почитать, любые соки можно попить. А кровать там просто шикарная. Да еще медицинская сестра поблизости. Два-три дня побудет парень в одиночестве, полакомится всласть яблоками, медом, вареньем и выходит совсем другим человеком — доброжелательным, покладистым. Мы на педсовете решили даже составить график отправки детей в комнату отдыха, как в профилакторий. Особенно полезен такой курс психотерапии пройти осенью и весной, когда у многих ребят наблюдается или слишком возбудимое состояние, или, напротив, депрессия, апатия.

Большое значение мы придаем летнему оздоровлению, закаливанию. Помню, в начале

моего директорства главный врач детской поликлиники, побывав у нас в лагере, прямо оттуда позвонила главному врачу СЭС: «Это — безобразие! У него тут все дети босые, на улице всего 17 градусов, а они без обуви бегают! Что же это такое? Кто будет отвечать, если что случится?..» Но мы считаем, на то и лето, чтобы побегать босиком — и для радости, и для пользы. Иногда прохладно, а ребята привыкли — носятся босиком. Зато зимой они у нас меньше простужаются, реже болеют ангиной, гриппом, ОРЗ. Почти каждый год в городе закрываются школы из-за эпидемии гриппа, а мы ни разу не прекращали занятий.

Как только позволяет погода, мы разрешаем массовое купание. Прошлым летом в июне всего 14 градусов было в реке, но некоторые храбрецы просили: «Разрешите искупаться». Я разрешил: ребята крепкие, всю зиму голышом из бани в сугробы ныряли. И не заболели, даже чиханья не слышал. А вот когда жаркие дни наступают, бывает и больше 30 градусов, то отменяем мы все работы, кроме поливочных, и весь день купаемся. Конечно, не все время в реке ребятишки сидят, да и лежать-загорать не любят. Выкупались — убежали. В волейбол поиграли — опять искупались. Вот почему мы и не настаиваем, чтобы нашим детям давали санаторные путевки на летний сезон. Северяне, они долго акклиматизируются на юге. Летом, даже если погода холодная, ребята лучше себя чувствуют в нашем лагере. Столовая здесь теплая, бани теплые, клуб тоже, в теплицах даже жарко, так как там калорифер работает. Вполне комфортная обстановка. Зато воздух у нас — не надышешься: можжевельника много, сосны

кругом. И река, и лес, и поле — все родное, знакомое. Любят дети свой Межадор, радуются, когда туда едут. А мы, взрослые, радуемся их радости.

ДЕНЬ КАК ДЕНЬ

Немало директоров интернатов побывало у нас в Сыктывкаре. И всякий раз я с интересом наблюдал смену их настроения. Сначала: «Ах, ах, как прекрасно! Это сказка!» А потом посмотрят на мой рабочий день, и звучат совсем другие интонации: «Нет, это невозможно...»

И все-таки я постараюсь показать рабочий день директора таким, каков он есть, потому что, чтобы была сказка, да и просто нормальная жизнь, надо многое одолеть и еще больше сделать совсем обычного и несказочного. Конечно, один день не похож на другой, каждый день — новые дела, заботы, проблемы, происшествия, неожиданные разговоры с детьми и взрослыми, новые идеи, задачи, мучительные вопросы, над которыми приходится ломать голову.

Люблю приезжать в интернат рано утром, особенно весной. Светло, но дети еще не проснулись, и везде умиротворенная и теплая тишина. Обхожу спальни, смотрю на чистые, розовые лица посапывающих ребятишек. Часто иронически говорят, что дети хороши, когда спят. А по-моему, они во сне на самом деле удивительно хороши и красивы. Есть какое-то неизъяснимое очарование в спящем ребенке. Солнечные лучи пронизывают уютные, просторные

спальни и встречают просыпающихся детей, и ты первым говоришь им добрые слова приветствия: «Здравствуйте! Доброе утро!..»

После подъема — зарядка. Старших ребят приходится заставлять выходить на зарядку. Нет, они не против самой зарядки, но, очевидно, проявляется какая-то возрастная инертность организма. Ну, а что делать, если их триста и каждому захочется минутку под теплым одеялом полежать и потянуться? Ничего не получается. Жизнь интерната должна подчиняться режиму. Уж очень большой наш дом, а был бы поменьше, тогда и поблажку кому-то можно было дать. А тут надвигается завтрак, задерживаться нельзя — остывает всё. Да и уроки по звонку начинаются. Такой темп жизни одними принимается легко, а другими — болезненно. Все зависит от склада характера, темперамента ребенка. Мы это понимаем, но и индивидуализировать наш режим не можем — таковы особенности жизни ребят в большом коллективе.

Но когда приезжают на побывку из армии наши выпускники и вместе со всеми выходят на зарядку, я не узнаю своих старших мальчишек. Тут уж никого подгонять не надо. В шесть утра съездят в городской плавательный бассейн, а оттуда — строем прямо на зарядку. Любо-дорого на них посмотреть.

А вот малыши всегда несутся на зарядку с радостью, наперегонки. Они вообще выполняют свои обязанности с какой-то истовостью. У них есть физорги, и ребятишки старательно повторяют вслед за ними все упражнения. Умилительно наблюдать, как они с воодушевлением бегают вокруг интерната: каждый ста-

рается прибежать первым и вообще понравиться директору. Я их в этот момент очень люблю, потому что все это так искренне, открыто.

Дети возвращаются с улицы, а я сажусь на скамейку в галерее. Они снова бегут мимо меня, но уже окончательно проснувшиеся после зарядки, бодрые, жизнерадостные, толкаются, смеются. С одним переговоришь, другого поддернешь слегка, с третьим пошутишь, четвертого спросишь, как настроение. Ребята радуются вступлению в новый день своей жизни, и ты чувствуешь себя влившимся в эту их жизнь, захваченным ею. Вроде бы только приехал, а будто бы и не уходил никуда.

Но вот все в столовой. Тут непременно надо посмотреть, как они едят, что нравится, что нет. Всегда находятся привереды, которые не хотят пить кофе или какао. Малыши все-таки пьют, а старшие категорически: «Давайте чай!» Но в конце концов все недоразумения улаживаются. После завтрака ученики отправляются в школу, а я опять сажусь на свою скамейку в галерее и смотрю, как кто причесан, одет, в порядке ли форма. Снова мимоходом решаются всякие дела: что-то напомнишь, договоришься о встрече, пожелаешь успеха на контрольной или в соревновании, о чем-то предупредишь — каждому находится что сказать. Младшие опять стараются понравиться. Идут в класс парами, взявшись за руки, хором здороваются. Они у нас с удовольствием здороваются и десять, и двадцать раз в день, хотя мы им и объясняем, что здороваться надо один раз, а потом при встрече можно и другие слова приветствия произнести — «доброе утро», «добрый день». Вроде бы, поняли, а потом идут мимо, головенки

дружно повернут и хором скандируют: «Здравствуй-те!»

Пока идут уроки, снова тишина в интернате, но начинается круговорот дел со взрослыми. Надо поговорить и с водителями, и с техническим персоналом. Большие проблемы всегда со снабжением. Поэтому одна из первых бесед — с заместителем директора по хозяйству и кладовщицами. Вроде бы всё мы нынче можем покупать и торговая база стала к нам гораздо лучше относиться, но наличие дефицита в самой торговле заставляет нас каждый день проводить нечто вроде оперативно-тактического совещания с горкомторгом и базами, чтобы приобрести необходимые для детей вещи.

Ведь сколько бьется иная мать, чтобы добыть своему ребенку ну хотя бы колготки. Купила ему двое-трое и успокоилась: месяца на 2—3 хватит. А нам ведь нужно в 300 раз больше! И это «в 300 раз больше» постоянно мучает нас и тревожит торговые предприятия. В магазине «в 300 раз больше» не купишь, на базе не получишь, и поэтому приходится всячески изворачиваться: что-то в одном магазине брать, что-то в другом, что-то на базах, в район ехать, там искать и выбирать. Две наши кладовщицы — Марина Сажина и Зоя Макарова — обе молодые современные женщины, мои главные добытчицы и законодательницы моды. Я очень рад, что у нас сейчас молодые кладовщицы. Они лучше понимают, что сейчас в моде. Я иногда выберу на базе одежду для старших девочек, красивую, как мне кажется, а они говорят: «Что вы, Александр Александрович, это уже давно устарело!»

А еще нужно позаботиться о продуктах

питания. Например, сегодня в столовой только три наименования соков. Звоню на базу. Спрашиваю: «Что с соками?» Отвечают: «Трудно, но приезжайте, постараемся вам дать». Вот это уже хорошо. Скорее направляем машину, и к полднику у нас соки шести видов. В общем, все, что можно где-то взять, где-то достать, быстро купить, — все это мы стараемся оперативно сделать.

День идет, и надо решать новые дела — запланированные и неотложные. Например, нужно побывать на уроках учителей перед их предстоящей аттестацией. Сегодня иду на урок к Елизавете Яковлевне Лукиной во II класс. Это очень хороший учитель. Невозмутимая внешне, она глубоко переживает и осмысливает весь процесс учения своих ребятишек. Много лет работает она в нашем интернате, но, направляясь к ней, я волнуюсь - знаю, что на ее уроке открою что-то новое и для себя как педагога. Ребятишки в моем присутствии особенно активны. Девчушка поднимает руку, а сама на меня оглядывается, вижу ли я ее усердие. Вижу, конечно, и ценю. Мальчонка еще выше руку тянет. И ему хочется, чтобы я видел, как он хорошо работает. Елизавета Яковлевна успевает всех спросить, не забывает похвалить: подойдет, руки на тетрадях поправит, спины малышам распрямит, разъяснит, покажет. Много работает индивидуально, доходчиво беседует с ребятами, всегда ровна и доброжелательна. Дети, все до одного, изо всех сил стараются, порой отвечают невпопад, но надо же помочь своей учительнице, когда к ней на урок директор пришел.

35 минут урока, потом 20 минут самопод

готовки пролетают почти молниеносно. А я не только оцениваю дидактико-методические аспекты работы учителя с учениками, но и отмечаю, так сказать, организационно-хозяйственные проблемы.

Форма у второклассников неважная, особенно у девочек: им в ней жарко. Надо бы новую сшить. Доска плохо висит, не всем ребятам хорошо видно. Может, ее повыше повесить и пристроить к ней ступеньки? Лучше будет видно, и детям к доске интереснее выходить. Шторы не мешало бы поменять. Двух форточек явно мало. Надо бы третью сделать. Будь моя воля, я бы в каждый класс поставил кондиционер. Школа построена давно, по старому проекту, и чувствуется, что не хватает ребятам кислорода, потому и устают они к концу урока. Вот и еще одна директорская забота — создать наилучшие санитарно-гигиенические условия для обучения, достать необходимые наглядные пособия, технические средства, чтобы учителю и детям было комфортно на уроке.

Вдруг зазвучала веселая музыка. Я даже не заметил, как Елизавета Яковлевна включила магнитофон. Ребятишки вскочили и начали выполнять гимнастические упражнения, похожие на танцевальные па. Физкультминутка. Хорошо бы в это время окна открыть! Но оконные рамы старые, задвижки высоко. Не полезет же учитель на подоконник, чтобы провести одну минуту физической подготовки! Значит, надо усилить вентиляцию, срочно добавить форточки. Это мое дело, директорское.

Прихожу с урока, а у кабинета меня уже дожидаются люди, звонит телефон. Нужно решать не только школьные, но и общественные,

депутатские дела. Приходят родители за советом, как лучше воспитать детей, как преодолеть разлад в семье. Сейчас, когда стал народным депутатом СССР, ко мне не только идут, но и пишут. Каждый день в 11 часов почтальон приносит в интернат огромную пачку писем. На конвертах чаще всего: «Сыктывкар. Католикову», а в них - мольбы, просьбы, жалобы, обращения за помощью. Тут и неустроенность с работой, с жильем, сетования на внука, обижающего деда — ветерана войны, на сына, ушедшего из дома, и многочисленные просьбы взять ребенка в интернат на перевоспитание. Вот об этих последних письмах я еще буду говорить особо. Тут только скажу, что меня поражает обилие таких писем. Происходит какая-то педагогическая патология: ученику плохо в школе, он там не нужен учителям; ребенку плохо в семье, родители просят взять его в интернат. Что же это за жизнь, при которой ребенку везде плохо, а родители жаждут сдать его на воспитание государству? Неужели они надеются получить назад своего ребенка в виде благообразного ангелочка? Нет, этого не случится. Они потеряют навсегда своего родного ребенка. Он забудет тех, кто его предал, они станут ненужными ему.

В течение дня приходится решать много вопросов, связанных с нашим строительством. В прошлом году, как я уже говорил, строители сдали нам большую пристройку, где мы кроме дошкольников поселили и старших ребят: они живут в уютных комнатах по 2—3 человека. Но вот теплотрасса была сдана с недоделками, и нам стоило немало сил наладить нормальное теплоснабжение в новом корпусе. Продолжаем

мы оборудовать и изолятор, и кабинеты медицинского блока. Словом, хлопот предостаточно. Недавно приняли в эксплуатацию спортивный блок и плавательный бассейн, в котором ребята теперь плещутся целыми днями. Не знаю, как в других местах, а для наших детей-северян вода имеет какое-то магическое притяжение. Вытащить их из воды — забота не из легких.

Пока ученики не вернулись с уроков, я должен заглянуть к нашим дошколятам. Общение с малышами для меня всегда радость и удовольствие. С ними отдыхаю душой. Их непосредственность, открытость, готовность поделиться своими радостями, рассказы о том, что огорчило, удивило, озадачило, поднимают настроение, успокаивают, просветляют и словно дают второе дыхание.

Захожу к малышам трех лет. Сразу счастливый крик: «Директор пришел! Мама пришел!» Зовут они меня мамой, потому что в дошкольном детском доме, откуда они поступили, мужчин не было, и мужчина для них нечто непонятное и невоспринимаемое. И если ты о них заботишься, ласкаешь их, на колени сажаешь, на руках держишь, значит, мама, хоть и несколько иного вида.

Как накричатся «Мама!», каждый старается свои новости рассказать, каждый должен в карман залезть, а если найдет что-нибудь, всем покажет, потом назад положит. И каждый обязательно посидит на коленях, и каждого погладить надо. А главное —«касетка» (конфетка). Ее тоже непременно надо вручить каждому. И что меня удивляет, всегда скажут: «И маме-воспитательнице дай касетку». Вот где сама непосредственность и доброта! Поэто-

му я и люблю к ним ходить. Вот мальчишка забрался на колени, ручонками обнял за шею и шепчет: «Я так тебя люблю! Так люблю, я больше всех тебя люблю...» А почему он больше всех меня любит, непонятно. Просто ему нужно произнести это и хочется, чтобы я тоже его больше всех полюбил, но нельзя мне его больше всех любить. Ведь десять человек в группе, и каждому надо дать ровно одну десятую любви. Если чуть-чуть больше дать одному, остальные обидятся.

Как-то у нас случай был после того, как я вместе с детьми выступал по Центральному телевидению. Тогда речь шла об армяно-азербайджанском национальном конфликте. Рядом со мной сидела Женечка, девочка трех лет. В своей группе она сказала про меня: «Он теперь мой главный мама. Он будет меня возить на машине». Как ребятишки на нее обиделись! Сказали: «Нет, он наш мама. Мы тоже с ним поедем на машине». Прихожу в группу, а Женя спрашивает, правда ли, что я ее больше всех люблю. Детишки все насторожились. Отвечаю: «Я всех люблю одинаково, и тебя, и их. В следующий раз мы поедем на машине все вместе».

И однажды, когда малыши гуляли на улице, а я уезжал по делам в горисполком, они окружили меня: «Ты нас повезешь?!»—«Ну конечно, повезу». Как вся эта мелочь бросилась на заднее сиденье, все десять там разместились, и мы поехали. Сколько же было восторга, что они едут на машине! Сколько было удивления от увиденного в городе! Ведь дети из Дома ребенка словно маленькие узники, почти никуда не ходят и не видят ничего. А тут они ехали

по городу, видели машины, дома, людей. Крик стоял: «Смотри! Смотри!» Казалось бы, пустяк, 15-минутная поездка по городу, а для них это величайшее событие. Зашел я в горисполком, а им наказал выйти и погулять, пока я дела решу, потом вместе домой поедем. Ни один из машины не вылез, терпеливо дожидались меня: боялись, как бы машина без них не уехала.

С приходом малышей в интернат вся наша жизнь стала добрее и чище. Старшие девочки теперь даже к мальчикам лучше относятся, потому что дошколята отучили их от резкости, грубости. До прихода малышей мне казалось, что труднее всего работать со старшими — столько с ними всяких проблем! А сейчас я твердо убежден, что самая кропотливая, тяжелая работа — воспитание маленьких. Кажется, всего-то их десять человек в группе. Но все им надо показать, все объяснить, всему научить. Если в семье все это происходит естественно и ребенок просто подражает родителям, то здесь всему приходится учить специально. Пошли гулять. В семье, отправляясь на прогулку, родители не составляют ее познавательную программу, а мы составляем. Заранее решается, чему научить, что показать, что рассказать. Нужно научить качаться на качелях, правильно идти по улице, лепить снежную бабу, играть в зимние игры, кататься на санках с горки... Смотришь, приходят воспитательницы с гулянья совершенно выдохшимися, но как они счастливы от общения с детьми! Хорошо еще, что воспитательницы нашего дошкольного отделения очень молоды. Такая физическая перегрузка, которую они испытывают, ветеранам была бы не по силам. Молодежь

внесла свежую, бодрую струю в жизнь нашего коллектива. Некоторые из молодых воспитателей преемственно избрали педагогическое поприще. Вот, например, Оля Шеина. Ее дедушка — известный психолог, всю жизнь в нашем педагогическом институте проработал, хорошую смену себе оставил. Видно, он и в Олю «педагогические гены» заложил.

Великолепно идет работа с малышами и у нашего «ветерана» Марины Усовой. Была она у нас три года старшей пионервожатой, а теперь четвертый год ведет подготовительную группу. Замечательно работает. Зовут ее мамой, и заслуженно: столько добра и любви несет она детям! Каждого ребенка готова обогреть, защитить, приласкать — нежности хватает на всех! И чего только она не придумывает, заботясь о максимальном развитии своих ребятишек! Постоянно куда-то ведет, что-то показывает, рассказывает, встречи устраивает. Даже наши старшие парни, которые в ее малышовую группу приходят, активно включились в воспитание дошколят. Прямо какое-то «единосчастие» (если бы было такое слово!) взрослых и детей.

Между тем день, о котором я рассказываю, продолжается. Приближается время обеда, а вместе с ним — новые заботы. Приходят в столовую по два дежурных от класса. Обычно у нас в столовой дежурят мальчики. Только к самому обеду приглашаем дополнительные силы из девочек, так как сервировка стола — дело более тонкое. Я вижу, что они стараются накрыть столы красиво. Вокруг хлебницы ровно расставили маленькие тарелочки с салатом, стаканы с компотом отодвинули на край стола.

А вот сам обед приносит мне много огорчений. Никак не приучим мы ребят, особенно старших, есть не торопясь. Вот и сегодня — только сели за столы, тут же съели компот. Первое совсем есть не стали, схватили второе, проглотили котлету без гарнира и побежали. Всё! обед окончен. Если бы им хватило этого до полдника, я бы, может быть, ничего против не имел. Но не проходит и часу, как один за другим бегут в столовую и «кусочничают».

Поэтому, когда бываю в столовой (а я стараюсь находиться в крыле, где обедают старшие), начинаю войну. Командую: сначала всем есть суп! Пока не съедят, второе не подавать и к компоту не прикасаться. «Почему ты второе не ешь? Ведь рыба — это фосфор, кости укрепляет, а тебе в армии служить... А ты будущая мать, тебе надо крепкой быть, чтоб детей рожать...» Вот так хожу по рядам и уговариваю, а если уговоры не помогают, сажусь к ним за стол, наливаю себе суп, кладу второе и ем с удвоенным аппетитом, демонстрируя потом тарелку: съел дочиста! Глядишь, живой пример заражает, хоть через силу, но все съедят. А когда пообедают нормально, до полдника не хлопают двери столовой — никто не бегает за хлебом.

Самое удивительное, что малыши съедают все, что им подают, борются за членство в «обществе чистых тарелок». Средние тоже едят все, что положено. А вот у старших возмутительное неуважение к пище. И все как один не любят рыбных блюд. Это у наших-то поваров! Татьяна Викторовна Шолохова чего только из рыбы не делает: и беляши, и тефтели, и по-коми запекает с молоком и яйцами. Все равно плохо

едят. Ведрами выносим, кормим собак, других животных, отдаем в подсобное хозяйство управления связи. Договорились с учителями: пусть за обедом зорко следят за детьми, чтобы с супа начинали обедать. Ничего не помогает. Но зато в лагере, как я уже говорил, всё съедают подчистую! Может быть, нормы питания надо связывать с режимом жизни, двигательной активностью? Есть над чем подумать здесь гигиенистам и физиологам.

К концу обеда подсаживаюсь к столу учителей и воспитателей. Именно к концу, так как иначе я отобедаю раньше их. Видно, еще комсомольская закваска действует. Привык всюду спешить и есть очень быстро (может, и старшие ребята мне в этом подражают, к моей беде). Здесь, за столом, мы и обсуждаем накопившиеся проблемы, а в кабинете, в классах обстановка не для бесед. В нашей уютной столовой разговор получается домашний, доверительный.

После обеда начинается вторая половина дня, отданная развивающим занятиям искусством, спортом, рисованием и труду. Кстати, об учебном труде. Мы старшеклассников резко не разделяем: мальчиков — в столярные и слесарные мастерские, а девочек — в швейный и кулинарный цеха. Каждый идет, куда хочет. Многие мальчишки работают в швейном цехе и могут сшить себе не только трусы, но и брюки. Не чураются они и кулинарного дела. Наоборот, именно они, мальчишки, слывут у нас в интернате асами поварского искусства. Такие фантастические бутерброды и салаты изобретают, что от одного вида аппетит разыгрывается. А еще разыскивают рецепты необычных

соусов и часто угощают нас в лагере диковинными восточными приправами к различным блюдам. Даже нелюбимый рыбный суп, если положат туда кусочек лимона или веточку зелени, все едят и нахваливают. Может, тут и скрывается секрет аппетита, разгаданный самими детьми?

Для младших обязателен послеобеденный сон. Спят не только дошколята, но и ученики I—III классов — без дневного отдыха они очень устают. Тихо, спокойно в их спальнях, да и под окнами в это время старшие стараются не шуметь.

А мне тем временем надо решить массу вопросов с Александром Федоровичем Ануфриевым. Это наш друг и помощник во всех строительных и ремонтных делах. Я им восхищаюсь. Человеку 75 лет, давно на пенсии, ветеран партии и труда, но без дела сидеть не может. Без лишних слов и просьб придет к нам, обойдет территорию, что-то измерит, рассчитает, и, глядишь, готов проект новой стройки.

Нынче мы задумали соорудить тир. С Александром Федоровичем подобрали подходящее помещение в подвале и вместе с ребятами начали его оборудовать под тир. Конечно, основную работу выполняют наши шефы — строители СУ-5, но руководит всем неугомонный Александр Федорович.

Надо сказать, что во всех наших делах, хозяйственных и строительных (а строим мы что-то постоянно), непременные равноправные участники — дети. Вот и сейчас, когда строим тир, ударные бригады систематически выходят туда на работу. Дело находится всегда: надо разгрузить кирпич, убрать мусор, натаскать

песка, выровнять бетонное покрытие, приготовить доски для пола... Каждый своим трудом зарабатывает право сказать: «Мы построили тир», «Я строил тир». Эта дружная общая работа с реальным результатом воспитывает лучше всяких слов и оставляет добрый след в душе навсегда. Недаром во многих письмах наши выпускники вспоминают о тех делах, в которых они принимали участие и которые содействовали их самоутверждению, осознанию своих возможностей, испытанию как личности.

В 16 часов воспитанники отправляются в город — в кружки, секции, во Дворец пионеров, в музыкальную школу, школу изобразительного искусства. Одновременно много кружков по интересам действуют и в самом интернате. О начале занятий в них говорит особое оживление в директорском кабинете: бегут за гитарой; для драмкружка надо сшить костюмы — приходят с заявками; кому-то потребовался транспорт, другим — спортивный инвентарь. Но вот все занялись делом, а у меня в кабинете собирается планерка. Приходят мои заместители: Лидия Ивановна Камелина — по воспитательной работе, Людмила Александровна Колегова — по учебной работе, Наталья Ивановна Миронова — по дошкольному отделению. Тут мы определяем стратегию и тактику решения насущных интернатских проблем: о питании, одежде, оздоровлении детей, подводим итоги сделанного за неделю, намечаем главные задачи следующей. Эти еженедельные планерки — своеобразный штаб управления всей жизнью интерната, здесь вырабатывается единство действий по различным вопросам, что помогает нам двигаться вперед, к новым

целям. Двери в кабинет открыты, и на планерки приходят все, кто хочет: воспитатели, учителя, дети. Непременно бывают Эля Давыдова — секретарь школьной комсомольской организации, Галия Сейфулина — председатель совета дружины. Надо заметить, что у нас теперь нет старшей пионерской вожатой, и Галия, ученица VIII класса, ведет всю пионерскую работу через отрядных вожатых и командиров отрядов. Исключительно самостоятельная девочка. Иногда на планерке что-то не получается. Тогда все вместе решаем, как выйти из положения. Думаем сообща, коллегиально.

Периодически проводим смотры одежды — в начале каждого сезона, а также перед лыжными соревнованиями зимой и большими туристскими походами летом. Составляем график и идем по классам. Администрация, кладовщики, кастелянши, воспитатели выясняют, кто как одет к предстоящему сезону. Тут же вместе решаем, что надо подкупить, а с чем подождать. Кроме того, эти смотры позволяют наглядно убедиться, умеют ли дети беречь одежду, заботятся ли кладовщицы о своевременной покупке платьев, пальто и достаточно ли модны эти вещи, удобны ли. Такой совместный контроль в одинаковой степени нужен и взрослым, и детям.

А вечера я больше всего люблю накануне субботы. И хотя пятница — тяжелый день, дежурство продолжается до отбоя, работать приходится не менее 14 часов, я радуюсь, предвкушая наступление вечера. В позапрошлом году мы купили несколько видеомагнитофонов, кассеты с записями. И вот после ужина, безо всякого объявления, дети собираются в моем

кабинете: будем смотреть фильм. Рассаживаются кто где может — на стульях, креслах, а большей частью на полу. Я тоже сижу за столом, весь облепленный ребятней. Хотели оборудовать отдельный видеосалон, но свободный класс потребовался для математического кабинета. А поскольку у меня теперь новый кабинет с ковром на полу, то решили проводить видеосеансы здесь. Как дороги для меня эти пятничные посиделки, когда я нахожусь в окружении моих дорогих мальчишек и девчонок. Вот они с нетерпением ждут фильм. Начали. Кажется, даже не дышат, смотрят во все глаза. А я сижу у края стола и разбираюсь в ворохе бумаг и документов, накопившихся за неделю. Я не смотрю фильм, только на слух улавливаю, что там происходит. Но я кожей чувствую, как они воспринимают происходящее на экране, что им нравится, что нет, как реагируют на кульминационные сцены. И при этом мы — одно целое.

По субботам, тоже вечерами, проходят советы бригадиров. Мы до сих пор вспоминаем прекрасного председателя совета бригадиров Колю Бабенко. Стараемся, как и он, оперативно, по-деловому решать все бытовые вопросы. Теперь ведет совет бригадиров Миша Ромашин, ученик IX класса. Человек рассудительный, жизнелюбивый, малышей крепко любит и очень великодушен ко всем взрослым. Собираются бригадиры опять же в моем кабинете. Это ребята с IV по X класс. Но прибегают все желающие и «заинтересованные лица». Конечно, и малыши тут как тут. Залезут на диван, сидят, слушают разговоры старших.

Отчитываются бригады, кто и что сделал

в интернате: как снег чистили, как спальни содержали, что в оранжерее делали, как за животными ухаживали, как инвентарь ремонтировали. Обязательно спрашиваем малышей, не обижал ли их кто. Они рады, что и о них вспомнили. Головенками крутят: значит, никто их не обижал. Решаем, какая бригада за неделю лучшая. Это для нас крайне важно. Ведь бригада, стойко удерживающая первенство, награждается в конце месяца, года. Распределяем дела на следующую неделю, напоминаем, как вести трудовые паспорта (это у нас форма точного учета трудового участия каждого). Совет бригадиров давно уже обрел авторитет и стал действенным органом управления нашим интернатским хозяйством. Для поддержания престижа бригадиров мы выдаем им солдатские звездочки с серпом и молотом, а старшему бригадиру — две. Они с удовольствием носят их на школьной форме. Сразу видно, что это люди ответственные и уважаемые в интернате. Совет бригадиров (а я стараюсь на нем поменьше выявлять свою волю) служит для меня еще и школой сотрудничества с детьми.

Иногда в течение дня приходится разбирать ребячьи конфликты, однако случается это все реже. Ведь три года назад мы создали специальный выборный орган — совет чести (из трех воспитателей и четырех школьников), который все больше воспитательных функций берет на себя. Я стараюсь ему передавать свои «карательные» права, хотя все-таки некоторые проступки детей выходят и на директора.

Когда возникает конфликт, я прежде всего даю себе самому команду: «Не старайся разобрать его сразу». В педагогическом воздейст-

вии всегда нужна какая-то нравственная пауза, предопределяющая справедливое решение. Знаю, что не всегда бываю терпим по отношению к взрослым и детям, особенно когда попадутся под горячую руку. Сделаешь, скажешь что-нибудь под влиянием минуты, а потом одумаешься, и оказывается, что можно было принять куда более разумные меры. Вот и приходится или извиняться, или что-то предпринимать, чтобы человек не обижался. Особенно недопустимы несдержанность и нетерпимость по отношению к детям.

Так, я не мог добиться, чтобы при входе в галерею, ведущую в спальный корпус, дети снимали обувь. Распорядился постелить на полу новый красивый ковер. И что же? Безо всяких указаний и приказов дети стали снимать обувь. Но однажды здоровенный девятиклассник после работы в грязных сапожищах потопал по ковру. Дежурная за ним: «Ты куда?! Остановись! Директор не велел!» «Скажите своему любимому директору, что это я прошел по его ковру!» Когда мне об этом сказали, я вспылил и отправил ему записку, чтоб немедленно уходил из интерната. Знал, что у него в пригороде живет мать. Через час посылаю гонца. «Ушел?»—«Нет!»

Вечером парень пришел ко мне в кабинет. Встал у самых дверей, голову повесил. Долго молчал, потом выдавил: «Вычистил я ковер». — «А что случилось с тобой?»—«Ребята головастиком дразнят...» Надо же ведь, как бывает! Думал, хулиганит, а, оказывается, он в ярости был, сам себя не помнил. Вот что значит выяснить мотив поступка.

Из чего еще состоит рабочий день дирек-

тора? Много времени отнимают всякого рода совещания. Правда, я их теперь реже посещаю, так как ни для кого не секрет, что пользы от них не бывает. Приходится выслушивать массу вопросов, не имеющих к тебе никакого отношения. Сидишь на подобном совещании и думаешь: на заседание комитета комсомола уже не успел, на совет дружины не сходил, на намеченный урок не попал. Сколько часов, нужных для дела, бывает загублено!

Часто приходится ездить в Межадор. Вдруг нам предлагают строительный материал, надо срочно вывезти в лагерь. Может, сделать это в субботу или в воскресенье? Ведь на эти дни мы всегда выезжаем в лагерь. Нет, нельзя, в эти дни базы закрыты. Значит, едем вместе с ребятами среди недели, с самого раннего утра. Учителя ворчат: «Опять детей с уроков снимаете!» Завуч недовольна. Приходится их убеждать: «Ведь к вам приходит газовщик, телевизионный мастер, слесарь, холодильщик. Что вы тогда делаете? Отпрашиваетесь с работы, сидите дома и ждете их. Так же и у нас. Ничего не поделаешь — ведь это нам надо».

Берем с собой сухой паек и едем. В селе Визинга, в 100 километрах от города, грузим лес, одну машину, вторую, третью. Везем в лагерь, там разгружаем, аккуратно складываем. После обеда уже на ногах не стоим. Сил нет. В город надо скорей возвращаться. Но как же без бани? Это у нас любимое место: баня сауна, камин, гостиная, где можно чайку попить. Здесь нет ни кабинета, ни класса, ни пиджака на директоре. Сидим все одинаково распаренные, укутанные полотенцами, полуголые, чай пьем из одинаковых чашек. Вот тут и бывает

между нами полное понимание и разговор о жизни получается замечательный. Тут же и телевизор смотрим, никто не боится меня поправить, если я что-нибудь про хоккей скажу невпопад. Я не возражаю, ведь на самом деле мало в нем разбираюсь. А у них великая радость, что они в споре правы оказались и я признался: «Сдаюсь! Неправ!»

Кто-то может сказать, что слишком много времени уходит у директора на такие неглавные дела, как хозяйственные. А я так не считаю.

Во-первых, хозяйственная деятельность — основа нормальной жизни. Если в школе всё есть, то на этом фундаменте выстраивается правильное обучение и воспитание, здоровая жизнь детей.

Во-вторых, без постоянной заботы о состоянии интернатского хозяйства нельзя обеспечить детей всем необходимым для жизни, отдыха и учебы. Здесь уровень «бытия» во многом определяет реальность осуществления наших планов развития.

В-третьих, и это главное, включая детей в разнообразную хозяйственную деятельность, мы учим их быть хозяевами своего дома.

Однажды летом во время поездки в г. Горький зашел с детьми на базар. Сколько там было овощей, груш, яблок, персиков! Решил их побаловать, персиков купить, прицепился — 7 рублей за килограмм! Смотрю, мои ребята меня к другому продавцу зовут, объясняют: «Оптом обещал по 5 рублей продать!» Где только они такое слово —«оптом» — узнали? Но тут же смекнули, что выгоднее для нашего семейного «кошелька», наглядный урок экономики.

В хозяйственных делах я не могу обойтись без нашего биолога Людмилы Михайловны Дымовой, особенно когда начинается подготовка к летнему сезону. Надо составить график выезда ребят в Межадор, обеспечения их продуктами, организации трудовых дел. Масса проблем возникает с транспортом, вывозом удобрений. Поэтому, когда Людмила Михайловна приходит ко мне в кабинет, я знаю, что возникла еще одна хозяйственная проблема, которую нам предстоит решить.

Скоро, однако, нам с ней будет легче. У нас появилась помощница — Октябрина Михайловна Вежова. Она уже пенсионерка, Герой Социалистического Труда, знаменитый в Коми АССР овощевод. К нам оформилась инструктором по трудовому обучению. Вот мы и возлагаем большие надежды на ее опыт — житейский и организаторский.

Октябрина Михайловна уже несколько раз побывала с нами в Межадоре. При ней любое дело спорится, и к детям она подойти умеет. Как-то девочки делали торфоперегнойные горшочки, но не получались они у них: навоз шел комками. Тогда Октябрина Михайловна начала руками навоз разминать, а за ней и девочки. Слышу, говорят между собой: «Ну, ясно, чтоб героем стать, надо навоза не бояться...»

Хозяйственная работа — основа жизни. Ведь и в каждой семье родители вместе с детьми всегда хозяйство налаживают. Без него дом не дом. Так и у нас. Не понимаю, почему хозяйственную деятельность относят к общественно полезному труду. Это самый настоящий производительный труд. Труд, производящий основы нашего общего счастья.

Мой недостаток - неумение рационально организовать свой рабочий день: не могу выбрать времени, чтобы передохнуть, побыть на свежем воздухе. Не успеваю за 11 часов сделать все намеченное. А на завтра приходится еще больше дел планировать, и все неотложные. Приходишь домой, читаешь газеты, смотришь телевизор, а сам машинально берешь карандаш и опять в блокнот дела на завтра записываешь. Глядишь, уже двадцать пунктов написал. Тут уж об отдыхе и думать нечего.

Общественная работа тоже требует времени, на письма, как я уже говорил, надо непременно откликнуться. Ко мне ведь обращаются за помощью и как к народному учителю СССР, и как к члену-корреспонденту АПН СССР, и как к народному депутату СССР. Проблемы, проблемы... Из Перми пишут о неудовлетворительном отношении к своим обязанностям завгороно, «приезжайте, только вы можете нам помочь». Чувствую свою огромную ответственность и поэтому советуюсь с коллегами, вместе думаем, обсуждаем, как и в чем можно помочь людям.

Ни одного дня не обходится без бесед с воспитателями. Мне всегда интересно беседовать с Зоей Николаевной Мальцевой. Как она понимает детей! Она знает всю их подноготную и в каждом проступке ребенка всегда найдет мотив, снимающий его вину.

Всю жизнь посвятила воспитанию детей-сирот Ия Алексеевна Денисова. Нынче ей опять достался неблагополучный класс, но мы знаем, что своей участливостью, материнской мудростью она повернет детей к добру, выпрямит их души.

Повезло нам и с двумя новыми воспитательницами: Капитолиной Вениаминовной Винц и Ольгой Елиферовной Фиминой. Они глубоко вникают в психологию детей, умеют предвидеть развитие каждого ребенка. Их суждения отличаются продуманностью и заботой о детях. К тому же одна из них секретарь партийной организации, другая — председатель профкома. Поэтому, как говорится, сам бог велел мне им помогать, а им мне. Главное, что мы прекрасно друг друга понимаем и наши беседы мобилизуют нас на организацию новых интересных и полезных дел в интернате.

Нужно найти время и для встреч с учителями. Вместе обсуждаем планы уроков, подготовку к аттестации, ведение внеклассной работы. Вообще, можно сказать, что весь день — это непрерывное общение.

Но вот наконец отбой. Малыши младших классов сразу ложатся в кровати, а потом присматриваются, какая нянечка сегодня дежурит. При некоторых можно и на шкаф влезть, неспортивную борьбу устроить подушками, но тут директор идет. Пулей в постель, на правый бок — и засопели.

Дошколята, умытые, чистенькие, послушно лежат в постелях, а спать не хотят. Ну, никак не хотят. Захожу к ним, а их старшие ребята укладывают. Конечно, сразу выскочили из кроватей, опять каждого нужно погладить, да еще у каждого новость для меня есть секретная. Гвалт стоит сплошной. Ушел, успокоились.

А старшие дети? Не знаю, правильно ли мы их воспитываем. Прихожу домой в одиннадцатом часу, звонят: «Александр Александро-

вич, можно кино посмотреть?» Отвечаю спокойно «можно» или «нельзя» — в зависимости от качества фильма. Жена смеется: «До чего же у тебя наивные дети! Зачем разрешения спрашивать, когда ты все равно не узнаешь?» А вот узнаю! Какое-то сверхчувство во мне развито на всякие нарушения, неправду, уловки. По растерянности в глазах, по сдержанности в дыхании угадываю, что в чем-то провинились. Я иногда сам себя боюсь. Иду по интернату и то, что за углом происходит, издалека чую. Наверное, это от долгой работы в интернате, от вчувствования в детей.

Кончился мой рабочий день. Угомонились мои девчонки и мальчишки. Целый день я был с ними. Выслушивал их затаенные секреты, вел мужские разговоры. Они тихо сидели на диване в моем кабинете и следили за тем, как я работаю. Заходили в кабинет взрослые: кому-то из ребят не хватило пальто, девочка не хочет носить немодные сапоги, неизвестно, как лечить Петю, если он не хочет лечиться. Учитель физкультуры просил обратить внимание на оборудование спортзала. Главный повар утверждала меню на завтра...

Теперь все спят. Клубочками свернулись малыши. Притворяются спящими мальчишки-подростки. Старшие выронили книжки, которые читали на ночь. Все спокойные, умиротворенные. Не поверишь, что вот этот сегодня буянил целый день. А эта девочка долго плакала, напрасно прождав маму, вышедшую из мест заключения. Сейчас притихли, замолкли. Дети действительно хороши, когда спят. Они удивительно хороши. Спокойной ночи, дети! До завтра...

УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Ежегодно в первый день осени ребячьи ручейки стекаются к школе. Взволнованные и торжественные первоклассники, суетливые подростки, горделиво-снисходительные старшеклассники... Каждое первое сентября я встречаю с новым волнением. Что ждет нынче этих ребят и девчонок, таких красивых в белых бантах и красных галстуках, с охапками ярких осенних цветов? Хотелось бы верить, что ждет их обновленная школа воспитания и обучения. Ведь сейчас школа «призвана удовлетворять потребность учащихся в знаниях». И это звучит весомо и справедливо —«потребность учащихся в знаниях». Но есть ли она, эта потребность, и как ее вызвать, как развить истинное желание детей учиться, приобретать знания?

Нежелание многих детей учиться — беда нашей школы, тяжкое испытание для учителей. Часто спрашиваю педагогов, хотят ли учиться дети, которых они обучают. И меня поражает, что многие привыкли учить детей, не желающих получать знания по их предмету, будто бы и не представляют, что может быть иначе, не понимают, каким безнадежным делом занимаются и как это трагично — вбивать знания в головы детей, не воспринимающих эти знания, не сопереживающих с учителем.

Мне необычайно повезло, что вместе со мной в качестве завуча начала работать в интернате Зинаида Викторовна Егорова. Словесник, умеющий видеть глубины учебного процесса, она, органически сочетая требовательность и чут-

кость к людям, сумела включить учителей в такую продуманную систему самообразовательной работы, которая за считанные годы сделала их мастерами педагогического дела. В своей жизни я не видел завуча, который бы работал столь целенаправленно и продуктивно.

Зинаида Викторовна поставила перед собой цель «очеловечить» те знания по педагогике и психологии, которые когда-то были получены учителями в пединститутах, но, неосознаваемые, не входили в плоть их педагогической деятельности. Нужно было одушевить эти чуть тлеющие знания, окропить их свежей водой практики и дать им новую жизнь.

Зинаида Викторовна и доцент кафедры педагогики и психологии Коми государственного педагогического института Лия Васильевна Плаксина составили перспективный план самообразовательной работы учителей на семь лет. Он предусматривал ряд тем, объединенных насущной потребностью модернизировать учебный процесс. По годам, начиная с 1974/75 учебного года, темы распределились следующим образом:

многообразие методов обучения на уроке;

приемы активизации мыслительной деятельности учащихся;

проблемное обучение, его приемы;

принципы обучения, их творческое воплощение;

индивидуальный подход в обучении, пути его осуществления;

трудные дети и учебный процесс;

педагогический такт и авторитет учителя на уроке.

Учителя активно включились в изучение этих тем. Заслушивались доклады и сообщения ведущих преподавателей кафедры педагогики и психологии КГПИ. Шло обсуждение на педсоветах и методобъединениях. Учителя изучали литературу, писали рефераты, давали открытые уроки. При этом Зинаида Викторовна придавала огромное значение систематическому контролю, осуществляя его планово и регулярно. Подобно В. А. Сухомлинскому, она тщательно изучала возможности каждого учителя, отмечая на первых порах лишь его сильные стороны. Исподволь, тактично подступала к недостаткам преподавания, показывала пути их преодоления на примере собственных уроков. Никаких конфликтов с учителями, требовательность и доброжелательность сопровождали административное руководство Зинаиды Викторовны.

В результате к началу 80-х годов в интернате не стало плохих учителей, не стало посредственных уроков. Многочисленные гости, посещавшие интернат, удивлялись, что все, без исключения, наши учителя — мастера своего дела. Только мы с Зинаидой Викторовной знали, как беспомощны и неумелы были семь лет назад некоторые из тех учителей, которые теперь стали общепризнанными мастерами.

И еще одно педагогическое явление подтвердило эффективность осуществленной в интернате самообразовательной работы учителей. В начале 80-х годов в сознание учителей внедрялись идеи оптимизации обучения, разработанные академиком АПН СССР Ю. К. Бабанским. Проводились республиканские и городские конференции, читались лекции в ин-

ституте усовершенствования учителей, директора школ требовали оптимизации обучения от преподавателей всех предметов, но — увы... учителя оставались глухи к этой педагогической новации. Вот тогда-то мы с удивлением заметили, что наши учителя с интересом восприняли идеи оптимизации содержания образования, выбора методов, форм обучения. Вся предварительная работа по самообразованию сделала доступной и интересной для них проблему оптимизации учебного процесса. Ведь эта проблема настолько сложна, что сама по себе требует немалой теоретической подготовки учителей. Потому-то ее и не приняли многие педагоги, что у них не было соответствующей теоретической базы. Ведь неслучайно, создавая теорию оптимизации учебного процесса, Ю. К. Бабанский не менее десяти лет вел общепедагогическую подготовку учителей Ростовской области.

К большому сожалению, по состоянию здоровья Зинаида Викторовна в 1987 г. ушла с должности завуча, но мы до сих пор чувствуем, какую важную роль сыграла та теоретическая основа, которую она заложила системой самообразовательной работы учителей. На фундаменте этой подготовки мы продолжаем изучение новых тем, широко внедряем идею коллективных форм обучения на уроке, превратили старшеклассников в активных соучастников учебного процесса.

В последние два-три года все учителя проявляют особый интерес к творчеству учителей-новаторов. Наш подход прост: если в дидактических системах новаторов есть методические находки, приемлемые для обучения наших

детей, мы с благодарностью берем их на вооружение. И действительно мы берем очень многое. Внимательно изучали книги Е. Н. Ильина, В. Ф. Шаталова, С. Н. Лысенковой, Н. П. Гузика, М. П. Щетинина, И. П. Волкова, И. П. Иванова. Эти книги нарасхват разбирались в библиотеках, передавались из рук в руки, их читали, конспектировали, обсуждали на методобъединениях, о новаторских идеях спорили и, конечно, внедряли их. Но это еще не все. Никогда прочитанное не заменит увиденного. Один за другим учителя отправлялись в «поход за знаниями» к самим новаторам.

На заседании Всесоюзного совета по народному образованию я познакомился с Надеждой Алексеевной Новиковой, которая заинтересовала меня идеей интегрированных уроков. В тихвинской школе № 7, где она работает, побывали наш новый завуч Л. А. Колегова и биолог Л. М. Дымова. Казалось бы, это обычная школа, но в ней действует творческая группа учителей во главе с завучем Аллой Александровной Трошевой, внедряющая в учебный процесс идею интегрированных уроков. Четыре-пять учителей проводят совместные уроки по сходным темам, и это объединяет их в общем творческом поиске.

Об интегрированных уроках мы знали лишь из педагогической литературы, а тихвинские учителя убедили наших педагогов в доступности и огромной педагогической целесообразности уроков межпредметных связей, направленных на формирование убеждений и мировоззрения учащихся. Кроме того, интеграция близких тем на общих уроках дает огромный выигрыш во времени. Тихвинские учащиеся

кончают курс изучаемых предметов к концу третьей четверти. В четвертой — идут повторение, практикумы, лабораторные занятия, творческие зачеты, консультации. А как это важно для наших детей, которые к весне начинают болезненно ощущать усталость, вялость!

Идея быстро захватила весь коллектив наших учителей. Завуч Л. А. Колегова и учителя часами просиживали над программами различных предметов, выявляя сходные по содержанию темы. Решив провести общие уроки, учителя определяли роль каждого из них и методику совместного изложения материала. К необычным урокам готовились и старшеклассники: читали дополнительную литературу, собирали материал в институтах Уральского научного центра. Уроки проходили в виде конференций, собеседований, и учащиеся на них искренно удивлялись: «Надо же! Все связано!»

Только в ноябре—декабре 1988 г. у нас прошло семь интегрированных уроков. Темы в IX классе: «Происхождение человека» (биология, история), «Страны империализма на современном этапе» (история, география), «Жизненный подвиг Н. Г. Чернышевского, К. Маркс и Ф. Энгельс о Чернышевском» (история, литература); в X классе: «Возникновение жизни на Земле» (физика, биология, история); в VII классе: «Москва — столица нашей Родины» (иностранный язык, география); в III классе: «Стихотворение Я. Шведова «Орленок» (чтение, музыка); во II классе: «Зима» (природоведение, труд, чтение).

12 апреля мы всегда проводим День знаний, приурочиваем его к Дню космонавтики. Так уж давно повелось у нас в интернате. Ведь мы не

можем, как другие школы страны, праздновать День знаний 1 сентября. В первые дни сентября дети возвращаются из Межадора и вскоре уезжают назад, на уборку урожая.

В 1989 г. в День знаний мы проводили интегрированные и нестандартные уроки. Согласно уже сложившемуся ритуалу на общешкольной линейке Король Знаний шестиклассник Славик Исаев вместе со своей свитой долго требует всевозможных славословий в свой адрес, прежде чем позволить открыть праздник. Его «верноподданный» учитель физики Александр Эрнстович Вербин вынужден спеть под гитару песню о «твердом орешке знаний». Наконец Король дает свое милостивое согласие.

Каких только уроков не было в этот день! Пожалуй, самый трудоемкий – в X классе по теме «Экономическая стратегия партии и научно-технический прогресс». Здесь объединились учителя химии, биологии, истории, обществоведения и физики. Интегрированный урок истории и литературы по «Войне и миру» Л. Толстого прошел в IX классе. В VII классе тема «М. В. Ломоносов» объединила учителей химии, истории и литературы. Необычным был и урок английского языка в VIII классе, объединенный с информатикой. Во всех классах (с IV по X) шли интереснейшие интегрированные уроки. А кроме того, были еще уроки КВН, веселой математики, конкурсы, викторины.

Особенно волновались учителя X класса. Никогда еще не было в истории нашей школы такого объемного межпредметного урока. Ученики же держались на редкость спокойно. Каждый занял соответствующее место за сто-

лами с табличками: институт физики, институт химии, институт экологии, институт социальных проблем, институт питания. Конференцию открыл «президент»— ученица Наташа Холопова. Она лаконично ввела слушателей в смысл проблемы. Затем выступали представители всех институтов, а многочисленные корреспонденты наперебой задавали им вопросы. Не надо думать, что урок свелся лишь к пассивному слушанию. Было показано несколько кинофильмов, учителя предложили ребятам проблемные задания, требующие установления межпредметных связей. Каждый ученик в ходе дискуссии заполнял специальную схему, определяя роль той или иной науки в научно-техническом прогрессе нашей страны.

В конце урока вполне в духе идущей демократизации школы ребята давали оценку столь необычному уроку. Большинство дали положительную, хотя, по их признанию, «устали крепко». Только Женя Кудряшов отметил, что «урок не совсем получился, так как он слишком широкий и громоздкий».

Урок веселой математики объединил учащихся I и V классов. Такой выбор неслучаен: пятиклассники шефствуют над первоклассниками. Поэтому этот урок предусматривал не только проверку математических знаний, но и сплочение ребят в коллективной учебной деятельности. Задания выполнялись не только дифференцированные по возрасту, но и совместные. В тех и в других максимальное количество баллов начислялось тем командам, которые обеспечивали наибольшую активность малышей.

Интересно было наблюдать за «сражением»

команд. Каждую представляли три пятиклассника и три первоклассника. Вот задание получено, и пятиклассники устремляются на помощь первоклассникам. Потом начинают выполнять задания, а малыши на стульях прыгают от нетерпения, глядят, что там их шефы решают, торопят их, карандаши им чинят, листочки подают — лишь бы скорей! Решено! И бегут малыши сдавать полученный сообща результат. А уж когда задание общее, тут никто на месте не усидит. Каждый что-то советует, один пишет, другие ему помогают.

Пришли на День знаний и наши постоянные помощники — студенты педагогического института, представители факультета иностранных языков. Они провели с шести- и семиклассниками конкурс на английском языке, а в VIII классе музыкальный урок на немецком языке, сделали сообщение о связи английского языка с системой ЭВМ.

Учитывая интеллектуальную и эмоциональную насыщенность уроков, мы сделали перемены творческими: игры, танцы, спортивные занятия, показ современной моды, награждение победителей конкурсов выпечкой, сделанной руками юных кулинаров. Во второй половине дня все учащиеся отправились на экскурсии: IV класс — на кафедру иностранного языка педагогического института; V класс — в музей основоположника Коми театра и драматургии В. Савина; VI класс — в институт геологии; VII класс — в музей основоположника Коми литературы И. Куратова; VIII класс — в вычислительный центр; IX и X классы — на лесопромышленный комплекс.

Подготовка и проведение интегрированных

уроков сплачивают учителей на основе совместного творчества. Данное обстоятельство приобретает особое значение в школах-интернатах, где, как и у нас, почти по каждому предмету работает один учитель. Ведь у нас всего по одному классу каждой возрастной группы, с I по X класс. Поэтому словесников и математиков — по три, а остальные учителя обслуживают целиком свой предмет, т. е. вынуждены делать 3—4 подготовки ежедневно. При этом посоветоваться им не с кем. Надо идти в другую школу или в институт усовершенствования учителей, чтобы обсудить с коллегами методику преподавания какой-нибудь темы. Интегрированные уроки создают ситуацию «мозгового штурма», когда учителя разных предметов должны соединить в одно целое близкие проблемы. Это ли не путь к подлинному деловому сотрудничеству!

С Евгением Николаевичем Ильиным наши учителя тоже встречались. Он проводил трехдневный семинар в Сыктывкаре и посетил интернат. Удивительный человек! Трудно определить, что интереснее: его методика или он сам. Сидишь на его лекции и не знаешь, то ли записывать его рекомендации, то ли неотрывно смотреть на него, восхищаясь его актерским дарованием. Нам близки его идеи о том, что не литературу нужно учить детям, а литературой учить их жизни. Учитель идет на урок с книгой, ребенок — со своей жизнью. Значит, нужно учителю с помощью художественного произведения достучаться до сердца ученика, дойти до того, что тревожит и беспокоит его. Иначе слово писателя оставит ребенка равнодушным, не вызовет живого отклика.

Созвучны нам и размышления Евгения Николаевича о нравственном содержании оценки по литературе, об искусстве вопроса, о трепетности общения учителя с учащимися, о роли удивления на уроке, об умении вызвать любовь к книге, личное отношение к прочитанному без назиданий и риторических призывов. Тонкость чувств, интеллектуализм, внимание к внутреннему миру ученика, духовность учителя — вот что нашли мы в методике Евгения Николаевича Ильина.

С Виктором Федоровичем Шаталовым я часто встречаюсь в Москве на совещаниях. Не может не восхищать его энергия, острый, глубокий ум, но больше всего — отвага служения детству. В основе его победной методики — глубокое знание детской психологии, понимание интересов ребят и забота об их будущей судьбе. Наши математики уже многое взяли из системы обучения, разработанной В. Ф. Шаталовым, но и учителям других предметов немало может дать освоение педагогических идей новатора, которому наконец-то присвоено давно им заслуженное звание народного учителя СССР. В Донецк мы направили Зинаиду Викторовну Егорову и Валентину Дмитриевну Нагай. Они вернулись обогащенными и убежденными, что вся шаталовская система обучения плодотворна для условий интерната. Психологически комфортный фон обучения, конечно, необходим для наших нервных и легко возбудимых детей. Стройная методика повторения, систематического контроля — этот элемент тоже необычайно важен для нас как существенный фактор достижения качества знаний. Система приемов, обеспечивающих само-

управление и саморегуляцию учения, тоже нужна нам, так как мы внедряем коллективные формы учебно-познавательной работы учеников на уроке. Что касается опорных сигналов, то их польза неоспорима. Не все дети в состоянии усвоить основы знаний, и здесь опоры незаменимы. Постоянное общение с ними, дешифровка закодированного в них пройденного материала помогают успешно учиться, особенно тем, кого подводят слабость долговременной памяти, неразвитость мышления. Конечно, мы не можем рассчитывать на большой объем самостоятельной работы, как это предусматривается системой В. Ф. Шаталова, но по крайней мере возьмем с пользой то, что подходит нашим ребятам.

После поездки в Донецк, когда к математикам присоединились словесники и преподаватели иностранного языка, овладение шаталовской методикой стало коллективным творчеством. Предметники будущего IV класса договорились о комплексном использовании этой новаторской системы обучения в преподавании математики, русского и английского языков. Русский язык в IV классе будет вести З. В. Егорова, но уже в нынешнем V классе она применяет комплект опорных сигналов, привезенных из Донецка, изобретает их сама, и, безусловно, не без пользы для учащихся, ибо экономит время на прохождении нового материала, добивается многократного повторения, постоянно тренирует память детей.

Учителя начальной школы, разумеется, интересуются педагогическими находками С. Н. Лысенковой, Е. Н. Потаповой, Ш. А. Амонашвили. Методика опережающего обучения

Лысенковой, ее опорные схемы, комментированное управление давно вошли в практику начальной школы. А вот научиться преподавать, как Е. Н. Потапова, оказалось труднее. Дважды ездила к ней Елизавета Яковлевна Лукина. Теперь в ее I классе применяются и штриховка, и элементы чистописания, а письмо по трафарету пока не идет. Трафарет имеется в единственном экземпляре. Одному ребенку дать, другие обижаться будут. Вот и ждем, когда начнется массовый выпуск этого средства обучения.

Совершили наши учителя начальной школы и далекое путешествие в Тбилиси, к Шалве Александровичу Амонашвили. Их тепло встретили, показали школу, разрешили присутствовать на уроках. Они воочию увидели и свободный выбор детьми темы, предмета изучения, и оперативные приемы развития речи учащихся, и неограниченные возможности классной доски, и артистизм педагогов, и эмоциональность их общения с детьми. Теперь наши учителя тоже начинают урок с вопросов: какой урок у нас будет? Чем бы вы хотели заняться? Ребята с удовольствием отвечают на вопросы, им кажется, что это они сами придумали тему урока, а поэтому и занимаются ею с охотой и интересом. Позаимствовали наши учителя и прием преднамеренных ошибок учителя. Это очень важно — приучить детей не повиноваться слепо учителю, а замечать его ошибки и уметь доказывать свою правоту. Ведь именно в школе дети должны получать уроки гласности и демократии отношений.

Как-то решил я этот прием испробовать в X классе на уроке физики. Пишу на доске

какую-то абракадабру, пишу, а сам думаю: дописать не успею, они крик поднимут, протестовать будут. Пишу дальше, а в классе полная тишина. Оглянулся — сидят спокойно и смотрят на меня преданными глазами. Продолжаю доказывать явную чушь. Опять никто не возмущается и не удивляется. Не выдержал, говорю: «Что же вы молчите? Неужели не понимаете, что я чушь говорю?!» Отвечают: «Нет, мы понимаем, что это чушь, но стесняемся вам возражать, потому и молчим...» Ну, что тут поделаешь? Видно, надо с самого малого возраста приучать детей критически воспринимать получаемые знания и не бояться быть несогласными с учителем. Тогда и учителю будет интереснее работать.

Широко используем мы в нашей школе такое изобретение Ш. А. Амонашвили, как применение красных и зеленых чернил при проверке контрольных работ. Кажется, просто: подчеркивай ошибки красными чернилами, а удачные мысли и решения — зелеными. А на самом деле этот гениальный в своей простоте прием кардинально изменяет отношение ребенка к учению. На контрольную работу, исчерканную красными чернилами, ученику смотреть противно, ведь это явное свидетельство его слабости и позора несостоятельности. Учитель внимательно проверил работу, отметил все ошибки красными чернилами, показал, как надо было решать задачу, стараясь помочь ученику, а тот, посмотрев в тетрадь, как бык от красного плаща, разъярился, скомкал листок и зашвырнул его под парту. А потом сидит злой, на учителя исподлобья посматривает.

Совсем иное дело, когда ученик видит, что

в контрольной работе кое-что зелеными чернилами подчеркнуто. Значит, он не совсем конченый. Тогда можно спокойно и свои ошибки разобрать, подумать над исправлениями учителя. И никакого конфликта, никакого возмущения. Довольны и учитель, и ученик.

Есть у нас в V классе Кургузов Петя. Для него зеленые чернила как свет надежды. Учится он слабо, и учителя, чтобы у него совсем руки не опустились, стараются при малейшем успехе похвалить его. А он не любит, когда его при всех хвалят. Кричит: «А чего я? Ну, и что!» Боится, как бы его ребята в любимчики учителя не произвели, или думает, что это похвала из жалости. Когда же учителя стали его верные решения и самостоятельные мысли зелеными чернилами подчеркивать, все изменилось. Увидит их Петя, и радостно ему, и сопротивляться вроде бы повода нет.

А наш молодой физик Александр Эрнстович Вербин вернулся из Одессы от Николая Николаевича Палтышева активным сторонником его методики обучения. Душевная щедрость, деликатность, культура, педагогический талант Палтышева произвели на Вербина неизгладимое впечатление. «Порой, — говорит он,— на уроке готов выйти из себя, но тут же приходит в голову мысль: Николай Николаевич не сорвался бы, и стыдно становится — сдерживаешься».

Перед отъездом Николай Николаевич подарил начинающему учителю книгу с надписью: «Будьте всегда добрым, хотя это очень сложно». Это на самом деле сложно. Нельзя быть добрым, если даешь бездарные уроки, от которых у ребят сводит зубы. Быть добрым —

значит думать о детях, о том, как и чему ты учишь, и становиться мастером своего дела. Николай Николаевич подарил нашему интернату программу изучения атомной физики с использованием ЭВМ. Александр Эрнстович уже дал в X классе компьютерный урок, и, как он рассказывал, «ребята млели от радости». Опираясь на опыт Н. Н. Палтышева, наш учитель физики выделяет в общем курсе такие основные понятия, изучение и повторение которых обеспечивает свободное владение учебным материалом и успешное усвоение нового.

Нам близка идея Н. Н. Палтышева о том, что нужно прежде всего заботиться о том, чтобы ученик не только знал предмет, но и, познавая его, обретал уверенность в себе. Без чувства собственного достоинства, самоуважения невозможен успех в учении, и долг учителя пробудить это чувство в ученике.

Как и Н. Н. Палтышев, наши учителя заботятся о высокой духовности и эстетичности урока. Теперь многие уроки идут у нас в сопровождении музыки Баха, Бетховена, Грига, звучат стихи, помогающие раскрыть поэтическую и философскую сущность знаний.

А самое близкое для нас в Палтышеве — искреннее уважение и сочувствие к детям из трудных семей и сиротам. На позапрошлогодней встрече в АПН СССР, когда его избрали народным депутатом СССР, он рассказал мне о целой системе приемов и методов работы, которые помогают педагогически запущенным ребятам учиться, развивают их ум, интерес к знаниям.

Обращение к опыту учителей-новаторов, творческое использование их идей позволяют

нам лучше учить и воспитывать детей, постоянно совершенствовать учебный процесс и повышать свое мастерство. Главный же результат — то состояние поиска, которое так властно захватило учителей, отринувших прежние административно-приказные отношения с учащимися. Общение с новаторами обогатило наше мышление, сделало нас мудрее и добрее.

Мы не стоим в стороне и от движения за перестройку школьного дела, начавшегося в нашей республике. Учительство Коми АССР всколыхнулось после февральского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС. Был образован Творческий союз коми учителей, уже прошли несколько фестивалей открытых уроков, семинаров по методике организации коллективных творческих дел. Наибольшее внимание на них уделялось активным формам обучения и воспитания. Нам показались интересными уроки-секреты, уроки-игры, поэтические уроки по естественно-математическим дисциплинам, уроки-расследования, уроки-отповеди и др. Теперь наши учителя разрабатывают сценарии таких уроков и внедряют их в практику обучения. При этом мы не слепо копируем передовой опыт, а берем то, что лучше воспринимается нашими детьми, что помогает им в учебе.

Все, кто приезжает к нам в интернат (а число гостей возрастает неодолимо), заинтересовываются нашей системой самоподготовки. Долго и мучительно шли мы к ее теперешнему варианту. Сначала у нас все было, как в большинстве интернатов. Утром ребята учились, а после обеда и небольшого отдыха готовились к завтрашним урокам под руководством воспитателя. Толку в таких занятиях никакого —

сплошное списывание! Сидят двое за партой, один делает математику, другой — русский язык. Сделали и — тетрадками поменялись. Воспитатель не в состоянии уследить за всеми, так же как и помочь по всем предметам. Между учителями и воспитателями не утихали ссоры, взаимные упреки в недобросовестности. Установить тишину, рабочий порядок на самоподготовке было невероятно сложно, точнее, невозможно.

Завуч Зинаида Викторовна побывала в нескольких интернатах Москвы, входивших в систему АПН СССР. Там часть уроков была перенесена во вторую половину дня. Попробовали и мы так учиться. Не понравилось. Дети уставали больше обычного, а домашние задания по-прежнему оказывались невыполненными.

В создании нынешней системы самоподготовки нам больше всего помогли статьи и диссертация доктора педагогических наук Б. Е. Ширвиндта. Сам бывший директор московского интерната, он предложил разумный режим учебы и выполнения домашних заданий учащимся школ-интернатов. Взяв его за основу, мы теперь учимся так: урок 45 минут, перемена 5 минут, затем 20-минутная самоподготовка под руководством того же учителя, который вел урок. Затем 10—15-минутные перемены между следующими уроками, во время одной из которых дети пьют сок. Всего таких уроков, спаренных с самоподготовкой, — по четыре в день. Правда, у старшеклассников бывает и пять: у них, в отличие от малышей и подростков, предусмотрена еще часовая самоподготовка по одному предмету вечером.

Вечером же дети занимаются рисованием, музыкой, танцами, пением. Эти занятия не воспринимаются как обязательные уроки. Детям не дают домашних заданий, не ставят отметок, это просто свободная художественно-творческая деятельность по выбору.

У учащихся начальных классов уроки сокращены до 35 минут. Поэтому после второго урока они 40 минут гуляют на воздухе. Мы думаем, что и в остальных классах надо перейти на такое же расписание занятий. Считаем, что укрепление здоровья детей — главное в учебном режиме.

Важно и то, что теперь каждый учитель-предметник оказывается персонально ответственным за качество усвоения программного материала. Проверив сразу же тетради своих учеников, он уже на следующий день вносит дополнительные коррективы в случае неусвоения какого-либо вопроса или темы. Да и дети не ждут неделями, когда учитель проверит их тетради. На следующий же день, увидев свои ошибки, они внимательнее относятся к их исправлению. Списывать у товарища, пользоваться шпаргалками становится просто ни к чему. Ведь сделать задание сразу после объяснения учителя доступно даже самому слабому ученику.

Нет нужды доказывать, что при такой системе самоподготовки отпали всякие поводы для конфликтов учителей с воспитателями. Каждый делает свое дело, каждый несет полную ответственность за свой участок работы. При этом создаются предпосылки для здорового контакта между всеми работниками интерната.

Первый вопрос у всех наших гостей: «Как вы оплачиваете дополнительные часы учителям?» Очень просто. На каждую группу воспитанников дается 2,36 ставки воспитателя. Две ставки оставляем воспитателям, а 0,36, собранные со всех групп, делим между учителями за проведение самоподготовки. В начальных классах учителю доплачивается 0,2 ставки.

Чтобы успешно управлять учебным процессом, т. е. получать высокие результаты обучения, совершенно необходимо обеспечить его материально. При этом речь идет не о количестве наглядных пособий и даже не о создании учебных кабинетов, а о такой современной системе материально-технического оснащения учебного процесса, при которой он достигает максимальной эффективности. Сейчас на уроке немыслимо рассчитывать лишь на слово учителя. С помощью одного слова не удастся выявить суть исторического явления, раскрыть художественный образ, показать великие географические открытия. Учитель должен обладать такой системой материально-технических средств, которая позволит ученику воспринимать изучаемое во всей полноте, всесторонне.

Оформляя кабинеты, мы исходили из задач обучения не только по одному предмету, но и по нескольким, чтобы можно было проводить интегрированные уроки.

Мне хотелось бы рассказать о кабинете физики, который оборудовал Александр Эрнстович Вербин. Столы он расставил полукругом на ступенях разного уровня — получился амфитеатр, как в студенческой аудитории. По его чертежам сделали подвесной шумопоглощающий потолок, заменили вечно гудящие

лампы дневного света матовыми светильниками-люстрами, и кабинет преобразился. Соорудили вдобавок отдельные кабинки, где ученик может уединиться и индивидуально сдать зачет, записав ответ на магнитофон. Такие условия позволяют ученикам Александра Эристовича в удобное для них время сдавать зачеты по самостоятельно изученным темам. Изучает, например, класс первый и второй законы Ньютона, а кто-то одолел уже и третий. Пожалуйста, иди в кабину, сдавай зачет, и ты свободен.

В кабинете физики смонтировано и учебное телевидение. Соединили его с видеомагнитофонами, подключили к Центральному телевидению. Мало того, камера, находящаяся над столом учителя, и телевизоры подвешены к потолку: во время урока учитель может, не теряя времени на записи на классной доске, предлагать самые различные задания. Графопроектором можно дать задание одной степени сложности, учебным телевидением — другой, а третий вид индивидуальных заданий можно раздать на карточках.

В этом году сдан необычный кабинет математики. Если я говорю «сдан», это не значит, что нам его подарили. Мы его сами сделали. Чем он хорош? Прежде всего, своей площадью. В нем около 100 м^2. Парты-столы размещены не в центре с проходами между ними, а в стороне. Основная часть класса оказалась свободной. Там мы соорудили небольшую каменную горку с цветами и подсветкой. Сделали фонтанчик, поставили диван, кресла, несколько круглых столов. Купили книжную стенку. И получился рабочий кабинет многоцелевого на-

значения. Там дети могут и за партами заниматься, и подумать в одиночестве, сидя в удобном кресле; группа ребят для выполнения коллективного задания рассаживается у круглого стола, кто-то решает задачи у доски. Такой «неформальный кабинет» создает благоприятную атмосферу для свободного умственного труда.

Своеобразно оформлен и кабинет биологии. Вообще-то мы противники всяких стендов. У нас нет ни одного стенда в кабинетах физики, математики. Ведь если в классе висит стенд, его материалы надо часто обновлять, а иначе дети смотрят на него как на пустое место. А вот кабинет биологии весь в стендах. И эти стенды необычные — на них представлены изделия и предметы труда наших воспитанников. Здесь материалы и экспонаты их опытной работы в лагере, за которые они получили медали ВДНХ. И эти экспонаты до сих пор используются в учебном процессе. Это скорее не кабинет, а музей развития и роста нашего учебно-опытного хозяйства.

Я убежден, что кабинеты должны быть нестандартными, не похожими друг на друга как близнецы. Мечтаю сделать для учащихся начальных классов совершенно по-особому оборудованные кабинеты. В них должны быть масса развивающих игр и игрушек, уютные уголки, где можно уединиться, ковры на полу, где можно посидеть, полежать. Пусть столики образуют разнообразные геометрические фигуры, и чтобы были они на колесиках: можно отъехать в сторону и поработать группой. Я понимаю, что на математике, физике необходима доска и чтобы она была видна всем и каждому.

А можно расположиться свободно, чтобы лучше думать, слышать слово учителя, писателя, чтобы была возможность сосредоточиться на воображаемой картине. Там-то и нужны круглые большие столы или столы, поставленные по периметру. Все ведь знают, как переставишь в доме мебель, будто в новую квартиру переехал — возникает ощущение новизны, меняется настроение. Так же и в классе надо почаще переставлять мебель в соответствии с разными учебными задачами, чтобы сама обстановка настраивала на ожидание необычного.

В прошлом году мы купили финский аппарат ксерокс для размножения различных учебных материалов, которые совершенно необходимы для индивидуального, дифференцированного обучения. Учителя наши давно составляют на карточках упражнения, задачи, опорные сигналы, схемы. Теперь они будут тут же размножены до ста штук, и каждый ученик получит карточку для самостоятельной работы.

Все, наверное, помнят, что еще до Всесоюзного съезда работников народного образования, когда шла речь о начальном этапе перестройки школы, то стояла задача дать к каждому учебнику массу разнообразных методических материалов (разрезных книг, карточек, плакатов, самоделок и т. д.), помогающих всестороннему развитию каждого ребенка. К сожалению, ничего, кроме учебников, мы пока не получили.

Так вот, аппарат ксерокс будет размножать дидактический материал, который крайне необходим и детям, и учителю. Причем этот аппарат снимает не только тексты, но и схемы, рисунки. Ведь раньше мы уже пытались раз-

множать дидактические карточки. Бегали на свои базовые предприятия, в различные проектные институты, все это было крайне сложно. Мы накопили много учебных материалов и так ими дорожим, что храним в особых пленках, чтобы они подольше нам служили. Теперь эти заботы отпадают, мы получили возможность обеспечить уроки дидактическими средствами и пособиями в необходимом нам количестве.

Создание комфортной обстановки в школе — это забота не только об учениках, но и об учителях. Тем учителям, у которых есть свои предметные кабинеты, в которых можно расслабиться, отдохнуть на перемене, гораздо легче. Хуже тем, у которых нет персональных кабинетов. Им приходится идти в учительскую. Под руководством завуча Людмилы Александровны Колеговой и учителей-ветеранов мы оборудовали уютную, красивую учительскую. Многие, кто заходит в нее впервые, поражаются изысканности интерьера: ковры на полу и на диване, кресла, светомузыка, тонкие фарфоровые чашки, самовар, на маленьких письменных столах лампы с неярким светом. Нет в этом никакого излишества. Учитель на перемене должен отдохнуть и психологически, и физически, настроиться на следующий урок, новую тему. С ужасом смотрю, как в некоторых школах учителя на переменах дежурят в коридорах, разнимают дерущихся мальчишек, чуть ли не падают, попав в толпу бегущих детей, а потом все в поту, взбудораженные идут «творить» на урок. Это же издевательство над самой сутью высокой профессиональной деятельности учителя! А ведь настроение учителя, его самочувствие, самоощущение — факторы, от которых

в немалой степени зависят и ход, и результаты учебного процесса. Поэтому мы считаем, что каждая деталь оформления учительской: и цветы, и аквариумы с экзотическими рыбками, и поющие попугайчики, и продуманное освещение — это забота о душевном тонусе учителя, это обеспечение его радостного, мажорного, оптимистичного состояния, а следовательно, и высокой результативности его труда.

С прошлого учебного года мы ввели зачетную систему оценивания знаний старшеклассников. Учителя выделили тематические блоки в программах по своим предметам, завуч Л. А. Колегова составила график проведения зачетов по каждой теме, так чтобы в неделю их было не более двух.

Мы скоро убедились в полезности зачетной системы. В классах создается обстановка сотрудничества учителя и учеников, общей и личной заинтересованности в результатах учебной деятельности. Учитель организует управляемую и оперативную обратную связь, ученики добросовестно работают и на уроке и дома, зная, что им придется отчитываться по всей теме, а не рассчитывать на «счастливый вопрос». Накануне зачета повторяют материал темы, консультируются с учителем, знакомятся с дополнительной литературой в библиотеке. Отметку о сданном зачете учитель ставит в зачетную книжку ученика. Такая система оценки знаний не только повышает качество последних и учения в целом, но и содержит немалый нравственный заряд, так как не надо ловчить, приспосабливаться, а надо серьезно, по-взрослому работать. Тематический зачет прививает привычку к регулярному и напряжен-

ному умственному труду, он становится потребностью, а результат труда — не отметка, а реальные знания и ощущение выполненного долга.

Мы стараемся разнообразить формы проведения зачета. Он может быть и индивидуальным, и групповым, проходить как конференция, или практикум, или конкурс добытчиков знаний, или аукцион знаний, или отчет по опытнической работе и т. д. При индивидуальном зачете мы успешно используем опыт одесского учителя химии Н. П. Гузика. Каждому учащемуся предлагается на выбор 3—5 карточек с заданиями. Они отличаются разной степенью сложности и учебной самостоятельности. Если ученик взял самый простой вариант, не беда — на следующем зачете выберет более сложный. Так осуществляется контроль за его познавательной деятельностью и управление ее развитием.

Внести так много новшеств в учебный процесс нам удалось благодаря тому, что у нас школа-интернат, а не детский дом, из которого ребятишки ходят учиться в городскую общеобразовательную школу. В этом я вижу преимущество школы-интерната перед детским домом.

В последнее время правительство приняло ряд важных для нас акций: разрешено воссоединение братьев и сестер в одном доме, создание смешанных детских домов и интернатов. Но с тем, чтобы превратить школы-интернаты в детские дома и направить сирот учиться в общеобразовательные школы, я никак не могу согласиться. Наши нововведения в организации занятий, щадящий режим в обучении

нездоровых детей — все это возможно только при наличии своей школы. Я еще не встретил ни одного директора детского дома (а мне пришлось беседовать со многими), который был бы рад, что его дети ходят в городскую школу, где получают ускоренное развитие за счет контактов с городскими детьми. Напротив. Драки, обиды, слезы, по каждому поводу и без повода: «Ты детдомовский». Наши ребятишки со слабой нервной организацией не выдерживают общего темпа обучения, болезненно реагируют на волевой напор учителей, начинают конфликтовать из-за каждой мелочи, ощущают чувство несправедливости и незащищенности, а в результате — болезнь, называемая дидактогенией.

Сокращенные уроки, уроки, соединенные с самоподготовкой, интегрированные уроки и зачетная система оценивания знаний опять же стали возможны лишь на базе собственной школы. С городской школой можно сдружиться в IX—X классах, когда дети захотят заниматься углубленным изучением какого-нибудь предмета. К этому времени они заметно взрослеют, оказываются готовыми к общению на равных с новыми товарищами.

Мы всегда испытываем немалые трудности, когда в педагогический коллектив вливаются молодые учителя, не знающие наших традиций, не готовые работать с детьми-сиротами, не умеющие дежурить в столовой, не желающие один летний месяц провести в Межадоре, не приспособленные к нашей системе самоподготовки. Помню, пришла к нам новая учительница и воспитательница. Дело было в конце августа, на следующий день ее пятиклассники

должны были вернуться из лагеря. Решила она их сразу расположить к себе. Застелила кровати в спальнях чистыми покрывалами, поставила букеты цветов, а когда ребята подъехали, включила музыку и, улыбаясь, встала в дверях. А V класс был недавно собран из детей, переданных нам другими детскими учреждениями. Бегут они толпой в свою спальню мимо воспитательницы, рюкзаки на чистые покрывала побросали и своими делами занялись, не обращая на новую воспитательницу никакого внимания. Конечно, она обиделась, расстроилась. Пришлось долго объяснять, что дети у нас особые, с ними нелегко контакт наладить, прийти к взаимопониманию. Нужно набраться терпения и терпимости, быть снисходительным к их выходкам и уж, конечно, никогда не обижаться на них. Воспитание — это не отбывание, пусть и добросовестное, рабочих часов, а постоянная самоотдача души. Да и к учителю, обучающему детей-сирот, предъявляются у нас требования более широкого, так сказать, спектра, чем в обычной школе.

Особенно ценим мы в начинающих учителях их нацеленность на творчество, внутреннюю деликатность, интеллигентность. Творчество рождается из желания работать на максимуме возможностей, искать непроторенные пути, раскрыться навстречу детям. Творчество всегда присуще истинно интеллигентному человеку как стремление к самовыражению, реализации своей личности. Если молодой человек проявляет элементы творчества на своих первых уроках, значит, мы не сомневаемся, он станет хорошим учителем, хотя и не обрел пока мастерства. Только надо ему помочь.

Из определений творчества в педагогической литературе мы выделили для себя три основных показателя:

нестандартность мышления и действий;

поиск новых методов в преподавании;

включение учащихся в самостоятельную деятельность творческого характера.

Вот дает урок молодая учительница иностранного языка. Чтобы дети ее поняли, она использует опорный плакат, изготовленный заранее. Кроме того, организует игру-соревнование, чтение с доски хором, работу с магнитофоном. При этом учительница прекрасно владеет жестом, мимикой, голосом, требовательна и в то же время доброжелательна к детям. И пусть учительница еще не обладает педагогическим мастерством (боится часто спрашивать слабых учеников, чтобы не утратить нужный темп, фронтальный опрос не подкрепляет индивидуальным, не использует в полной мере наглядные пособия), важнее ярко выраженное творческое начало. Этот «показатель» дает нам уверенность, что она будет прекрасным учителем и достаточно скоро достигнет мастерства в своем деле. Я бесконечно рад, что в последние годы к нам пришли работать такие творческие молодые учителя и воспитатели, как Саша Вербин, Наташа Ящук, Марина Усова.

Я мечтаю о том времени, когда выпускники педагогических институтов, направленные по своему желанию и рекомендации совета вуза в школу-интернат, станут представлять своего рода квалификационный лист, в котором будет написано, какие педагогические способности проявились у юноши или девушки во время учения и в чем им необходимо помочь. Это был бы

деловой и конкретный подход, определяющий перспективы становления молодого учителя.

Между тем странные вещи происходят в педагогических институтах. Невозможно себе представить, чтобы не знали своих способностей выпускники актерского факультета или художественного училища. Однако большинство будущих педагогов не ведают, какие вообще существуют педагогические способности и обладают ли они ими. Проведенная среди выпускников Коми государственного педагогического института анкета подтвердила это парадоксальное явление. Только 21,8 % студентов, заканчивающих институт, имеют представление о теории педагогических способностей.

В нашем интернате ежегодно проходят педагогическую практику десятки студентов. На одной из таких практик мы и провели экспериментальную работу по выявлению их педагогических способностей. В этом нам помогли исследования Н. В. Кузьминой, Ф. Н. Гоноболина, В. А. Крутецкого, В. А. Сластенина.

Сначала студентов познакомили с феноменом педагогических способностей и раскрыли кратко их суть. Потом на семинарах провели серию упражнений по выявлению этих способностей у самих студентов. Посетили ряд уроков, названных нами уроками рождения мысли, ибо они предусматривали фиксацию педагогических способностей непосредственно в деятельности наших лучших учителей. Студенты были предупреждены, что в конце педпрактики им предстоит написать отчет-самоанализ о своих педагогических способностях. Вот два примера таких работ:

«Это очень трудно быть объективной в

оценке собственных способностей. Но я все-таки попробую.

Наверное, у меня есть академические способности, так как я очень люблю французский язык. Это может показаться смешным, но мне кажется, что его должны любить все. Изящество, нежность и плавность его меня покоряют.

О дидактических способностях. На практике урок зависит от творчества, выдумки учителя. Поэтому стараешься больше делать наглядных пособий, да поярче, покрасочнее. Наглядные пособия, сделанные руками учителя, имеют намного большее действие, чем напечатанные в учебнике. Учитель сделал сам, значит, он думал о них, своих учениках, он отдает им кусочек своего сердца, старается, чтобы они поняли материал, чтобы им было интересно.

Перцептивные способности — умение видеть и понимать детей. Я думаю так: если не видишь, чем живет твой ученик, ты плохой, никудышный учитель. За месяц трудно понять 32 ученика. Но, что могу сказать уверенно, свою французскую группу (15 человек) я знаю довольно хорошо. Я заранее могла сказать, как прореагируют на мои слова Витя или Сережа. Я знала, что Саша на пятом уроке вообще не будет меня слышать, если я не подойду и не встану рядом с ним. Я знала, что Лену можно обидеть до слез, сказав: «Ты сегодня плохо прочитала текст».

С речевыми способностями у меня дела плохи. Эмоций хватает, а вот правильность речи... Каждый раз репетирую свои выступления и все же боюсь, что не хватит слов. Может, влияет то, что я коми. Не могу преодолеть акцент.

Коммуникативные способности — связь с учениками, педагогический такт, умение быть интересной во внеклассной работе. О них говорить еще рано, их надо развивать. Как иной раз выводит из себя какой-нибудь «хулиганчик»! А что поделаешь? Надо держать себя в руках. Ты — учитель, ты воплощение терпения и доброты.

Организаторские способности. Учитель организует не только работу класса, но и свою личность (одежда, прическа, мимика, жесты). Ведь если ты придешь в класс в пестрых одеяниях, с волосами, которые торчат во все стороны, да к тому же посмотришь на ребят «зверем», будешь бегать по классу взад-вперед, размахивая, как мельница, руками, это будет просто смешно. И вся педагогическая работа сведется к нулю.

Проанализировав свои способности, я пришла к выводу, что мне надо очень серьезно работать над речевыми способностями, совершенствовать свой характер» (Надя Белых, студентка IV курса факультета иностранных языков).

«В процессе преподавания на уроке у меня проявились положительные и отрицательные стороны дидактических способностей. Положительная сторона заключается в том, что у меня было большое желание дать материал детям доступно. Но вместо этого часто получалось наоборот: я увлекался знаниями, полученными в институте, материал преподносил непонятно, и детям становилось неинтересно.

Хорошие академические способности, которые я заметил у себя во время педпрактики, были не случайностью. В течение четырех лет я старательно учился. Но все-таки срывы в

знаниях случались на практике во время изложения нового материала. Этому способствовали и слабости перцептивных способностей. Во время уроков я нередко не мог понять учеников. Почему, например, сильные ученики не хотели отвечать на мои вопросы? Это вводило меня в состояние замешательства. Пытался разгадывать эти «загадки» после уроков, но ученики неохотно беседовали со мной. Я заметил слабость своих перцептивных способностей и во время трудового десанта. Увидев отлынивающих от работы ребят, я не понимал, от кого надо требовать, а кого уговаривать, кого просить. В результате все мои меры оказывались безрезультатными. Только в туристском походе с ночевкой я понял, что такое требование. В области перцептивных способностей мне предстоит очень много работы, так как у меня их практически совсем нет.

Речевые способности у меня слабо развиты. Эмоциональная речь практически отсутствует. Я говорю скучно и однообразно, дети от меня быстро устают. Диалогическая речь у меня тоже редко проявляется, я не умею задавать риторические вопросы, привлекать внимание ребят к карте.

После практики буду читать вслух, заучивать стихи, тренироваться в разных типах речи.

Все ранее указанные недостатки привели к недостаткам в организаторских способностях. Я не мог успокоить ребят, сосредоточить их внимание. Бегал по классу и одергивал непослушных учеников, а сам постоянно повторял одну и ту же фразу: «Что за шум?», хотя сам не понимал, что можно на это ответить.

Некоторое подобие авторитета у меня по-

явилось только тогда, когда я научился требовать. И все-таки немало ребят не принимали меня всерьез. Я не был для них учителем, они только терпели меня.

Коммуникативные способности я проявлял не во время уроков, а во внеучебное время, да и то лишь в индивидуальном общении с отдельными учениками.

Практика задала мне такую программу самовоспитания, что не знаю даже, сколько лет мне потребуется для ее осуществления» (Александр Лютоев, студент IV курса естественно-географического факультета).

Отчеты позволяют увидеть два основных порока вузовской подготовки и сделать определенные выводы:

1) на предшествующей педпрактике работу оценивали примерно так: «У вас что-то получается, а что-то нет». Никаких конкретных рекомендаций студентам не дают, как и программ самовоспитания, развития педагогической деятельности. Теперь же они ясно представляют, в чем преуспели и какие способности нуждаются в дальнейшем совершенствовании;

2) традиционная оценка педпрактики регистрирует лишь сегодняшнее состояние знаний, умений, навыков студентов, а выявление педагогических способностей направлено в будущее студента, прогнозируя уровень успешности его педагогической деятельности в первые годы самостоятельной работы.

Такой несложный эксперимент подтвердил нашу мысль о том, что система выявления у студентов педагогических способностей наилучшим образом определяет пути работы школьной администрации с начинающими учителями.

Какую роль в осуществлении учебного процесса играет сегодня директор школы? Нынешний директор — это не просто методист и дидакт, но и организатор, экономист, хозяйственный деятель. До сих пор слышишь, как сетуют директора школ: «Сняли бы с нас все хозяйственные заботы, и мы тогда займемся только обучением детей...» Устаревшая позиция. Разве можно в современной школе заниматься только обучением детей? Это была бы мертвая, пассивная педагогика. Сегодняшняя школа чрезвычайно сложна своими внутренними проблемами, взаимоотношениями с обществом, с базовыми предприятиями, с различными политическими и общественными организациями. Сегодня директор — стратег, который должен определить перспективу развития своего учебного заведения, создать условия для его роста и обеспечить предпосылки для творческой деятельности как взрослых, так и детей.

Учебный процесс никогда не дает ощущения завершенности. Казалось бы, сделали много, но еще больше видится впереди. Массу проблем ставит концепция непрерывного образования. Как форсировать развитие детей, запущенных в раннем детстве? Как преодолеть почти невосполнимые утраты в развитии первых пяти лет их жизни? Как обеспечить успех в обучении каждому ученику? Не сделать ли школу со специализацией на каком-нибудь предмете?

Эти и многие другие вопросы звучали на Всесоюзном съезде работников народного образования в декабре 1988 г. Его оценивают поразному. Немало педагогов убеждены, что

съезд ничего не изменил в жизни школы. Я с этим не согласен. Считаю, что съезд прошел не впустую. Вся беда нашего учительства в привычке получать указания и слепо следовать им, без учета национальных, региональных условий, специфики данной школы, класса, личности ребенка. Ведь как было совсем недавно? Принимается, скажем, партийное постановление, и летит в школы инструкция «Об изучении...», где расписано, как, в какое время, в каких классах его «проработать». Это же неуважение, недоверие к учителю! Но к таким директивам привыкли до того, что и не пытались выйти за рамки рекомендаций и методик, ориентированных на массу, на некое среднее арифметическое. И под это «среднее» школа, в основание которой ставился авторитарный учитель, подгоняла любую неординарную личность — и тех, кто выше, и тех, кто ниже, всех — до среднего уровня!

Все концепции, выдвинутые съездом, повернуты к личности ребенка. Понимаете, что получается? Мы забыли, что школа создана не для учителя, а для детей: не было бы учеников — не было бы учителей. Забыв об этом, мы пришли к порочной системе обучения по микрорайонам, по месту жительства: хочешь не хочешь, иди в эту школу, к этому учителю. У нас нет возможности выбора. Да и выбирать-то не из чего: однотипные приемы и методы обучения и воспитания, однородность системы образования породили стандартные — на одно лицо — школы. И трагедия для многих учителей не сейчас, не после съезда произошла, а после февральского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС.

По себе сужу: я тоже поначалу несколько растерялся. Мы ожидали конкретных решений, чтобы все было расписано, как в нотах. А пленум взял и сказал: вот вам основные направления, думайте и работайте. Но мы не привыкли, мы не умеем без указки.

В составе оргкомитета мне пришлось участвовать в подготовке съездовских материалов. Должен сказать, что при выработке концепций было очень много споров, и это замечательно! На предыдущем съезде, в 1978 г., мы только руки поднимали. А сейчас боролись! На съезде было свыше 500 выступлений на пленарных заседаниях и секциях. Активность поразительная. Точки зрения полярные. Меня поначалу даже испугала агрессивность москвичей: давайте все ломать, все подряд крушить. А надо ли все и подряд? Я согласен с Роланом Быковым, который говорил в своем выступлении: «Вот сидят в президиуме съезда Амонашвили, Караковский, Елисеев... Их ведь тоже наша школа воспитала. Так надо ли такую школу ломать? Не следует бросаться в крайности. И, ломая, нельзя уповать на то, что враз появятся новейшие средства обучения, талантливые учителя. Но и ждать, что «вот приедет барин...». Не приедет он! Руки учителям развязаны — творите!»

В новых материалах, которые мы привезли со съезда, школе предоставляется подлинная самостоятельность в определении учебной нагрузки. Сохраняются всесоюзный и республиканский компоненты обучения, но пятая часть учебного времени — в распоряжении совета школы. Есть хороший учитель музыки — пусть школа поет. Есть талантливые преподаватели

физкультуры, изобразительного искусства — используйте их возможности, создавайте факультативы, курсы по выбору ребят, профильное обучение и т. д. Что, деньги для этого нужны? Дополнительные затраты? Нет. Только творчество учителя.

В кулуарах съезда много говорилось о высшей педагогической школе. Мнение однозначно: надо менять подготовку студентов, максимально приблизив ее к школе. До поездки на съезд я встречался со студентами нашего пединститута. И они говорили, что учебные планы несовершенны. Кто будет их менять? Москва? Нет, сам вуз, исходя из своих конкретных условий и возможностей, должен их разработать.

Но ведь у нас как школы, так и вузы — «под одну гребенку». Впрочем, есть положительный пример — Полтавский пединститут. Здесь студенты и в школах, и в садиках, и в интернатах работают. А будущие абитуриенты определяются с VI (!) класса (действует программа «Учитель»). Вуз знает, кто к ним придет, и отпадает нужда во вступительных экзаменах. Их заменяет один — творческий. И никаких стрессов, разочарований у человека, которому в раннем возрасте помогли определить цель.

Мне посчастливилось общаться с одним из главных инициаторов концепции глубинной подготовки учителя — ректором Полтавского пединститута Иваном Андреевичем Зязюном. Его избрали действительным членом Академии педагогических наук СССР, и я полагаю, что его мысли, дела и перспективные идеи подготовки учителя надо взять на вооружение и перестраивающейся нашей школе, и вузам.

На Всесоюзном съезде работников народ-

ного образования я познакомил нашего ректора Коми пединститута В. Н. Ахмеева с И. А. Зязюном — очень хочется, чтобы между нашим и Полтавским пединститутами завязалась творческая дружба. Мы уже договорились, что группа наших институтских преподавателей и студентов поедет в Полтаву, чтобы изучить опыт их работы. Нужно начинать творить самим, не ждать готовых рецептов.

Сейчас модно ссылаться на годы торможения и застоя. Не чувствовал я как-то этого застоя. И многие учителя, я знаю, его не испытали. Но есть и другие примеры. Сколько бед еще в сельских школах! Но одни ждут дополнительных вложений, а другие сами ищут. Есть прекрасный пример авторской школы-комплекса М. П. Щетинина, когда в единое целое объединены школа, детский садик, сельский клуб. Есть учебно-воспитательные комплексы (автор одного из них — Е. Б. Куркин из Тюменской области), где родители не отторгнуты от школы, а приняты в ее союзники, равноправные партнеры. И это очень верное направление. Создание и укрепление единого коллектива детей, учителей и родителей с начальных классов снимают многие проблемы трудного подросткового возраста.

Нужна огромная организаторская работа органов народного образования в пропаганде новаторских идей, творческого опыта педагогов, в оказании им помощи. Пока же все управление сводится к руководству и контролю снизу доверху. Пришел инспектор в школу, посидел на одном-двух уроках — и тут же разнос учителю. А может, учитель в этот день нездоров, может, в классе что-то произошло?..

За всю мою практику одну комиссию с благодарностью вспоминаю — Минпроса РСФСР. Неделю ко мне не заходили, жизнь школы старались почувствовать, с детьми, педагогами говорили. А уж потом приглашали учителей, выискивали зернышко хорошего, хвалили, предлагали: а что, если еще вот это и это попробовать?.. Какая же окрыленность появилась у людей!

А однажды пришла руководящая дама, обругала за оформление зала: «Антихудожественно!» Может быть. Но зато — нравственно, потому как все руками детей сделано. Но этого она не заметила. Испортила всем настроение и упорхнула, не забыв на прощание какой-то план потребовать. Это убийственно: на каждый шаг, каждое действие — план. Если уж мы утверждаем демократический стиль в работе, демократия не должна быть усеченной: вот кусочек демократии, а дальше – руководство и контроль.

Проблем же нам предстоит решить еще немало. Известно, как много мы теряем в раннем развитии детей в дошкольных учреждениях. Их перестройка еще не затронула. Что касается старших ребят, я поддерживаю идею расширения сети профильных школ, где учитываются более полно интересы и способности учащихся. Ведь если раньше школа ориентировалась на то, чтобы «вооружить учащихся суммой знаний, умений, навыков», то сегодня она обязана еще и обеспечить поступательное развитие, формируя способности и личность. Такие профильные школы в нашей Коми республике создаются, но это первый шаг, надо делать второй — укреплять каждую школу специа-

листами того направления, по которому она работает. Например, в школе № 38 г. Сыктывкара профиль естественных наук практически «тянет» один талантливый химик Л. Е. Боринцев. А ему бы в поддержку двух-трех сильных биологов, да через конкурсный отбор! Так бы и по другим школам, хотя бы не по всей республике сразу, а для начала в Сыктывкаре. Да мы бы здесь, у себя, союзную проблему решили!

Многое еще в школе предстоит менять. А главное — учителя творцом сделать!

МЕЖАДОР: ТРУД, ТВОРЧЕСТВО, РАДОСТЬ

Лет 20 назад, как я уже говорил, удалось получить для интерната здание бывшей ГЭС и часть земель совхоза «Межадорский», потом Совет Министров Коми АССР закрепил за нами около 750 гектаров лесов и лугов вместе с речкой Малой Визингой под государственный заказник. Год от года рос наш лагерь, обрастал жилыми корпусами, игровыми площадками, теплицами, хозяйственными постройками. Теперь он раскинулся на 30 га, из них 2 га — под цветами и опытными участками, 16 га пашни — под картофелем и овощами, а еще у нас 75 га сенокосных лугов. Поле, лес, грибы, ягоды, косматые сосны, прикрывающие жилые дома, прозрачный воздух — вот это и есть Межадор. Мы зовем Межадор дачей. Как у многих семей есть дачи, так и у нас тоже дача. Увидишь, как кто-то маленький с собачкой играет, другой козленка кормит, девчурка в цветах возится —

так чувствуешь, что здесь не просто отдых, организованный для детей, а обыкновенная жизнь ребятишек на лоне природы.

Межадор — дача для отдыха детей, но, что особенно важно, и база их труда. Я всегда считал, что труд от слова «трудно». И когда меня спрашивают: «Как вы прививаете любовь к труду?», говорю: «Мы не любовь к труду прививаем, а воспитываем потребность в труде и обязательно привычку к работе как основу будущего счастья нашего ребенка».

Для своих малышей мы организовали колхоз «Малышок». У них есть свои животные, отдельные грядки, где они возятся. Для них мы устраиваем праздник, который называется «Первая морковка». Когда на поле вырастает первая тоненькая морковка, ее надо прореживать. Тогда старшие ребята везут на поле ведра с водой, ставят между грядок. Малыши дергают первую морковку, моют и едят.

В шесть часов утра идешь по территории, смотришь — крохотный малышок тащит ведерко.

— Ты что, куда идешь? Все спят еще.

— Я должен ослика покормить...

Значит, набрал уже пищевые отходы, идет кормить. Воспитатель спит, вожатый спит, а он уже животных покормил, погладил, приласкал и хлев убирает до подъема. Так забота чувство ответственности воспитывает.

Одиннадцать тракторов выходят на поля. Каждое утро на совете бригадиров идет за них «драка»: тракторов у нас не хватает. Кому-то рассаду везти, кому-то поле дисковать, кому-то что-то другое надо делать.

Семь лет назад мы решили полностью обес-

печивать себя овощами и картофелем. И вот уже пятый год не только себя обеспечиваем, но и продаем излишки горожанам. Наш урожай идет нарасхват. Уже в августе везем раннюю картошку. Мы ее выкапываем в шесть часов утра. Помоем, в красивые ящики уложим и первую проходящую мимо машину останавливаем — попутный груз до Сыктывкара. В 1987 г. мы собрали 70 тонн картошки, из них 20 тонн продали горожанам по цене, значительно ниже рыночной.

Любой магазин согласен взять наш картофель, у них очередь стоит, люди ждут, когда из интерната картофель привезут. Мы же видим, как в торговле продают — все немытое, полугнилое. Ну почему нам не сделать иначе — по-советски? Мы же детей воспитываем! Как мы можем грязную картошку с поля отправлять в магазин?

Рассаду помидоров (около 30 сортов) мы сначала решили на рынке продавать, договорились, киоск отдельный взяли, вывеску повесили. А люди узнали о том, что мы будем продавать. Не успели машины с дачи к школе подойти, появились первые покупатели: через полчаса все продали. Так на рынок и не выехали.

К цветам у нас особенно трепетное отношение. Незатейливые анютки, яркие ноготки, торжественные дельфиниумы отогревают детскую душу. Гляжу, как-то утром сидит на корточках маленькая девочка и гладит тоненьким пальчиком нежный лепесток цветка. На следующее утро опять. Игорь Леонов, уже большой парень, загляделся на цветок ноготка, глаз отвести не может, а потом говорит: «Он на сол-

нышко похож...» Первым главным цветоводом была у нас третьеклассница Катя Безносикова. Развели тогда девочки огромное количество цветов. «Ленинскую поляну» оформили, начали опытническую работу проводить. Однажды приехали из города учителя-биологи и всё удивлялись красоте и обилию цветов. Спрашивают, какое образование у вашего главного цветовода. Тут и подводят к ним Катю Безносикову с незаконченным начальным образованием. А сейчас Катя Безносикова заканчивает медицинский институт. Скоро врачом станет.

Главным организатором сельскохозяйственных работ на даче, безусловно, является Людмила Михайловна Дымова, учитель биологии. С раннего утра до позднего вечера она по полях, в теплицах, в зоопарке, на цветниках. И всегда вместе с детьми. Учит, сама трудится, тетради наблюдений проверяет, конкурсы проводит. И так весь год. Людмила Михайловна — заслуженный учитель школы РСФСР и Коми АССР, не раз была награждена медалями ВДНХ СССР.

Общественно полезная деятельность детей строится по коллективному принципу. Ребята распределяются по разновозрастным бригадам, насчитывающим по 5—6 человек, во главе с бригадиром. Каждая бригада имеет свой участок. Одни выращивают цветы и овощи, другие занимаются животноводством или строительством, третьи — поливом или вождением тракторов и машин. Отдельные трудовые поручения выполняют сводные отряды. Малыши по утрам с ведерками в руках собирают мусор на территории лагеря, а потом идут в лес за грибами, ягодами и лекарственными травами.

Старшие ведут эксперименты по выращиванию в условиях севера гладиолусов, дельфиниумов, ряда овощей. Их деятельность направляется учеными Института биологии Уральского научного центра. Дети заняты трудом 6 дней в неделю, по 2—4 часа.

Трудовой день лагеря начинается... накануне вечером. Ежедневно в 20 часов собирается совет бригадиров — главная исполнительная власть в лагере. Чтобы оценить его значение, нужно на нем побывать. А я лишь попытаюсь передать атмосферу этого демократичного и в то же время твердого детского самоуправления.

Заседание ведет председатель совета — секретарь комсомольской организации школы десятиклассница Эля Давыдова, девочка сдержанная, строгая и справедливая.

Первый отряд работал на сборе редиски и прополке укропа. Замечания есть?.. А после прополки у вас еще было время?.. Собирали подорожник. Вожатые, пожалуйста... Нет замечаний? Хорошо. Ваша оценка? — Второй отряд плохо работал на строительстве водопроводной траншеи. Холопов Сергей, в чем дело?

— Да вроде не было замечаний, а к вечеру опять траншея завалилась. Ну а потом мы веники вязали...

— Завтра кроме нового задания повторите очистку траншеи. Оценку за сегодняшний день снижаем, так? А завтра главный труд — на полях и в теплицах.

И так перед советом один за другим проходят бригадиры: серьезная Наташа Егорова, живая и неравнодушная ко всему Алла Кери-

мова, работяга Сергей Иванов, нынешний неудачник Сергей Холопов, неутомонный и хулиганистый Слава Мяус... Егорова докладывает об уборке свеклы, Иванов — о покраске навеса. Животноводы кормили кроликов, коз и кур — у них не трех- или четырехчасовой, а, так сказать, неучтенный рабочий день. Кто-то загружал и разгружал трактор, помогая строителям, кто-то дежурил в столовой.

В обсуждении прошедшего трудового дня и планировании дня будущего принимают участие и вожатые, но у них — право совещательного голоса. Изредка вставляет замечания начальник лагеря Александр Эрнстович Вербин. Такой порядок заведен давно, и Эля Давыдова прекрасно справляется со своими обязанностями председателя. Она, пожалуй, и формальный и неформальный лидер, при этом ничуть не превышающий ни свою роль, ни свою власть. При необходимости ее может заменить, скажем, Алла Керимова, во всем поведении которой заметна забота не столько о себе, сколько обо всех детях, о благосостоянии лагеря.

В середине лета мы всегда сено для совхоза «Межадорский» заготовляем. В прошлом году за две недели 132 тонны сена заготовили — 300 человек выходили в поле. Малыши сено ворошат. Те, что постарше, в копны его собирают. Ребята повзрослее и посильнее стогуют, возят. А потом садимся все вместе и пьем чай с конфетами. Кажется, приустали, но набежала туча, и ребята побросали кружки с чаем, бутерброды и конфеты — помчались укрывать сено от дождя... И у всех ощущение, что это праздник, праздник труда.

В конце июля начинается черничный и грибной сезон. Объявляется поход за черникой, норма — четыре литра на брата. Для малышей – пол-литровая банка, для дошкольников — стакан. Кто перевыполняет норму, получает шоколад. Малыши прибегают из лесу, кричат: «Нету черники!» А у самих руки черные, губы черные, даже носы черные от этой самой черники. Хоть со второго захода, но по стакану все-таки набирают. В добрые годы запасаем до одной тонны черничного варенья.

Все наши дети хорошо знают грибы: где белый, где моховик или подберезовик, а где обыкновенная поганка. Для вожатых, приехавших с юга, набирают и насушивают грибов. Это подарок, чтобы зимой помнили о своих воспитанниках и приезжали на другое лето снова.

Помощь шефам и совхозу – забота особая. Ребята часто повторяют: «Работаем для себя». А ведь необходимо, кроме того, уметь бескорыстно работать для других, приносить помощь людям. Как-то осенью убирали ребята картошку на полях совхоза «Межадорский». Немного осталось, и вдруг трактор на поле появился. Тракторист кричит: «Разойдись, запахивать поле буду!» Ребята, хоть и подмерзли крепко, бросились всей толпой к трактористу, начали его убеждать, что нельзя поле запахивать, пока всю картошку не выберут. Тракторист взялся их уговаривать: «Да что вы, ребята! Замерзли уже, идите по домам, погрейтесь!» Нет, не ушли с поля, пока всю картошку не выбрали.

Мы не представляем себе Межадор без техники, а воспитание ребят, особенно труд-

ных,— без их работы с техникой. Видимо, уже в самой технике заложены элементы детского интереса к ней. Появляется интерес — просыпаются смекалка и инициатива, начинается творчество.

Как-то, приехав в лагерь, я заметил, что Вовка Попов разбирает новый трактор. Подойдя поближе и увидев рядом с тракторным остовом груду металла, я остолбенел. Вовка, тогда семиклассник, несколько перепугался тоже, но заверил меня: «Не волнуйтесь, я его соберу». И собрал, да так, что трактор стал работать лучше прежнего! Вова Попов был и остался нашим лучшим трактористом, окончил сельскохозяйственное училище и после армии вернулся в интернат. Теперь уже учит ребятишек обращению с трактором.

Я подсчитал, что за последние 15 лет мы сэкономили свыше миллиона рублей. Сумма огромная. Ежегодно на ремонт ведомственных лагерей затрачивается от 50 до 100 тысяч рублей. А мы весь ремонт проводим силами старших ребят. Вот и получается, на зарплату детям уйдет 10 тысяч рублей, а все равно сэкономим не меньше 40 тысяч. Возведение спального корпуса в лагере, при сметной стоимости в 50 тысяч рублей, обходится нам в 27 тысяч рублей при строительстве хозяйственным способом. Почти в два раза дешевле! Умножьте эту сумму на 15 лет, и опять получится огромная экономия. Вот отсюда и миллион, сэкономленный нашим трудом, вот и результат воспитания, слитого воедино с народнохозяйственными проблемами страны.

Иногда директора местных школ сетуют: «Первому интернату — все, а нам ничего!»

Далеко не всё. Мы не просим строителей для ремонтных работ, а сами возим стройматериалы, сами строим, сами отделываем, и вот готов новый корпус в лагере. И ни у кого рука не поднимется, чтобы что-то отломать, оторвать, испортить. Сами строили, сами и берегут. Каждый знает, как трудно было.

Ребята хорошо понимают смысл своего труда, потому что в течение всего учебного года получают дополнительное питание за счет выращенных ими овощей и фруктов, а также собранных грибов и ягод. Особенно «везет» тем, кто по болезни попадает в изолятор: там ребята активно «лечатся» черничным вареньем. Уже пять лет интернат занимает призовые места на городской выставке цветов. Мы всячески заботимся о том, чтобы труд детей не замыкался в рамках «работаем для себя». Надо не забывать и об общественном благе. Мы не только заготовляем сено для совхоза «Межадорский», но и выращиваем для него же поле борщевика, засаживаем цветами улицы совхозного поселка, работаем на полях Института биологии Уральского научного центра, построили паром через реку Малая Визинга.

Что же, нет проблем у нас с трудовым воспитанием? Так только кажется на первый и неискушенный взгляд. Приехала к нам как-то корреспондентка местной газеты, чтобы рассказать о труде детей, посмотрела кругом, заскучала и заявила: «Ну, чего тут писать-то? Дети работают себе и работают». Этот вроде бы незначительный повод заставил нас самих задуматься о том, какова та педагогическая технология, которая делает столь сложную организацию трудового воспитания такой внешне

простой: работают ребятишки, никто их не подгоняет, порой и воспитателя рядом нет, а дело спорится.

Отрабатывать до деталей технологию вовлечения ребят в трудовую деятельность нас вынуждал постоянный приток новых воспитанников, презирающих любую работу. Они не хотели палец о палец ударить, и все тут. Отговаривались: не привыкли, не умеют. Еще В. А. Сухомлинский заметил, как сложно преодолеть в детях долголетнюю привычку к безделью.

Поступила к нам в IV класс Надя К. Лето было в разгаре, и ее одноклассницы выращивали цветы в лагере. Повозилась она с ними несколько дней и закапризничала. Перевели в овощеводы, потом в животноводы, а толку мало - не хочет она себя утруждать. «Я нигде не хочу работать,— заявила она. - Дети летом должны отдыхать».

Другой новичок, Леша С., приехал к нам вместе с матерью. Она оформилась ночным сторожем. Леша быстро сообразил, как воспользоваться положением. Работать на участке капусты он никак не хотел, зато ночью его мать приводила капустные грядки в полный порядок.

Саша С., тоже новенький, получил цветочный участок на спуске к реке. Чуть ли не силой тащили его цветоводы на этот участок. Сначала не шел, а потом нехотя ковырялся в земле, хотя цветы от этого не становились лучше. А однажды ребята услышали радостный Сашин вопль: «Провалился! Провалился!» Ребята бросились к нему, думали, Саша в реку провалился. А оказывается, не он, а весь участок в реку сполз. Не зря Саша много дней устраивал в склоне подкоп.

Отлынивание от труда новеньких не столь страшно само по себе (в конце концов мы прививаем им привычку к труду), опасно их разлагающее действие на коллектив. В каждой бригаде всегда есть ребята с неустоявшимся характером, готовые перекинуться на сторону дезорганизаторов и лодырей. В. А. Сухомлинский справедливо говорил, что борьба с лодырями «ослабляет коллектив, если это воздействие не приводит к положительным результатам».

Разрушительное влияние вновь прибывающих детей, отвергающих труд, оказывается тем более опасным, что и воспитатели порой чувствуют свое бессилие. Нередко с болью в сердце видишь, как они стыдят, поучают лодырей, стоят за их спиной во время работы, показывают личный пример, делают за них часть их работы — и всё безрезультатно. Воспитатели напрасно расходуют свои силы: привыкшие к безделью дети отлынивают от труда.

Решить проблему помогла педагогика параллельного действия, разработанная А. С. Макаренко. Суть этой педагогики состоит в воздействии педагога на коллектив и личность «в одном общем приеме». «В каждый момент нашего воздействия на личность, — писал великий педагог, — эти воздействия обязательно должны быть и воздействием на коллектив. И, наоборот, каждое наше прикосновение к коллективу обязательно будет и воспитанием каждой личности...»[1].

В технике параллельного воздействия сле-

---

[1] *Макаренко А. С.* Соч. Т. V. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1957. С. 354.

дует различать две воспитательные линии: воздействие педагога на коллектив и воздействие коллектива на личность, т. е., как объяснял А. С. Макаренко, «педагогическая установка коммуны в общем формируется так: создание правильного коллектива, создание правильного влияния коллектива на личность»[1].

Нужно было найти такие организационные виды труда, которые несли бы в себе дополнительный заряд нравственного воздействия на коллектив и личность. Мы проштудировали горы литературы о трудовом воспитании. Пожалуй, нет ни одной книги или статьи на эту тему, где бы не шла речь об огромном воспитательном влиянии на детей фактора организации труда. Но вот о механизме такого влияния труда на коллектив и личность через систему организации труда мы прочитали только в работах А. А. Пермякова и В. М. Румянцева.

А. А. Пермяков в книге «Коллективный труд школьников и его воспитательные возможности» (М., 1961) предлагает различные формы организации общественно полезного труда (работа сообща, фронтальный труд, комплексные работы, работа цепочкой, или «живой конвейер», и др.), раскрывая характер их влияния на внутриколлективные отношения (создают отношения ответственности и взаимного контроля).

В. М. Румянцев в статье «Некоторые вопросы организации труда учащихся в связи с формированием детского коллектива в школе-интернате» (Ученые записки Калининского педа-

---

[1] *Макаренко А. С.* Соч. Т. II. С. 400.

гогического института. Т. 41. Ч. 1. Калинин, 1964) убедительно показывает, как правильная организация перспектив («завтрашней радости», по А. С. Макаренко), коллективного планирования, разновозрастных отрядов становится эффективным средством воздействия на коллектив и личность в процессе их трудового воспитания.

Но впервые такие организационные формы воздействия на коллектив, а через него и на личность открыл А. С. Макаренко: это сводные разновозрастные отряды. Антон Семенович как-то заметил, что целых 16 лет он ломал голову над проблемой первичного коллектива и считает создание сводных разновозрастных отрядов своим самым интересным изобретением. Почему? Потому что, воздействуя на коллектив через организацию в нем сводных и разновозрастных отрядов, он заранее предвидел, какие качества и черты характера будет коллектив выковывать в каждом индивидууме. Это прежде всего умение подчиняться и командовать, это способность жить интересами всего коллектива, не замыкаясь в первичном, это чувство ответственности за сохранение и упрочение традиций коллектива. И совершенно очевидно, что весь поток влияний, исходивших от коллектива и направленных на личность, вызывался к жизни отнюдь не прямым воздействием педагога. Организуя сводные и разновозрастные отряды, А. С. Макаренко влиял на коллектив тоже косвенно, так как его воспитательный замысел оказывался скрытым: на первый план выступали интересы и потребности детского коллектива.

Одним из механизмов параллельного воз-

действия на коллектив и личность мы считаем соревнование. Чтобы максимально выполнить свои воспитывающие функции, оно должно предусматривать сочетание коллективной и индивидуальной ответственности и строиться на принципе взаимопомощи.

Покажем на примере, как на этих основаниях организуется соревнование ученических бригад. Бригады цветоводов вместе работают на лагерных цветниках, но, кроме того, у каждого цветовода имеется личный, как мы называем, «персональный» участок, обрабатываемый им в любое свободное время. Вот этот «персональный» участок и дает возможность учесть отношение к делу каждого. На стенде соревнования — фамилии всех цветоводов, и против них каждый день вывешиваются замечания по содержанию «персональных» участков. Если участок находится в идеальном состоянии, т. е. полит, прополот, взрыхлен, цветоводу записывается на стенде одно очко. Чтобы кроме индивидуальной учесть и коллективную (бригадную) работу, условиями соревнования предусмотрено: та бригада, которая отлично справилась со своим заданием, помогла другой бригаде, а более половины ее членов получили зачетные очки, может заложить «кирпич» в «дом», который «строят» все бригады цветоводов (у каждой бригады свой цвет кирпичей, которыми заполняется контур дома на стенде). В конце лагерной смены награждаются лучшие — бригады, заложившие наибольшее количество кирпичей, а также цветоводы, которые набрали наибольшее количество очков.

Что происходит при такой организации соревнования? Работать плохо, не стараться ста-

новится просто невозможно. Каждый ученик, пытающийся уклониться от дела, попадает в сложный, непрерывный поток осуждающих воздействий товарищей. В результате он вынужден подчиниться требованиям коллектива. В этих условиях самые хронические формы лени и нерадивости преодолеваются быстро и без рецидивов. Так, Надя К., о которой уже упоминалось, в конце концов вернулась в бригаду цветоводов. Работала она по-прежнему вяло и безучастно, но под влиянием товарищей должна была заставлять себя стараться, когда ребята выполняли общие дела. А ее «персональный» участок тем временем зарастал сорняками. Когда ребята стали ругать ее за эти сорняки, Надя заплакала: «Что я могу с ними сделать, если они так быстро растут?!» Тогда вся бригада дружно выполола ее участок, не оставив на нем ни травинки. После этого цветоводы тщательно следили, чтобы Надя не запускала участок. Так девочка стала втягиваться в труд, а в конце лета даже была награждена «орденом кореопсиса» второй степени. Это означало, что она заняла второе место в индивидуальном соревновании цветоводов.

Таким образом, соревнование, предусматривающее коллективную и индивидуальчую ответственность за результаты труда, может стать эффективным приемом педагогики параллельного действия, т. е. воспитания личности через коллектив.

Еще один прием педагогики параллельного действия — организация дела «на доверии». Как это происходит? Лучшие, добросовестно работающие микроколлективы на общелагерной линейке торжественно объявляются брига-

дами «на доверии». Это значит, что отныне этим бригадам выделяется участок работы и дается задание, а вся дальнейшая деятельность строится на принципах самоуправления и самоконтроля. Сколько, кто, что и когда будет делать, решают сами ребята. Выполнив задание, бригада считается свободной. Хотя по условиям соревнования предусматривается помощь другим бригадам, но ребята обычно стараются помогать не отстающим, а бригадам, также работающим «на доверии». Отстающие бригады как бы в изоляции, тем более что они должны были работать строго определенное время. Это, конечно, подстегивало отстающих, заставляло «выкладываться», чтобы заслужить право на доверие. Часто возникали остроконфликтные ситуации жесточайшей критики тех, кто тянул бригаду назад. «Из-за тебя на доверие не можем выйти!», «Ты лодырничаешь, а мы за тебя работай!»— постоянно слышалось в отстающих бригадах.

В педагогической литературе об организации общественно полезного труда обоснована необходимость четко очерченного, определенного участка работы, конкретного трудового задания для каждого первичного коллектива. Не сомневаясь в правильности этого положения, хотелось бы внести в него некоторые уточнения.

Определенность трудового задания бригады обеспечивает ее самостоятельность, делает ее трудовые усилия более результативными и целенаправленными. Вместе с тем самостоятельность трудовой деятельности бригады не должна приводить к замыканию на своих собственных интересах и оторванности от общеколлек-

тивных дел. Организуя детский труд, следует программировать не только внутриколлективные, но и межколлективные отношения.

Идея межколлективных связей в трудовой деятельности детей представлена чаще всего принципом общей ответственности за дело. Допустим, ребята одного отряда работают звеньями, но задание поручено отряду в целом. Тогда успех отряда зависит от успехов каждого звена. Этот принцип общей ответственности используется в практике организации общественно полезного труда в лагере: пять бригад цветоводов, соревнуясь между собой, несут ответственность за одно общее дело — выращивание цветов. Так же работают три бригады животноводов, пять бригад овощеводов.

Но этого принципа для установления межколлективных отношений нам показалось мало. Как установить связи между бригадами, например, цветоводов и электриков, животноводов и строителей? Как сделать, чтобы они чувствовали общую ответственность за результат трудового лета, общетрудовые дела всего Межадора?

На сплочение всего коллектива и направлен принцип пересеченности в трудовых поручениях бригад. Этот принцип означает, что каждая бригада, имея вполне самостоятельный участок работы, в каком-то звене обязательно пересекается, соприкасается с трудовыми делами других бригад. Так, бригады цветоводов оказались в зависимости от качества работы поливальщиков. Если же «персональный» участок цветовода плохо полит, он не получал призового очка в соревновании, как бы ни сваливал вину на поливальщика. В свою очередь

бригада поливальщиков зависит от установщиков поливальной техники. А та — от качества работы электриков. Такой принцип пересеченности в трудовых поручениях бригад представляется в виде цепи, где каждое звено самостоятельно, но соприкасается с соседними звеньями.

Действие такой цепи становится особенно наглядным во время работы совета бригадиров. Стоит сделать замечание одному бригадиру, как включается вся цепь: бригадир цветоводов критикует поливальщиков, бригадир поливальщиков — установщиков шлангов, те— электриков и т. д.

Но не только на совете бригадиров, а и в каждодневной работе видно действие цепи. Цветоводы постоянно следят за качеством поливки цветов, стоят буквально за спиной отдельных поливальщиков, которые, по их мнению, недостаточно глубоко увлажняют землю или сильной струей ломают цветы. Поливальщики же еще по утрам посматривают, хорошо ли ребята из бригады установщиков поливальной техники прокладывают шланги, достают ли они до всех цветочных участков. И все эти непрерывные, длительные взаимодействия между коллективами, а также между коллективами и личностью происходят как бы сами собой, без видимого участия взрослых. Хотя на деле их воспитательная роль воплощена в выдвинутом ими принципе пересечения трудовых дел бригад, обеспечивающем функционирование механизма параллельного действия, когда, по мнению А. С. Макаренко, «не может быть такого положения, чтобы коллектив прогрессировал, а индивиды стояли на месте или наоборот. Между индивидуумом и коллективом прямое воз-

действие»[1].

У А. С. Макаренко есть рассказ об особом приеме педагогики параллельного действия, когда он формировал разновозрастные отряды по принципу «кто с кем хочет». После распределения ребят по отрядам в коллективе оставались 10—15 ребят, которых никто не хотел брать в свой отряд, что открывало перед Антоном Семеновичем ясную картину внутриколлективных отношений. К сожалению, этот принцип А. С. Макаренко незаслуженно забыт, но, думается, его действие не следует ограничивать лишь задачей изучения внутриколлективных отношений. Он может с успехом использоваться и как прием активного параллельного влияния на личность.

Как-то в разгар трудового соревнования в Межадоре на заседании совета бригадиров был поднят вопрос о неравномерном распределении сил по бригадам: в одних — трудолюбивые и честные ребята, в других — лодыри и тунеядцы. Дав согласие на перераспределение бригад, мы собрали в клубе общее собрание воспитанников, на котором объяснили смысл возникшего у бригадиров недовольства. Бригадиры вышли на сцену и стали записывать на доске фамилии тех ребят, которых они хотели бы включить в свою бригаду. Надо было видеть, как насторожились ребята в зале. Вытянув шеи, они напряженно следили, запишет ли их кто-нибудь из бригадиров в свою бригаду.

---

[1] *Макаренко А. С.* Коллектив и личность: Из архива А. С. Макаренко//А. С. Макаренко. Львов. Кн. 5. 1963. С. 171.

Одни радовались, увидев свои фамилии в нескольких списках, другие, кого не записал никто, мрачнели. Таких, кого никто не хотел взять в бригаду, оказалось 7 человек. Мы потребовали от бригадиров включить этих ребят в свои коллективы. Бригадиры заспорили: кому кого брать. А из зала кричали: «Не бери Лешку, за него мать работает!», «Не бери Вишератина, он не работает, а на солнышке греется!»

Это же самая настоящая педагогика параллельного действия! И она служит средством не только выявления сложившихся между детьми отношений, но и активного воздействия коллектива на лодырей и нерадивых воспитанников. Когда семерых ребят не взяли ни в одну бригаду, это было для них сильнейшим потрясением — ведь их отлучали от коллектива, считая плохими товарищами, ненадежными людьми. Недаром В. А. Сухомлинский писал, что в коллективе «критерием товарищества становится отношение к труду»[1]. И хотя принцип «кто с кем хочет» не может применяться часто, он, отражая позицию коллектива по отношению к отдельной личности, помогает выработать всем и каждому нравственные эталоны оценки поведения человека, побуждает к самовоспитанию, самопознанию, позволяет увидеть негативное в своем характере.

Овладение приемами трудового воспитания изменило педагогов. Свои усилия они теперь направляли не на морализирование, надзор и присмотр за детьми, а на организацию их дея-

---

[1] *Сухомлинский В. А.* Воспитание коммунистического отношения к труду. М., 1959. С. 413.

тельности, создание таких ее форм, которые отвечали интересам коллектива и личности. Сама практика целенаправленной организации общественно полезного труда убедила их в правоте макаренковских слов о том, что воспитательный процесс есть прежде всего процесс организаторский. «Отстраняя воспитательную работу специально над отдельным лицом, над пресловутым «ребенком», составляющим заботу педагогики,— писал А. С. Макаренко,— мы усложняем воздействие на личность... Это не значит, что мы, педагоги и вообще взрослые руководители коллектива, стоим в стороне и только наблюдаем. Как раз нам приходится каждую минуту мобилизовывать нашу мысль и опыт, наш такт и волю, чтобы разобраться в многообразных проявлениях, желаниях, стремлениях коллектива и помочь ему советом, влиянием, мнением, а иногда даже нашей волей»[1].

Воспитание, которое мы осуществляем, можно назвать деятельностным.

Когда летом 1987 г. я выступал по Центральному телевидению на встрече с учителями в студии Останкино, один директор упорно добивался: «Вот вы все о деятельности толкуете. А какая у нас в интернате может быть деятельность, если мы все силы бросаем на дисциплинирование учащихся?» От такого вопроса можно оцепенеть, забыв, что каждая твоя эмоция фиксируется на пленке. Не нужно быть теоретиком педагогики, достаточно быть простым воспитателем, чтобы осознать азбучную истину, что воспитание ребенка, а в том числе и его «дисциплинирование», невозможно вне

---

[1] *Макаренко А. С.* Соч. Т. II. С. 399—400.

деятельности. При всем напряжении мысли я не могу представить себе, какими путями «дисциплинируют» педагоги детей, находящихся вне общественно полезной деятельности. Очевидно, им не на что уповать, кроме «спасительных» словесных назиданий, на которые у детей давно сформировался устойчивый стереотип противодействия. Единственное, чего можно добиться морализированием и нотациями, — это слепого, бездумного послушания, лишающего ребенка активности и инициативы. Кажется, это всем уже ясно. Но почему же до сих пор в наших школах продолжают считать главным средством воспитания «словесную жвачку»?

Я отрицаю не само слово как средство воспитания (без эмоционального педагогического слова вообще немыслим воспитательный процесс), а форму, в которую слово облекается, — морализирования, поучения, наставления, угрозы, проработки, указания и т. п. Думаю, что живучесть этой словесной трескотни объясняется видимостью «принятия мер», нежеланием напрягаться в поисках методов подлинного воспитания. Сиди себе на стульчике и взывай: «Как тебе не стыдно, а еще октябренок (пионер, комсомолец)!», а ребенок, стоящий перед тобой, пусть внимает и воспитывается. Такой словесный шум, надоевший самим учителям и вызывающий у детей отупение, — беда, которую надо изживать, противопоставляя имитации воспитания педагогику дела. Исходя из мысли А. С. Макаренко, что воспитание есть организация деятельности, нужно, во-первых, вызвать к жизни широкую, многообразную деятельность и, во-вторых, воплотить ее в

продуманные организационные формы.

В последнее время в нашей печати обращается немалое внимание на так называемые неформальные объединения молодежи. Я насчитал уже не менее 20 причин, их породивших. Вместе с тем, думается, не названа главная: неудовлетворенность молодежи той деятельностью, которая организуется в школе.

Пытались и мои ребята отдать дань моде и создать неформальное объединение «металлистов». Обвесились разными железками, вилоть до скрепок для бумаг. Смотрю, что дальше будет. Вижу, на трактор парень лезет, а «металл» мешает. Идет снег чистить — опять мешает. Стали тир строить — и тут мешает. Так закончилась в интернате бесславная попытка создать неформальное объединение.

Деятельность не следует рассматривать как некое искусственное привнесение в нашу жизнь. Нет, это сама жизнь, ее смысл и стратегия. Мне нравится слово «жизнедеятельность», которое сливает воедино сущность воспитания и жизни детей.

«Остановка — смерть коллектива»,— предупреждал А. С. Макаренко, и мы стремимся не останавливаться. Однажды перед 1 сентября в нашей школе буквально стряслась беда: в одночасье осыпалась штукатурка стен и потолков (бывает, оказывается, так). К счастью, никто не пострадал, но детей в аварийном здании держать было нельзя, малышей отдали в другие детские дома, а сами, разбившись на бригады, два месяца готовили школу и открыли ее после ноябрьских праздников.

Очень было тяжело. Жили в одном месте, учились в другом, а утром, днем и вечером

ремонтировали школу. Но зато тогда у нас и сложился принцип организации трудовых дел по бригадам. Строим с тех пор (уже 15 лет!), как я уже рассказывал, постоянно, и конца краю этой всеобщей стройке не видно. Вот недавно в Межадоре соорудили танцевальный павильон. Из других, нестроительных дел хочу отметить проведение такого ботанического эксперимента, как прививка кедра на наши северные сосны. Ребята уже мечтают о том времени, когда будут собирать с привитых сосен урожай кедровых орехов.

Некоторые утверждают, что радость и труд — понятия несовместимые. А я глубоко убежден в обратном. Знаю это и по себе, и по своим детям, вижу, как счастливы они бывают, когда не только плоды собирают, но и работают на нашей даче в Межадоре. А разве в городе некуда приложить руки ребятам? Посмотрите, во что после оттепели превращаются наши улицы? Сплошная ледяная корка. Разве не могут на полчаса выйти после уроков подростки на улицу, ту, где их школа, и очистить асфальт, песком посыпать? Для моих, например, это само собой разумеющееся дело. Они меня измучили: «Дайте известь, побелим бордюры пешеходных дорожек!» «Да ведь дожди же идут,— говорю им, — завтра же все смоют!» А они свое: «Пусть хоть один день, да красивой улица будет. Завтра снова побелим...»

Разве не с любви к дому, улице, на которой живешь, к городу своему начинается чувство Родины? Кто, кроме нас, наш город красивым сделает? Неужели для этого надо взрослых от работы отрывать, субботники организовывать? И ведь проводим: папы и мамы деревья

сажают, а их дети эти деревья ломают. А вот если бы они эти деревья вырастили, ломать то было бы жалко.

У нас пятиклассница Наташа Иванова стала «чемпионом» на уборке картофеля. Сколько радости у девочки было, когда ее победителем величали!

Деятельность детей многогранна. Она имеет и нравственную, и трудовую, и эстетическую, и оздоровляющую направленность. Вместе с тем особое значение мы придаем деятельности социальной. В чем мы видим смысл этой деятельности? Мы видим его в реализации идеи воспитания гражданина, социально зрелого, осознающего свое общественное назначение, приспособленного к жизни и занимающего в ней активную позицию.

По Центральному телевидению был показан фильм режиссера Сперанской «Без оркестра». С немалым недоумением слушали мы выпускников интерната, совершенно не подготовленных к жизни, не умеющих ни чай заварить, ни судьбу свою устроить. Мои ребята были искренне удивлены, они таких не встречали.

Социальная деятельность складывается из больших и совсем, казалось бы, незначительных дел. Было время, когда я возмущался, что воспитатели посылают детей в магазины. Потом мне пришлось извиняться перед воспитателями: ведь эти посещения магазинов формируют у детей необходимые социальные умения, они узнают, что сколько стоит, как нужно деньгами распоряжаться. Ребята отправляют на почте телеграммы и посылки выпускникам, служащим в рядах Советской Армии. Они содержат в чистоте улицу и автобусную остановку.

Нынче весной даже березы побелили. Сажают на улицах цветы. Жители ближайших к нам домов хорошо знакомы с нашими детьми. Они и огороды старикам вскопают, и продукты принесут, печь истопят и пищу приготовят. А многие ли «домашние» дети справятся с такими делами?

В социальном и нравственном становлении коллектива большое значение мы придаем совету чести. Избрали в него недавно сами ребята тайным голосованием пятерых своих товарищей и четверых учителей (и никого из администрации). Совету чести дано право разбирать все нравственные конфликты в интернате. Конфликты в людских отношениях неизбежны: виноваты в них могут быть и дети, и взрослые. И я, директор, могу быть виноват. Совет чести выясняет причины конфликтов, без его решения никто не может быть наказан. Не подумайте, что это заигрывание с детьми. Это, в сущности, чисто житейский метод воспитания — опять же по семейному подобию. Представьте себе, собрались вместе мать, отец, сын, дочь и ведут честный, доверительный разговор, не тая друг от друга обид. Такой разговор, согласитесь, свидетельствует о высоком уровне развития нравственных отношений в коллективе, уважении достоинства каждого и ребенка, и взрослого.

К социальной деятельности мы относим и подготовку к будущей семейной жизни. Малыши играют в куклы, составляющие семейный «комплект»: папа, мама и дети. В каждом классе есть полный набор столовых приборов, самовар, чайные, а также обеденные сервизы, и здесь нередко устраиваются семейные за-

столья вместе с представителями шефствующих предприятий. Девочки увлеченно занимаются в кружках домоводства, все они умеют шить, вязать, стряпать. Причем мальчики стараются не отстать от девочек и тоже не хуже их шьют и кулинарят. Проводим мы и уроки семейного этикета для старшеклассников как деловые, ролевые игры, в которых дети учатся понимать отношения в семье, ладить с близкими, уступать им, рационально расходовать семейный бюджет и т. д. Главное, в чем мы видим социальную подготовку к семейной жизни,— это культивирование чуткости, заботы, внимания в отношениях между мальчиками и девочками, между детьми и взрослыми.

Особенно трудно вовлечь в социальную деятельность восьмиклассников. Я давно замечаю возникающую у подростков именно в этом возрасте тревожность, непредсказуемость в поступках. У них резко обостряется чувство собственного достоинства, они настороженны, бурно реагируют на открытые попытки их «воспитывать». Бравируют своей взрослостью, но в то же время пытаются поглубже спрятать внутреннюю растерянность и неуверенность.

На днях я собрал восьмиклассников и сообщил им, что совхоз подарил нам трех лошадей. «Кто хочет за ними ухаживать?» — спросил я. Мальчишки презрительно хохотнули: «Что вы, из нас конюхов хотите сделать?»- «Ну, не хотите, не надо, предложу семиклассникам». Прихожу на следующий день в интернат, в дверях кабинета меня ждет Сашка Кузьвасев, восьмиклассник. «Ты что тут стоишь?»--«Вас дожидаюсь, хочу за лошадьми ухаживать...»

Этот эпизод воочию подтверждает ту мысль, что восьмиклассники, воспитывающиеся в интернатах, находятся в состоянии стресса, обостренной тревожности из-за ожидания перемен в своей судьбе. Ведь многим из них предстоит переход в ПТУ, выбор профессии, привыкание к совершенно новым людям, условиям жизни. А им только 14—15 лет, это еще дети, не готовые ни психологически, ни социально, ни материально к роли взрослых. Поэтому, я думаю, надо оставлять детей в интернате и после VIII класса, помогая им получить среднее образование или профессию, во всяком случае не бросать их в житейское море на произвол обстоятельств.

У нас был такой случай. Выпускник Саша Сажин отслужил в армии и вернулся на первый курс Тюменского медицинского института. Приехал к нам сразу после демобилизации в солдатской форме. Надежды на помощь от родственников у него нет. Что делать, ведь студент института? Мы все-таки одели парня на 870 рублей, правда, не совсем законно — пришлось по сусекам поскрести, искать подходящую статью расходов для этой непредвиденной траты.

И вот мы подумали, что такие ситуации надо предвидеть, т. е. вручать выпускникам какую-то сумму денег, чтобы поддержать их материально на первом этапе самостоятельной жизни. Каждый ребенок теперь с IV класса получает у нас зарплату за участие в производительном труде. Часть ее выдается на карманные расходы (покупку конфет, фруктов), а другая (бóльшая) считается неприкосновенной и переводится на личный счет. Но иногда

приходится нарушать неприкосновенность этих денег, если их хозяин нанес ущерб интернатскому имуществу. Тогда мы ему говорим: «Ты сломал стул. Вот тебе деньги из твоего фонда, купи для интерната новый стул». Он его покупает и бережет так, будто это его любимое персональное кресло.

Я не склонен колебаться в оценке воспитательной значимости денег. Считаю, что у ребенка должны быть лично им заработанные деньги, которые он имеет право тратить по своему усмотрению. Мы выпускаем людей в жизнь и не должны сомневаться: умеют ли они распорядиться своими деньгами, вести им счет? Этому мы тоже учим ребят в интернате. А тем, кто боится «дьявольской власти» денег, я должен заметить, что любое педагогическое средство при неумелом с ним обращении принесет не пользу, а вред. Так, пресловутые этические беседы сплошь и рядом не научают нравственности, а коллективное мнение вне педагогического контроля может затравить, сломать ребенка. Так же и деньги. Как и всякое средство воспитания, они требуют умного применения.

Денежная политика в интернате суть воспитания бережливости, рачительности. «Вот, ребята, мы сэкономим на том, на этом, чтобы летом новый дом на даче построить. Дом стоит 40 тысяч, а мы его хозспособом построим за 22 тысячи». Такое объяснение всем понятно, и мы собираем нужную сумму по крохам, металлолом сдаем, макулатуру. Нельзя сидеть на шее у государства и жить иждивенцами, надо уметь работать самим и учиться хозяйствовать. Ведь если убрать все трудности, сделать масленую жизнь, кого мы воспитаем?

Был у меня с коллегами трудный разговор. Пришли воспитатели начальных классов и требуют, чтобы я разрешил списать парадные костюмы, вполне приличные, потому что они надоели детям. Я спрашиваю:

— Что значит надоели? Ведь за счет того, что мы не тратимся на одежду малышам, бережем ее, чиним, перешиваем, старшим приобретаем полушубки за 170 рублей, а девочкам, которые в этом году поступают в институт, купили шубы по 210 рублей. Это же надо сбалансировать как-то.

Но все же уговорили меня. Отвезли мы эти костюмы на дачу, чтобы дети там их носили, купили новые. Но старыми-то мы 11 лет пользовались! Нам на шубу, на зимнее пальто дается срок два-три года, а мы носим их по пять-шесть лет! Мы уже давно имеем два вида одежды: пальто для улицы (у нас малыши зовут их «гуленные», с горки в них катаются, на катке) и новые — для выхода «в свет».

Если наши выпускники выходят замуж или женятся, мы им готовим приданое. Туда входят и одеяла, и матрацы, в общем все, что надо, и — главное — книги. На свадьбу у нас обязательно идут представители от комсомольской организации, пусть посмотрят, как в загсе расписываются, пусть увидят свадьбу, жениха и невесту.

Недавно получили приглашение на свадьбу от Оксаны Жданович. А мы как раз на дачу собирались, и деревня, где свадьба будет, нам по пути. И вот приехали на свадьбу 3 автобуса, а в них — 160 человек! В доме вовсю свадьба гуляет. Заметили нас в окно, и замешательство у них вышло: от детей кое-что со стола убрали.

Но мы в дом заходить не стали. Невесту и жениха поздравили, подарков им вручили целые узлы. Пусть родители жениха видят, что не бесприданницу берут в семью.

Чтобы ребята знали, сколько у них денег на чековой книжке, устроили ярмарку. Старшие у нас в город ходят свободно, бывают в магазинах, что-то им хочется приобрести. Мы записали их просьбы, абсолютно всё купили, и на интернатской ярмарке была масса товаров — от модных пальто до мороженого. Каждый заходил со своей чековой книжкой и мог выбрать любой товар. Продавцами были тоже наши воспитанники. Они выдавали товар, отмечали его цену в чековых книжках.

Интересно было наблюдать за ребятами. Заказав определенную вещь, они тщательно присматривались, нельзя ли взять что-нибудь более практичное, решали, действительно ли им это нужно. Мы говорили: «Покупайте мороженое!», но нет, они берегли деньги, старались быть экономными, соизмеряя сумму на книжке с ценой вещи, которую хотели купить. Умение согласовывать потребности с возможностями чрезвычайно важно для воспитанников интернатских учреждений, где пышным цветом расцветают иждивенчество и потребительство. И не мудрено. Если 15 лет живешь на всем готовом, потом неизбежно окажешься в клубке противоречий между потребностями и возможностями. Мы стараемся предупредить эту жизненную коллизию.

Однажды летом был такой случай. Работали мальчишки VI класса — прокладывали водоотводную канаву. Трудились добросовестно и, слышу, говорят между собой, что наверняка

рублей по пять заработают. А после обеда пошли в наше экономическое бюро, а там подсчитали и сказали, что всего около рубля каждый получит. Как они были возмущены! Так работали, а получили по рублю! Показали мы им расценки, определили стоимость их труда. Оказалось, все правильно. Трудились они хорошо, но много было неурядиц, неправильно распределили силы, не обеспечили себя нужным строительным инвентарем. Да и ценится ручной труд дешево.

Кстати, об организации труда. А. С. Макаренко предупреждал, что воспитывает не столько сам труд, сколько его организация. Но кто будет осуществлять эту организацию? Мы считаем, в большой степени — сами дети. Только нужно их подготовить, чтобы они понимали, как дело организовать, как рационально распределить рабочие места каждого, как подготовить инструмент, обеспечить качество и результат труда.

Сегодня в стране остро стоит вопрос об экономическом всеобуче, а в сыктывкарской школе-интернате ребята регулярно выпускают свою «экономическую газету». Уже десятый год. И без указаний свыше. Темы — максимально приближенные к жизни нашего коллектива. В одном из номеров, например, под рубрикой «Сколько стоит «бесплатно»?»— заметка о том, во сколько обошелся государству школьный кабинет математики. Названа внушительная сумма — 9824 рубля. Выходит, надо беречь оборудование, и дети это понимают.

Экономическое обучение ведется и непосредственно на уроках. Скажем, на математике ребята узнают о рентабельности своего хозяй-

ства, учатся повышать ее. В прошлом году со своей межадорской нивы они собрали продукции на 20 тысяч рублей, да еще около 1,4 тысячи прибыли дало животноводство.

В планах на будущее — организовать совместно с предприятиями Коми АССР производство торфоперегнойных горшочков (счет пойдет на миллионы штук), возвести новые большие теплицы. Задумали построить два новых цеха — кулинарный и швейный, будет у нас своя лаборатория для творчества и изобретательства. Но чтобы «ковать» творческие личности, необходима развивающая деятельность. Как организовать такую деятельность, чтобы она стимулировала развитие ребенка, вела его от простых умений к более сложным, закрепляла полезные навыки, давала радостное мироощущение, воспитывала потребность в труде и учении, выявляла и реализовывала способности и дарования?

В организации деятельности мы исходим из принципа постепенности. Дети вовлекаются в труд с самого раннего возраста, и при этом мы последовательно усложняем задания. Я уже упоминал, что малыши собирают ягоды, грибы, лекарственные травы, у них есть свой «октябрятский колхоз»; подростки ставят опыты в теплицах и парниках, ведут исследовательскую работу с овощами и цветами; старшеклассники переходят на производственные участки, где труд фактически полностью механизирован.

Исключительно важным фактором развития ребенка является опытничество. Задания для опытнической работы мы получаем от сотрудников Института биологии Уральского научного центра и Сысольской семенной станции

защиты растений. Распределяя задания, учитель биологии учитывает возраст детей и изучаемый ими учебный материал. Кажется, несложное задание — определить влияние светового дня на рост редиски. А для малыша это настоящее открытие. Ведь он видит, что на соседней грядке, где световой день не учитывался, редис весь вышел в стрелку. Такая работа пробуждает познавательную активность, интерес к сельскохозяйственным профессиям.

Подростки делают опыты по интродукции растений, исследуют посевной материал. В последнее время ребята занимаются изучением роста урожайности помидоров и огурцов под влиянием радиоактивного облучения семян. Зайдешь в теплицу с помидорами, а там рядом с кустами стоят таблички — «100 радиан», «200 радиан», а юннаты в блокноты свои наблюдения записывают. Недаром им вручено уже более 50 медалей ВДНХ СССР, а наш биолог Л. М. Дымова награждена бронзовой и серебряной медалями за развитие опытнической работы.

Опытническая работа естественно включается в учебный процесс, что создает благоприятные условия для развития детей и для осуществления выдвинутой С. Н. Лысенковой идеи опережающего обучения. Л. М. Дымова, организуя опытническую работу, всегда учитывает учебный материал, который ребята станут изучать в будущем году. Поэтому на ее уроке трудно понять, кто его ведет: она или ученики, которые летом поставили эксперименты, изучили проблему в теоретическом плане по учебнику, а теперь самостоятельно обосновывают практические рекомендации, подтвержденные

их исследованиями.

Исключительно богатыми возможностями для развития детей обладает экологическая деятельность. Она впрямую связана с насущными проблемами народного хозяйства, жизни и здоровья людей, а потому особенно увлекает ребят. Мы занимаемся охраной природы в Межадорском заказнике, проводим санитарную рубку леса. Отряды голубого и зеленого патруля следят за разведением рыб в реке, зимой долбят лунки от заморов, весной высаживают саженцы царь-дерева — кедра. Третий год мы строим экологическую тропу.

Велико значение этой тропы в воспитании детей. Приехала к нам в лагерь испанская делегация. Повел ее по экологической тропе Вася Стогов, ученик V класса. Он самый активный строитель этой тропы, учился водить по ней экскурсии. И сколько же в нем было достоинства, когда он объяснял гостям: «Посмотрите налево, здесь заповедная зона. Посмотрите направо, здесь растения, занесенные в Красную книгу, их рвать нельзя. Обратите внимание на разрез почв. Здесь вы можете отдохнуть и полюбоваться пейзажем...»

Всякой деятельности мы стараемся придавать максимально развивающий характер. Например, туристский поход. Я не встречал детей, которые бы не хотели отправиться в поход. Казалось бы, какое тут развитие? Шагай себе да отмеряй километры. Ну, покупались, наелись ягод, насобирали грибов, испекли картошку, порыбачили. А сколько, оказывается, природоохранительных, добрых дел можно сделать в походе! Очистили берег реки, привели в порядок кусок леса, аккуратно обращались с

деревьями, не обрубив ни одного свежего сучка, не оставили после себя ни одной бумажки. Вот тут-то и нужно рассказать детям об истории лекарственных трав, цветов, объяснить, как спасать лес от многочисленных врагов, как помочь росту деревьев. А уж если во время похода помогли людям, то это совсем хорошо.

Меня часто спрашивают, как мы воспитываем из ребенка гражданина. Такой вопрос вполне правомерен. Ведь в переломные моменты жизни общества (а сейчас мы переживаем именно такой период) воспитание гражданственности у всех трудящихся должно быть наипервейшей задачей. Что такое гражданственность? Ощущение личной ответственности за судьбу страны, когда свое «я» оказывается неотделимым от интересов народа. А для этого нужно придать процессу воспитания ярко выраженную общественную направленность.

Суть гражданского воспитания и состоит в том, чтобы включить детей в полезную для людей деятельность, прежде всего в трудовую, когда воспитание идет без «воспитания». Так, наши ребята активно участвуют в выполнении продовольственной программы, а не сидят возле стола, ожидая всеобщего изобилия. При этом мы решаем и нравственную задачу: приучая детей-сирот к труду, обеспечиваем их будущее счастье. А оно невозможно, если человек не готов к трудностям и не умеет преодолевать их. А. С. Макаренко утверждал, что воспитание немыслимо без напряжения сил и воли. В трудностях дети скорее закаляются, становятся самостоятельными, думающими, понимающими других людей. При этом я имею в виду не специально создаваемые трудности,

а те, которые неизбежны в настоящем труде.

Однажды весной у нас не хватило посадочного картофеля и нам пришлось закупать его в окрестных деревнях. Прежде всего отправились в деревню Чухлом, к бабушкам, которые согласились продать нам картофель. Предстояло вытащить его из ям, взвесить, загрузить в машину. Выехали утром, одеты были легко, так как день был теплый, и вдруг, когда мы были уже далеко от лагеря, началась пурга, снег пошел стеной, резко похолодало. Вернуться назад? Но ведь в деревне нас ждут! Закутались как смогли в мешки, но поехали дальше. И вот когда мы, промерзшие, приехали в Чухлом, выполнив, так сказать, свой человеческий долг перед старушками, были мы бесконечно счастливы.

Воспитание не может осуществляться вдалеке от проблем и забот, которыми живет народ. Дети должны видеть трудности, которые он испытывает. В практическом преодолении этих трудностей и формируются у подрастающего поколения чувства долга, ответственности, сопричастности к делам своей страны. Это и есть гражданственность.

Я написал о трудовом воспитании детей столь подробно, потому что это одна из самых значимых, а главное, сложных проблем. Вместе с тем по времени труд в Межадоре занимает, пожалуй, последнее место среди прочих занятий. Лагерь для ребят — это отдых, игры, массовые праздники, туристские походы, лодочные путешествия, сокровенные беседы с вожатыми и воспитателями. Летом я всегда любуюсь своими детьми. Бегают они по лагерю в одних трусиках, в легких сарафанчиках, босиком,

покрытые легким загаром, стройные от постоянных занятий спортом. Видишь по их счастливым лицам, по бодрому настроению, что им хорошо, что они здоровы и жизнерадостны. Недаром летом наш изолятор почти всегда пуст. Попадет туда какой-нибудь бедолага, объевшийся ягодами, но не надолго, выпьет лекарство и опять в отряд бежит. Сама природа, хорошее питание 6 раз в день, парное молоко, витамины, речка, солнце—вот наши главные помощники в воспитании детей.

Все мы думаем сегодня о том, как перестроить школу, как сделать ее радостной для учеников, объектом творчества для учителей. Надо полагать, что магистральный путь к новой школе лежит через организацию многообразной, общественно полезной деятельности детей, через слияние процесса воспитания с народнохозяйственными потребностями страны.

Однако хорошую школу нам никто не принесет готовой, ее надо созидать самим каждый день и час. Вот почему мы не играем в труд, мы трудимся по-настоящему и в этом труде учимся быть творцами своего счастья.

ОТНОШЕНИЯ С ДЕТЬМИ

С волнением приступаю я к проблеме отношений с детьми и детей между собой. Необычайно важна эта сфера жизни. Можно прекрасно одеть детей, дать им калорийную пищу, но они все равно не почувствуют себя счастливыми, если не научены по-доброму, по-человечески относиться к людям и друг к другу. А что

испугаешься. В ПТУ у нас, чего глаза закрывать, неладно — там порой и курят, и пьют. Долго ли наших-то соблазнить? Не у всех ведь стойкий иммунитет к плохому. А вот стали мы их держать два года «при себе»— и нет педагогического брака! Мы можем теперь скорректировать их поведение, за два года они меняются просто неузнаваемо. Уходят они от нас уже взрослыми, сознательными, и мы спокойны — не собьются на кривую дорожку, не опозорят. Да и вообще, как может быть для всех один удел — восемь классов и ПТУ? А если у человека способности, если он по-настоящему одаренная личность?

Как-то попалась мне очень печальная статистика: за последние 3 года в институты приняты только 7 выпускников из школ-интернатов Москвы. А у нас из одной маленькой школы-интерната в 1987 г. поступили в институты 6 выпускников, а в 1988-м — 9! И чему я особенно рад — трое поступили в педагогический институт. Я уверен, что в создании новой школы, в формировании учителя будущего большую роль должны сыграть выпускники школ-интернатов. Ведь они с малых лет воспитатели: нянчут малышей, заступаются за них в ссорах, утирают им, плачущим, слезы, играют в разные игры. Как же им не стать хорошими учителями!

Самоуправление родилось у нас, как уже сказано, в совместном строительстве: когда делали капитальный ремонт интерната и сам собой потребовался штаб труда. Это очень авторитетный орган. В штаб входят старшие бригады; председатель — член комитета комсомола; заместитель — член совета пионерской

дружины. Стараемся незаформализировать эти органы, не даем «начальникам» зазнаваться. Учимся демократии, гласности, как и вся наша страна. Чувствуем, что кто-то нос задрал, вежливо так поправим. Без окриков, доброжелательно.

Раз в месяц совет бригадиров — постоянно действующий орган самоуправления — дает бригадам трудовые задания. Это может быть работа в оранжерее, столярной мастерской, на ферме, снегоуборка. Если где-то прорыв — туда срочно направляется ударная бригада. Отвечает за ее деятельность заместитель председателя штаба труда. Человека на эту должность выбираем ответственного, надежного, чтобы не волноваться. Председатель же лично отвечает за все и за всех. В 1987 г. был им Коля Бабенко, теперешний выпускник-студент Архангельского лесотехнического института. Попробуй он, недогляди за какой мелочью — сразу:

— Николай! Да что же такое?! Опять у тебя снег у гаражей забыли убрать?

— Ну чего вы шумите, Сан Саныч,— притворно-сокрушенно качает он головой,— только нервы зря себе и мне переводите. Баня ж у бригады сейчас. Уберут, знаете же...

Лет пять назад пришли к тому, чтобы бригада сама решала, какое время удобно ей для работы. Если, к примеру, после уроков нынче комсомольское собрание, которое обещает затянуться, можно попросить нянечку разбудить пораньше, часиков в шесть утра. Или, наоборот, спланировать работу на вечер.

Раз в неделю Коля Бабенко открывал своим ключом особую комнату, доставал со специаль-

ной полки учетные журналы, собирались ребята, и шел совет бригадиров.

Как и прежде, нынешние бригадиры докладывают состояние дел в бригадах. Прикидывают, какую оценку по пятибалльной системе поставить всей бригаде, выводят коэффициент трудового участия каждого члена бригады. Нередко спорят, требуя справедливости и объективности. А справедливость и объективность порой бывают суровыми.

Летом отправились пятиклассники на теплоходе по Вычегде. Как всегда в таком случае, каждому были выданы деньги со спецсчета на карманные расходы. Совет бригадиров определил, кому выдать пять рублей, а кому двадцать: кто как поработал в году. Заслужил — получи.

Десятиклассница Оксана Муравицкая поступила в Сыктывкарский интернат из Печоры всего год назад. Делится своими впечатлениями:

— Знаете, когда я сюда попала, первое время все дивилась, как красиво здесь, как интересно живут ребята. Все делают сами, потому и я скоро всему научилась.

Общение с детьми — непростая наука. Посмотришь, долбит иная учительница мальчишку: «Как тебе не стыдно! Сколько раз тебе говорить?..»— и становится обидно за обоих. С детства не выношу словесного занудства. Беседуя с ребенком, надо уметь удивить его необычной мыслью, неожиданным словесным оборотом. Я постоянно помню слова В. А. Сухомлинского, что удивление служит особым методом воспитания и обучения.

Вот на даче сидит на скамеечке маленький

мальчонка и неутешно плачет: его слишком коротко постригли.

— Зачем же плакать? Ведь у тебя теперь прическа «под директора».

— Не хочу я под директора!— еще ревет, но заинтересовался.

— Ну, тогда придется отправить тебя в Воркуту, там у директора длинные волосы.

— Не хочу я в Воркуту. Лучше здесь «под директора».

И ушел успокоенный. Кажется, какой пустяк — мальчишеская прическа. Прикрикнуть на него, отправить заниматься своим делом, забыть о нем. Но у нас так не принято, окрики и раздражение недопустимы.

Наши старшеклассники вселились в новую пристройку. Богато живут — по 2—3 человека в комнате. Вскоре воспитатели стали замечать: там семечки валяются, там бумажка на полу, постель небрежно заправлена. Собираю старших в своем новом кабинете.

— Порядка у вас нет. Грязь разводите. Красоту не бережете. Придется для вас специального надсмотрщика взять. Будет он ходить, в блокнотик ваши безобразия записывать и мне докладывать. Только вот беда: нет такой должности в штатном расписании, и надо самим содержать непредусмотренного опекуна. Поэтому будете мне ежемесячно сдавать по 3 рубля, и стану каждого из вас на 3 рубля дополнительно воспитывать. Вот и будем с вами в расчете.

Молчат ребята. Слегка растерялись от неожиданности. Потом заговорили: «Поняли, Сан Саныч. Наведем порядок». Вот и все. Конфликт исчерпан.

Наказывать я, признаться, не люблю. Вся-

чески избегаю этого. Но уж когда вынудят, разражаюсь «местью». Дежурил как-то по столовой Саша Череповский. Вечером ребята пришли из кино, поели — и бегом спать. Остались столы неубранными. Наутро я им заявил, что не пущу завтракать, пока не будет наведен порядок. Ребята с претензиями к Саше, он пошел в столовую и «завелся»— злой, нервничает. Убрал все, но завтракать не стал. Я его разыскал, посоветовал в комнате отдыха полежать. А вечером взял его в Межадор — я туда очередного гостя возил. За день мой буян остыл и в лагере был уже просто золотым парнем.

Меня часто спрашивают, воруют ли наши дети. Но что считать воровством? Встречаются ребятишки, особенно маленькие, которые то ли не наедаются, то ли просто не думают — берут, что захотелось. Тяжелое это дело. У нас как-то стали капсулы из телефонов вытаскивать. Я поехал на телефонную станцию, набрал их полмешка, собрал всех на линейку. Открыл мешок.

— Ребята, кому надо, берите. Кто сейчас не возьмет — мешок поставлю около моего кабинета, возьмете потом, сколько надо будет.

Но если дети воруют деньги, тут уж так просто проблему не решишь.

Был у меня Саша П. Приохотился он по чужим карманам шарить, и никак его уличить не могли. Решили мы «эксперимент» провести: «украсть» у Саши то, чем он больше всего дорожит. Договорились с одной студенткой из педагогического института (они у нас постоянно работают). Спрятала она его коньки с ботинками. Пусть почувствует, каково быть обворованным.

Всполошился Саша: нет коньков! Он — к воспитателю. Та ничего не знает. Стал ребят спрашивать, все шкафы облазил. Нет коньков. Такую истерику парень закатил, что уж хотели «эксперимент» прекратить. Но выдержали. Прошло несколько дней. Перестрадал парень, и воровать — как рукой сняло. Тогда мы и вернули ему коньки, рассказав про «эксперимент».

У нас железный закон: чтобы старшие без разрешения ничего не брали у малышей. Так же поступают и малыши. Они приходят в спальни старших, но без спроса никогда ничего не возьмут. А если отношения построены на доверии, и тяги к воровству не возникает.

Когда ребенок совершает что-то предосудительное, мы не спешим обличать, применяем отсроченное наказание, как у Макаренко. Пройдет время, вдруг неожиданно — бах — конфету в руки и говорю:

— Вот тебе конфета, и веди себя так, чтобы тебе не было стыдно.

Он с такими глазами уходит!

Я часто прибегаю к такому «воспитательному средству», как конфета. Не хотят малыши засыпать, разбалуюття — положишь в ладонь каждому конфету, сразу замолкают, зачмокают, успокоятся и уснут.

Выхожу зимой во двор. Гляжу, стоят малыши в носках на снегу, вытряхивают снег из валенок, а потом ноги со снегом опять в валенки суют. Вызываю их к себе в кабинет. Прошу снять валенки. Объясняю, почему у них ноги мокрые. Кричат: «Мы больше не будем!» Спрашиваю: «Чего больше не будете?» Отвечают: «Всё — не будем». Дал по конфетке, отпустил. Через полчаса являются всей толпой и начи-

нают хором: «Мы никогда, никогда, никогда больше не будем!» Опять спрашиваю: «Чего не будете?» Отвечают: «Всё — не будем!» И опять ждут конфету.

Первое слово в наказаниях принадлежит коллективу. Как-то пришлось мне на линейке такую речь держать:

— Кто же это нашу экспериментальную капусту грызет? Неужели деревенские к нам за семь верст тащатся? Им что, своей капусты мало? Да и нашим вроде бы незачем: в столовой капусты полно, ешь сколько хочешь. А вот вчера вечером все-таки нашлись «зайцы». Выходите-ка на серединочку! Хороши-и-и... Были бы рядовые «зайцы», а то один бригадир, другой ударник! Говорите, бригадира как накажем? Что? Замечательно, так и сделаем. Последите, чтобы в обед их за отдельный стол посадили и вдоволь накормили капустой...

Все смеются. Но наказание не отменяется.

Еще об одном хочу сказать. С инспекцией по делам несовершеннолетних мы никогда дел не имеем. И никаких побегов у нас давно нет. Ну кто, скажите, даже при самых тяжелых отношениях в семье (в ней ведь всякое бывает), кто в семье звонит по 02 и говорит: «Пришлите ко мне капитана домой, надо разобраться с моим сыном». Разве такое бывает? Нет!

Почему же мы интернаты превратили сейчас в придаток к инспекции по делам несовершеннолетних? По любому поводу инспектор идет в интернат. А разве он сильнее нашего коллектива? Я считаю, если бы у нас меньше было инспекций, меньше было бы спецшкол, у нас было бы больше порядка.

Мы с самого начала приняли для себя как

аксиому: учителю пожаловаться на невоспитанность ребенка некому, некого и вызывать, разве что самого себя или директора. Воспитатель школы-интерната не может и подумать о том, что кто-то со стороны придет и решит за него его проблемы. Он, и только он, отвечает за свой класс, за знания детей, за их поведение, по существу, за всю их жизнь.

...Шестой класс сорвал урок пения. Вызвал сначала весь класс, потом оставил у себу в кабинете заводилу — Лешу.

— Леша, ведь ты мне друг. Ну а что скажут учителя и ребята: «Лучший друг Католикова срывает уроки»?

Мальчишка отчаянно зарыдал. Я не ожидал этого, растерялся, не знал, что делать. Достал из кармана брелок с футбольным мячом. Говорю: «На тебе за то... что урок сорвал».

Если определить главное чувство учителя, которое приводит его в интернат и оставляет в нем надолго, порой на всю жизнь,— это любовь к детям. Дети всегда определяют, кто их любит, а кто просто исполняет обязанности. Обман здесь не проходит. Можно какое-то время продержаться на знании методик и педагогических приемов, но рано или поздно дети почувствуют холодность учителя, да и ему самому такой отстраненный подход вряд ли принесет удовлетворение.

Любовь к детям. Удивительно сложное и необъяснимое состояние. Можно ли любить не своих, а чужих детей, да еще раненных горем, предательством, никогда не забывающих, что их бросили, и страдающих от этого? Они так жаждут доброты, внимания, сердечности и, боясь обмануться в своих надеждах, скрывают

это под бравадой, равнодушием или грубостью. И только любовью можно спасти, отогреть их озябшие души, вернуть им веру в человека и справедливость. Если педагог не способен полюбить этих детей, ему нельзя идти работать с сиротами. Его любовь это не та припадочная, свойственная иным родителям, трепещущим над своим единственным дитятем, а строгая и требовательная. Если я от тебя требую, чтоб ты стал настоящим человеком, если я хочу, чтобы ты был лучше, не даю тебе спуску и покоя,— значит, я тебя люблю. И поразительно, порой нещадно ругаешь какую-нибудь Лену Мамонтову за плохую работу, а она радостно улыбается: «Все равно я знаю, что вы меня любите...»

Откуда они знают? Чем чувствуют? И совсем не надо говорить им о своей любви, они и так в ней не сомневаются. Каждая лагерная пересменка кончается таким великим плачем, что невыносимо смотреть на это безутешное горе: уезжает вожатая, которая их любила. Она, заливаясь слезами, садится в автобус, машет рукой, а за автобусом с ревом бегут ребятишки. Потом как потерянные соберутся на крыльце дома и долго всхлипывают, утирая мокрые носы.

Мне стыдно смотреть на воспитательниц, которые тужатся изображать любовь к детям. Была у нас такая. Приедет в лагерь в первый день после пересменки умиротворенная, с бантом на платье, с добрым лицом, хорошо причесанная. Весь день говорит тихим, елейным голосом, а детей называет только Петенька, Феденька, Машечка. А на следующий день гляжу — вся взлохмаченная, разъяренная стоит в

дверях спальни и орет: «Не заводите меня! Не доводите до рукоприкладства!!!» Пришлось ее уволить, пока она не дошла до рукоприкладства.

Взаимопонимание с детьми возможно только на основе истинной любви к ним. Я не очень верю в приобретаемый характер такой любви в процессе педагогический деятельности. Наверное, какое-то сочетание генетических задатков создает предпосылки для этого священного чувства любви к чужим детям. «Вы не беспокойтесь, Александр Александрович, — уверяла меня одна наша воспитательница, — вот рожу своих и через них полюблю ваших детей». Прошло время, она родила двоих детей. Спрашиваю: «Ну, как? Полюбили моих детей?» — «Нет,— отвечает,— ваших все равно не люблю...»

Работала у нас в библиотеке Татьяна Владимировна Чугаева. Тоненькая, тихая, маленькая, как девочка. А дети ее любили безмерно, и она их понимала, как никто. Собрала она как-то второклассников и стала им рассказывать, какие новые книги поступили в библиотеку. Показала им красивую, с картинками книгу о животных. Не успела закончить обзор, как ребятишки в очередь встали, и всем книгу о животных подавай. А их всего 15 штук.

Стоят ребята, волнуются — вдруг не достанется. Глядит Татьяна Владимировна, в конце очереди нервничает Лена Стрелкова, ногти от волнения грызет — так хочет получить книжку. Не выдержала, подошла: «Татьяна Владимировна, оставьте мне книжку...» А Татьяна Владимировна говорит строго: «Встань, Лена, в очередь. Если тебе хватит, ты получишь книж-

ку». И вот самая последняя книжка достается Лене. Она схватила ее, прижала к груди, запрыгала от радости и вдруг крикнула: «Ура! Меня любят!»

Вот ведь как бывает! Оказывается, дело не в самой книге, а в том, что ребенка любят. И как же это важно!

А. С. Макаренко великолепно объяснил и иной характер детской любви к учителю: «Ребята не оправдывают интеллигентского убеждения, будто дети могут любить и ценить только такого человека, который к ним относится любовно, который их ласкает. Я убедился давно, что наибольшее уважение и наибольшая любовь со стороны ребят... проявляется к другим типам людей. То, что мы называем высокой квалификацией, уверенное и четкое знание, умение, искусство, золотые руки, немногословие и полное отсутствие фразы — вот что увлекает ребят в наибольшей степени.

Вы можете быть с ними сухи до последней степени, требовательны до придирчивости, вы можете не замечать их, если они торчат у вас под рукой, можете даже безразлично относиться к их симпатии, но если вы блещете работой, знанием, удачей, то не оглядывайтесь: они на вашей стороне»[1].

Бывают ли у нас конфликты? Разумеется, бывают. Но вот разрешение их — вопрос особый. Раньше было так: чуть что случится — тащат ребенка к директору. Воспитатель шумит, я тоже начинаю возмущаться, провинившийся стоит и не знает, к какой стенке прислониться. Теперь ко мне не надо никого приво-

---

[1] *Макаренко А. С.* Соч. Т. 1. С. 150.

дить — есть у нас совет чести, он и разбирается. Главное, чтобы был доброжелательный разговор, а не судилище. А часто и никакого «разбора» не надо, просто нужно дать человеку время, чтобы успокоиться, прийти в себя,— ведь сам он не хуже других понимает свою вину, если она есть.

Я по своему сыну знаю, что в жизни подростков все не так просто. Однажды он поддался на уговоры друзей — выпил, пошел на школьный вечер и там, конечно, вел себя не лучшим, мягко говоря, образом. Я не стал его ругать, читать нотации. Видел, что он переживает случившееся, страдает, совесть его мучает. И я рад, что сдержался тогда. Больше подобного не повторялось. Хуже всего, если ребенок живет под страхом наказания. Нет, он должен чувствовать, что, даже если оступился, его поймут, поддержат, помогут найти выход из беды. Я очень ценю тех воспитателей, которые защищают детей. И когда кто-то из них подходит ко мне и говорит: «Александр Александрович, вы зря отругали ребенка, надо было подождать. Лучше бы мы сами поговорили с ним на совете»,— я соглашаюсь: да, так было бы лучше.

Так что с наказанием не надо торопиться, а вот поощрение лучше не откладывать. Я не сторонник только моральных его форм. Разве не лестно получить за добросовестный труд честно заработанные деньги? И лучшие бригады поедут, например, в г. Киров, а девочки смогут заказать себе платье в ателье. Сами выбирают материю, фасон. Посмотришь, недорогое платьице, а глаз не оторвешь. Очень неприятно, когда сироты одеты в одинаковые платья, пальто. На улице их сразу отличают.

Я такого не допускаю. Хорошо одетые девочки и мальчики чувствуют себя уверенно, не хуже, чем дети из семьи.

На день рождения вручаем имениннику персональный торт и еще спрашиваем: «Чего тебе подарить?» Иной раз заработаешься, забудешь, что у какого-нибудь малыша день рождения, но он свои права крепко знает. Стоит у кабинета, пока я не выйду, а тогда объявит: «А у меня день рожденья». Как-то большой парень попросил на день рождения игрушку «Дюймовочку». Удивились мы — ведь в VIII классе учится! Однако купили. Оказалось, его устройство игрушки заинтересовало. Разобрал он всю «Дюймовочку» по частям и успокоился. А первоклассник Паша захотел на день рождения на директорской машине покататься. Пришлось просьбу удовлетворить.

В нашем доме старшие никогда не обижают младших, сильные — слабых. Я не сторонник того, чтобы выдвигались лидеры: где лидер, там один-двое, а то и больше униженных. Наши особые заботы как раз о тихонях. Тихонь выдвигаем на ответственные посты, которых у нас много, на всех хватает. Скажем, ответственный за электронные игры — чем не пост для начинающего общественника? Ну а более опытные работают заместителями директора... по труду, по цветам, по технике и т. п.

А вот что мы не всегда можем удовлетворить, это потребность в уединении. Наши дети страдают не от дефицита, а от переизбытка общения. От необходимости постоянно находиться на глазах окружающих неизбежен психологический дискомфорт. Поэтому так любят дети наши тихие уголки. Летом, на даче, проще.

Там пеньки, скамеечки, можно посидеть у плотины над водопадом,-- словом, найти место, где никто не потревожит.

Я человек строгих правил, можно сказать суровый, а вот детям разрешаю с собой и пофамильярничать, повольничать. Считаю, что воспитатель не должен «нависать» над детьми, давить их своим авторитетом. Я не вижу ничего зазорного в том, что хожу в баню вместе с ребятами и они с удовольствием хлещут меня вениками. Все это вполне естественно, как в каждой семье. Не мучаюсь вопросом, боятся ли они меня. Мне это просто ни к чему. Один первоклассник бегал за мной по интернату и кричал: «Директор, директор, я тебя не боюсь!» Ну и пусть не боится. А Маша Прокушева, наш знаменитый животновод, учась в X классе, объявила мне: «Я с вами не разговариваю, вы меня высмеиваете». Пусть не разговаривает, в семье дети тоже на родителей обижаются.

Как-то ко мне в кабинет пришла недавно поступившая в интернат девочка, еще дошкольница, и стала рассказывать, кто дерется, кто обзывается.

— Ты что, ябеда?— спрашиваю.

— Нет, я не ябеда. Я вас люблю, поэтому вам про всех рассказываю.

Ясно, что отношение детей к воспитателю зависит от него самого, т. е. от того, как он сам к детям относится. А отношение ребенка к новому дому, к интернату?

Петька Кетов, любивший разную хозяйственную работу, вдруг охладел к ней. Я ему говорю: «Переведу в другой интернат». Ребята как раз пошли в кино, а Петька остался. Спрашиваю уже с жалостью:

— Чего ж ты не идешь — фильм хороший?

А Петька в ответ (он заикается):

К-кому к-кино, а мне лопату чинить надо. Вернутся — к-как работать будут?..

— Видно, не хочешь в другой интернат.

— А к-кто хочет?..

Я необычайно люблю наши лодочные походы. Каждый год — 300-километровый маршрут. Но дело не в отмеренных нами километрах. Есть в походах, в жизни на природе какое-то особое таинство. Все мы проникаемся нежностью друг к другу, у всех словно оттаивают души — мы одна семья, и нам очень хорошо вместе.

Тихо, радостно. По обе стороны от нас медленно плывут высокотравные луга, боры сосновые, деревушки с незатейливой жизнью. Проходим мимо Вотчи, старинного коми села с белой церковью на холме, окруженной старыми елями. И каждый раз (а я уже лет 15 вместе с ребятами в этих походах) у холма пасется белая лошадь, каждый раз на том же месте, будто ожидает нас. И ребята уже знают, что мы ее увидим и покормим хлебом с солью.

Около Вотчи надо с час посидеть на бонах, болтая ногами в мягкой воде, посмотреть, помолчать. А потом сходить на озеро и порыбалить в нем. «Ляпки» — так называется здесь рыбка-подлещик, которую мы ловим в большом количестве, вялим и едим. Костер, уха, вечерний закат, сон в палатках, заревой ранний подъем, свежесть утра, снова костер — обо всем этом хочется вспоминать подробно и без конца. И столько доброго и прекрасного остается в душе от близкого свидания со своей тихой родиной, от единения с матушкой-при-

родой! Ходите в походы — это, ей-богу, ничем не заменимая радость.

Бывают у нас поездки и чисто познавательные — в Воркуту, Киров, Киев, Севастополь, в Москву. А теперь собираемся на Кубу. В связи с этими путешествиями иногда любопытные истории приключаются. Не поладили у нас две воспитательницы — как посылать их вместе в одну поездку? Педсовет во главе со мной, конечно, воспротивился. Хорошо, нашлась среди нас одна воспитательница помудрее, которая сказала: «Вы их как раз вместе пошлите, они там и помирятся». Действительно, возвратились подругами.

Хозяева похода — ребята. Они и костровые, и завхозы, и повара, и ведущие. А мы, взрослые, рядом с ними, помогаем советами. И как же всем нам бывает легко, как хорошо! Я, например, только в походе и могу почитать, школьные будни такой возможности не дают. Читаю, ребята подходят, жалуются: «Костра нет».— «А мне что... Вон Васька Никулин костровой, идите к нему». Кричат: «Есть хотим!»—«У вас есть повар, есть завхоз. Ну, и готовьте себе на здоровье». Больше не ходят и не жалуются. Всё, буквально всё делают сами. Такая самодеятельность только укрепляет дружбу и улучшает взаимоотношения. В походе и дети другие и мы, взрослые, другие. Никогда не ругаемся между собой и тем более с детьми, нет ссор, нет конфликтов. Когда меня спрашивают: «Кто же чаще всего виноват в конфликтах — дети или взрослые?», я отвечаю: «Мы, взрослые, на сто процентов всегда виноваты, не дети. Потому, вероятно, что у детей острее развито чувство справедливости».

Выскажу соображения о расширении возможностей и географии поездок наших и детей-сирот всей страны. Думаю, нужно открыть для них туристические базы во всех столицах республик, во всех городах-Героях. Один вариант: сделать это с участием комсомола. Другой: издать с помощью Детского фонда специальный бюллетень, где будет расписано, кто, в какое время и сколько детей-туристов сможет принять без дополнительного строительства. Поездки, экскурсии не только сплачивают, но и расширяют кругозор, что для наших детей особенно важно.

Конечно, интересно побывать, например, в Сыктывкаре, это не проблема. Но здесь за пару дней можно все увидеть и узнать. А вот поход, скажем, по северным рекам или на Дальний Восток, на озеро Байкал, в Карелию — это же осуществленная мечта, счастье для детей. А можно показать им море, южное или восточное,— они его никогда не видели, показать большие города, культуру Древней Руси или народов Востока, заинтересовать историей нашего многонационального Союза...

На первых порах можно было бы обмениваться поездками с другими школами-интернатами: они — к нам, мы — к ним. Деньги на дорогу есть у всех. А накормить и уложить спать туристов, показать им все интересное, что есть в нашем крае, мы и сами сможем. Летом и осенью сводить в лес, по грибы, по ягоды, на речку порыбалить; зимой — в музей, где тоже немало интересного; можно съездить в Ульяновский монастырь в Усть-Куломском районе. Нужно только делать все это не формально, не «бегом-бегом», а не торопясь, чтобы дети

почувствовали прелесть новой обстановки, интерес к неизведанному.

Сближают детей и взрослых не только походы, но и повседневные заботы. Ребята наши не боятся спорить с воспитателями, а мы не пытаемся во что бы то ни стало настоять на своем. Смотрю как-то — кролики все длинными-предлинными стали. А главный животновод, девочка крайне серьезная, ходит спокойно с ключом от всего нашего зоопарка на груди. Говорю ей:

— Подкормить бы кроликов надо. Что-то они у тебя похудели.

— Не похудели вовсе, просто они такие стройные.

Но все-таки кроликам дополнительный рацион назначила.

Каждый отряд шефствует над своей собакой или кошкой, но есть и общие любимцы. Носится по лагерю наперегонки с босоногими мальчишками и девчонками молодая колли Лесси. Ее нам ветеран войны подарил, ему трудно стало ухаживать за ней. Для содержания и обучения Лесси с кухни выдаются кусочки мяса. Пока же она, неученая, просто наслаждается ребячьей компанией и теплом лета.

А еще задумали ребята купить... медвежонка. Я было возражал: стоит он дорого, да и для детей опасен. Воспитатели говорят: «У нас больше трехсот детей. Если бы был в Сыктывкаре зоопарк, сходили бы туда и столько же заплатили за билеты». Убедили. Так появилась у нас месячная Марфутка. Лежала на спине, лапы на толстом животе. А потом привязалась к Вере Артемьевой — водой не разольешь. Девочку даже с уроков вызывать приходилось,

если Марфутка нервничала. Стоило Вере к ней подойти, шерсть ее гребенкой расчесать, тут же успокаивалась.

Все это — цветы, река, животные — для ощущения полноты и разнообразия жизни, для радости, для пробуждения доброты.

Но больше всего детям нужны внимание и понимание, искреннее желание выслушать, разобраться в их переживаниях, проблемах. Почему мои мальчишки ждут не дождутся, когда я с ними пойду в сауну? Потому что там происходят наши самые секретные разговоры. Сидим, завернувшись в простыни, попиваем ароматный, на травах, чай и про жизнь беседуем. Тут я им никакой не директор, а свой, они меня не стесняются, говорят откровенно обо всем на свете. Эти «банные» часы я очень ценю, там часто куда больше педагогических открытий делаю, чем за месяцы «директорского» общения. Вообще, очень важны для доверительного разговора непринужденная обстановка, соответствующая психологическая ситуация. Об этом нужно особенно заботиться.

Пришел я однажды к старшим на урок литературы о поэзии Сергея Есенина. Полно всяких пособий, репродукций, а вот как-то неуютно, казенно. Ребята только начнут читать стихи, учительница их обрывает: объясни, что это за эпитет, что за сравнение. И вся музыка стиха исчезает, скучно делается. Ушел огорченный. Урок-то не состоялся — у кого в душе останется такой вот обрывочный, формально поданный Есенин? Потом учительницу вызвал, сказал о своих впечатлениях и посоветовал:

— А вы попробуйте вечером, при свечах, где-нибудь в гостиной просто для настроения

почитать Есенина.

Попробовала, пришла радостная — получилось! А я вспомнил тогда, как приучала нас к настоящей поэзии, музыке, как лечила красотой глухие души моя школьная учительница, прекрасный словесник Эльвира Николаевна Горюхина. Как-то пришла в класс с пластинкой — Ленинградской симфонией Дмитрия Шостаковича, завела, сама наслаждается, а нам хоть бы что. Никаких эмоций!

— Поняли?

— Нет.

Рассердилась, но не бросила нас, темных, а прямо с ожесточением взялась поворачивать нас к искусству. Таскала в театры, водила за кулисы, знакомила с интересными актерами и режиссерами. И мы, убежденные технари, до тех пор признававшие только точные науки, прямо на глазах становились интеллигентнее. Пели в школьном хоре, зачастили на концерты, переписывались с Константином Симоновым. Вот что может талантливый педагог! Она тогда, 25 лет назад, работала так же, как сегодняшние новаторы Ильин, Шаталов. Ярко, самобытно!

Еще об учении вот что хочу сказать. Паренек летом работает бригадиром, у него чувство собственного достоинства развивается, он себя хозяином в труде ощущает. Потом сел он за парту, сидит, съежившись, и боится слово сказать, потому что ничего не понимает, больно переживает свое интеллектуальное бессилие. Его учить надо так, чтобы личность не раздваивалась между силой в труде и слабостью в учении, так, чтобы он не разуверился в себе.

Недавно у нас учитель математики давала

урок, на котором показывала коллективные формы обучения. И элементы опыта Шаталова, и Лысенковой, и Палтышева — всё собрала. Молодая учительница, всего 6 лет работает, а как класс ее слушает! Но очень нам не хватает комплексной программы развития и обучения детей-сирот с рождения до 18 лет. Когда мы ее получим от Академии педагогических наук? Сколько можно ждать?

Пожалуй, начальное и среднее звенья — самые слабые в современной школе. Масса ребят учится «на тройку». Но разве только на уроке могут дети получить знания? Пусть учитель сегодня потащит их на экскурсию, а завтра сидит с ними на крыше и смотрит звезды или едет с ними на сенокос и там между делом влюбляет ребят в свою науку. Я давно заметил, что наилучшие отношения с детьми у тех воспитателей и учителей, которые обладают разнообразными практическими умениями. Подтверждение тому и наш биолог, Людмила Михайловна Дымова.

Простая женщина из глубинной коми деревни, она не прибегает ни к каким сложным приемам воздействия на детей. Она просто живет вместе с ними. Когда у нее родился второй ребенок, уже через неделю она была с ним в Межадоре. Вместе с интернатскими детьми росли и ее две дочери — Оля и Таня. Когда Оля заболела, мы все волновались за нее, как и за всех наших детей. Достали путевку в санаторий, отправили на юг. Оля поправилась, и нам всем стало хорошо.

Людмила Михайловна редкий человек, в ней совмещаются и педагог, и ученый, и простая женщина-крестьянка. Она умеет и урок

провести увлекательно, и роды у коровы или козы принять, и вырастить прекрасные цветы, и классифицировать их, и отправить на выставку, чтобы наши экспонаты обязательно заняли первое место по городу. Может не только рассказывать о биологических законах, но и шерсть с овец стричь, и прясть, и ткать, и посадить картошку, и вырастить ее в лучшем виде, и урожай сохранить. Удивительный, незаменимый человек, который все умеет делать своими руками.

Поэтому, наверное, наши дети так любят заниматься любым сельским трудом, многое знают и умеют. Не знаю, что бы мы делали и как бы сложилось наше хозяйство, не будь у нас в интернате Людмилы Михайловны Дымовой.

У Дымовой нет каких-либо педагогических секретов. Постоянно находясь с детьми, каждым своим словом и поступком она словно утверждает: «Делай, как я, и все будет хорошо». Да ведь в любой семье на Руси с древности именно так и воспитывали детей, приучая их к труду, передавая мастерство, оставляя им в наследство чувство долга, принципы морали и нравственности. Из поколения в поколение шел этот процесс передачи опыта, и благодаря этому не нарушалась связь времен.

Людмила Михайловна каждую тему урока обязательно увязывает с практикой, с опытнической работой, которую летом проводили. Вы бы слышали, какие доклады делают дети на уроке! Света Гумбина, ученица VII класса, делала доклад о влиянии минеральных удобрений на рост свеклы — она все лето эти опыты ставила. Тут уж поистине сотрудничество, со-

творчество учителя и ученика!

Обучение как часть воспитания тоже должно быть деятельно. Хороший учитель, чему бы он ни учил — истории, литературе или математике, одновременно и воспитывает — трудолюбие, настойчивость, целеустремленность.

Иной раз думаешь: по какому признаку можно определить, хорошо нашим детям в интернате или не очень? Наверное, можно судить об этом по тому, тянет ли их в интернат после его окончания, помнят ли они свой дом. Наши выпускники часто пишут в интернат, приезжают сюда, значит, чувствуют — это для них самое родное место на земле.

По субботам к нам приходят ребята, обучающиеся в ПТУ. Они знают, что здесь их вкусно накормят, тепло встретят воспитатели, по-матерински расспросят о делах, дадут добрый совет, пожурят за шалости. Вместе с нами они едут в лагерь во время каникул, выходят на зарядку и на работу. Они — наши, и они это чувствуют.

Некоторые выпускники возвращаются к нам навсегда. Люба Целина окончила университет и пришла к нам учителем физики. Саша Макаров, наш шофер, заочно учится в педагогическом институте и скоро станет у нас учителем труда. Напомню, что всей техникой в лагере заведует известный вам Вова Попов. С 1 класса он в интернате воспитывался. Отслужил в армии, теперь к нам вернулся. А сколько жен наших выпускников у нас работает! Видно, хорошо их мужья об интернате рассказывают, раз и их к нам потянуло. Вернутся к нам и те выпускники, которые учатся в педагогических институтах. Мы их очень ждем!

Образцом высоконравственных отношений с детьми служит для меня директор московской школы № 825 Владимир Абрамович Караковский. Я давно слышал о нем, читал его статьи, книги, мне всегда была близка его концепция воспитания, суть которой — формирование раскрепощенной, гордой, самостоятельной личности.

Мы с ним познакомились на встрече в ЦК КПСС, когда готовился пленум по проблемам народного образования. Мне понравилось, как остро ставил вопросы Владимир Абрамович, как он говорил о воспитании, будто знал мои мысли, которые волновали меня уже много лет. Он стоит за сотрудничество с детьми, считая, что нельзя ныне ни обучить, ни воспитать, не имея контакта с учениками. А когда я посмотрел выступление Владимира Абрамовича из студии Останкино, когда, положив руки на плечи своих учеников, он запел вместе с ними, а ребята доверчиво и чисто смотрели на своего педагога, я понял, что таким и должен быть Учитель.

Сейчас нас с Владимиром Абрамовичем связывает совместная работа. Он — председатель Всесоюзного совета по народному образованию, а я — его заместитель. Я всегда рад видеть бодрого, улыбающегося Владимира Абрамовича, словно воплощающего добрый дух своей школы.

Наши педагоги ездили к нему в школу. Их приветливо приняли. Атмосфера творчества, взаимопонимания взрослых и детей, общее сопереживание всех школьных дел — это то, уже достигнутое здесь, к чему мы стремимся многие годы. Мы договорились с Владимиром Абрамовичем, что 20 его ребят, заядлых тури-

стов, приедут к нам летом, чтобы вместе пойти в лодочный поход по северным рекам. Я надеюсь, что дружба с московскими ребятами поможет нашим детям раскрепоститься, стать общительнее. Песни под гитару, костер, закаты и восходы — все это скрепляет дружбу.

А может, мы возьмем москвичей в автопоездку. В этих автомобильных путешествиях мы уже приобрели замечательных друзей. В Кирове — это Юрий Алексеевич Мясников, директор школы-интерната № 6, в поселке Тужа Кировской области — директор интерната Николай Иванович Лабор. Где бы ни пришлось нам путешествовать с нашими московскими друзьями, мы знаем: нас ждут интереснейшие встречи.

Еще скажу об интернациональном воспитании детей. Я уверен, что подлинно гуманные отношения между людьми, между учителями и учениками невозможны без уважения национальных чувств и традиций народов нашей страны. Это основа дружбы. В нашем интернате есть дети коми и русские, чуваши и татары, литовцы и азербайджанцы. И все они ощущают себя братьями и сестрами. Помню, был у нас цыганенок Валентин. Его любили все, а я не видел в своей жизни более жизнерадостного существа. Все три года, что он пробыл у нас, он учился в I классе. Каждый год он с восторгом получал «подарок первокласснику». Он не ходил по интернату, а радостно приплясывал, мог без спросу уйти из класса и начать пляску в коридоре. Однажды за пять минут успел отравить всех рыб в аквариуме, так как подкормил их удобрением для цветов. Недавно он приезжал к нам после службы в армии. Стал со-

лидным и обстоятельным.

Когда случилась страшная беда в Армении, когда там остались дети-сироты, дети без крова, чувство сострадания всколыхнуло разом всех наших ребят. Мы собрались на митинг в зале, и ребята сказали: «Не будем ничего говорить, надо действовать!» Послали телеграмму Николаю Ивановичу Рыжкову, председателю комиссии по ликвидации последствий землетрясения, с просьбой направить к нам детей из бедствующей Армении.

Мы ждем вас, братья и сестры из Армении. Вам будет хорошо у нас!

ЧУВСТВО СЕМЬИ

Как воспитать хорошими семьянинами детей, не знающих, что такое семья? Что-то утопическое слышится в такой постановке вопроса. И все-таки мы стремимся воспитывать родственные чувства у детей, обездоленных своими родителями. Нельзя допустить, чтобы сироты, став взрослыми, порождали новых сирот.

Когда я пришел работать в интернат, там кроме сирот было немало ребят «из неблагополучных семей», которых называли «домашние». Это значит, у них был дом. По субботам дети уходили домой, и я не мог спокойно смотреть в глаза тех, кто оставался в интернате. И хоть в том доме, куда уходили дети, порой царили грязь, невежество, грубость и пьянство, интернатским он представлялся воплощением добра и заботы, ведь это был их родной дом. Воспитатели обижались: они столько сил от-

дают, чтобы сделать интернат родным для детей, но притягательность другого дома, куда уходили «домашние» по субботам, оказывалась сильнее.

Теперь у нас в интернате 302 ребенка. Все они — сироты или дети без попечения родителей. Половина связаны родственными узами. Иначе говоря; 59 бывших семей воспитывают у нас от двух до пяти своих детей. А были случаи, когда привозили и по семь и по девять детей из одной семьи. Теперь мы этих детей не разлучаем. Как я говорил, и дошкольников, начиная с трех лет, себе берем.

А раньше было так: милиционеры привезут из детприемника детей, начинаем их делить. Старших — нам, а малышей надо дальше везти, в дошкольные детские дома. Слезы горькие. Малыши в старших вцепляются, старшие ревут, милиционеры слезы вытирают, и я не знаю, самому что ли реветь. Но как же трудно возродить утраченное братство, когда детей разлучили в раннем возрасте!

Везу я как-то летом в пионерский лагерь маленького паренька Егорку. Везу его из дошкольного детского дома к его сестре-третьекласснице, чтобы вместе жили. Мальчишечка юркий, конопатый, как гречневой крупой обсыпанный, во все стороны своей круглой головенкой вертит. Схватился за руль, а сам пальцем показывает: «Что это? А это что?» Привожу в лагерь, подвожу к сестре, говорю: «Вот брат твой». А она на него как на пустое место смотрит:

— Ну, и что?

— Как что? Ведь брат он твой родной. Возьми его к себе в спальню, вместе жить будете...

— Зачем он нам в девчачьей спальне нужен?

— Ничего, будешь следить за ним, поможешь к нашей жизни привыкнуть.

Взяла она его за руку, повела в свой корпус. Идут дни. Наблюдаю я за ними: никаких родственных чувств не замечаю.

Спрашиваю ее:

— Что же ты Егорку не приласкаешь, сказку ему на ночь не расскажешь?

— Ну вот еще! Буду я его по головке гладить! А сказку когда-нибудь почитаю...

Долго и трудно шли навстречу друг другу родные брат и сестра. Слишком слабыми оказываются кровные узы, когда в раннем детстве живут дети в разных детских домах.

Люда пришла к нам ученицей IV класса. Осталась она сиротой. Не смогла ее мать, молодая красивая женщина, пережить заключения мужа в тюрьму, надломилась, угасла и умерла. Люду направили к нам, а ее младшую сестренку — в дошкольный детский дом. Как ее ждала Люда! Три года только о ней и рассказывала и наконец дождалась. Бросилась к сестренке, когда ее в интернат привезли, а та вся сжалась, голову опустила, ни слова из нее не вытащить. Люда бьется около нее: «Оленька, здравствуй! Ведь сестра я твоя...» А та дичится, забыла, что значит сестра.

Переживала Люда, что сестренка ее не хочет признавать. Подойдет к игровой комнате I класса, в щелку заглянет: бегает Оля, с куклами разговаривает, веселая, а появится Люда, опять в угол забьется, нахохлится, даже глаз не поднимет.

Учительница просит Люду побольше читать

с сестрой, трудно ей азбуку осиливать. Подойдет Люда к Оле с книжкой, а та — ни в какую, упрется, ни читать не хочет, ни слушать. Сидит и смотрит в угол исподлобья.

Так билась Люда с сестрой два года, никак ее к себе приручить не могла. Не открылось маленькое сердечко. Люда кончила восьмилетку, ушла из интерната, поступила на дирижерско-хоровое отделение музыкального училища.

И вдруг произошло чудо: Оля ощутила потерю, стала ждать встречи с сестрой. Когда Люда приехала в первый раз, Оля нерешительно пошла ей навстречу, сначала робко, бочком, пряча глаза, а потом побежала со слезами радости. Теперь и Оля кончила восемь классов, живут сестры вместе в квартире, которую им оставила мать.

А однажды мы стали свидетелями мгновенного обретения семьи. Жил у нас мальчик, которого мы называли Славик, учился в III классе. Но никто не знал ни его настоящего имени, ни возраста. Совсем маленьким нашли его на городской свалке. В пеленках не было никакой записки. Сами дали ему имя, медики определили примерный возраст. Добрый рос мальчишечка, великодушный.

Как-то в начале августа привезли в Межадор новую группу ребятишек из дошкольного детского дома. Славик рядом стоял, смотрел. Потом как бросится: «Это моя сестра!» Схватил девочку Оксану, прижал к себе, не отпускает. Та, маленькая, глазками заморгала, заплакала и к Славику ручонками потянулась. Так и появилась у нас новая семья. Соберет Оксана в лесу кружку черники, половину съест,

а вторую брату несет. Как-то ушел Славик с отрядом в поход, а сестренка все равно ему ягоды оставляла, в тень ставила, чтобы не испортились. А Славик бежит по лагерю, кусок пирога несет, по дороге половину съест, а другую половину сестренке даст.

Когда в детстве брат и сестра живут в разных детских домах, это не может не вести к их отчуждению друг от друга. Захваченные возрастными интересами, общественными и учебными делами, все реже встречаются братья и сестры, перестают заботиться старшие о младших. Закончив школу и попадая в круговорот жизни, эти дети порой совсем теряют друг друга.

Вот и приходится нам одновременно с прибытием малышей знакомить их (как ни странно это звучит) со старшими братьями и сестрами. Проводится праздник «Брат, сестра и я — дружная семья». Собираются все наши многодетные семьи. Рассаживаются ребятишки со своими братьями и сестрами, начинаются конкурсы. При этом обязательно даем отличиться совсем маленьким: пусть все видят, какие наши малыши находчивые и сообразительные! Старшие тоже не отстают: читают стихи, поют песни, а их младшие братья и сестры ревниво вокруг посматривают, все ли аплодируют. А потом — чаепитие, разговоры в семейном кругу.

Мы заметили, что общие интересы, совместные дела в разновозрастных отрядах лучше всего возрождают родственные отношения. У нас особенно уважаем труд трактористов. Когда они кончают свой рабочий день и въезжают на тракторе на территорию лагеря, к ним бегут толпы ребятишек. Не спеша, солид-

но спускается тракторист, долго трет руки ветошью. А малышня восхищенно глядит на него. В такой толпе стоял и Марат Хайруллин, с замиранием следя за каждым движением старшего брата Радика. Смотрел молча, но как хотелось Марату сесть на трактор рядом с братом! Постепенно старший стал приобщать младшего к своей работе и сделал из него хорошего тракториста. Теперь Радик Хайруллин — студент Архангельского лесотехнического института, а его младший брат — главный тракторист интерната. Когда к нам в пионерский лагерь приезжают гости, они удивляются, как невысокий, худенький Марат ловко управляется с трактором. А он с достоинством, не обращая внимания на умиление гостей, ведет по полю трактор.

Дружба с братом у них нерасторжимая. Когда Радик прилетел в интернат во время студенческих каникул, Марат не оставлял его ни на минуту. А как гордится он братом-трактористом, ставшим студентом!

Сегодня в детских домах и школах-интернатах воспитывается около миллиона ребятишек, у которых нет родителей. До недавнего времени мы это скрывали или говорили полуправду, дабы не травмировать общественное сознание.

Однажды (было это несколько лет назад) к нам в интернат приехали норвежцы и финны. Они у нас в Сыктывкаре в хоккей играли. Вышестоящие товарищи решили показать им наш детский дом, а меня предупредили:

— Александр Александрович, вы не говорите, что ваши дети — сироты. Скажите — дети полярников и оленеводов.

Наши дети, жизнерадостные и веселые, играли с гостями, разговаривали, и вдруг один хоккеист спрашивает у рыжего Лешки:

— Где у тебя папа и мама?

Переводчик, естественно, переводит. А Лешка отвечает:

— Мамка спилась, где-то с другими дядьками живет, а отца уж давно в тюрьму посадили.

Смотрю, у переводчика глаза расширяются, он ко мне:

— Что переводить?

Я говорю:

— Как что переводить?.. Папа — полярник, мама к нему полетела в командировку...

Бывает ли нашим детям плохо? Да, бывает. Вот мать пишет из тюрьмы письма: «Заберу тебя, родной сыночек, как только выйду!» Вышла — и мимо интерната пролетела. Парень — на дыбы! Нам его надо приводить в порядок. Мы за него не меньше переживаем, чем он за свою мать.

Тоскуя по семье, убегали ребятишки из интерната. Бежали к папам и мамам. А потом, познав беду и горе в той горе-семье, просились назад.

«Александр Александрович, я прошу вас, примите в последний раз в вашу школу,— написал мне такой бегун.— Попросите министра СССР, чтоб меня к вам устроили. Примите меня в последний раз, я даю слово мужчины, что не буду подводить вас и вашу школу».

Некоторые говорят: «Вот глупые дети — бежать из такого хорошего интерната!» А я отвечаю: «Нет, не глупые они. Семью, даже неблагополучную, самый распрекрасный интернат не заменит».

Пусть общество лишило людей родительских прав, отняло у них детей, чтобы воспитывать их в более здоровой нравственной обстановке, но для детей они все равно остаются папой и мамой. Мы бережем это трепетное отношение детей к своим родителям. Внимательно слушаем их невинные небылицы о том, какие у них замечательные папы и мамы, хотя прекрасно знаем их истинную цену.

Был у меня однажды трудный случай. Привезли девочку во II класс. Хороший, спокойный ребенок. Бегает по межадорским дорожкам, вижу, хорошо ей здесь. Но как только наступила осень, затосковала прямо на глазах. Ходит по интернату, пригорюнилась, чуть слезы не капают. Думаю, наверное, по родителям скучает, а они родительских прав лишены. Подходит она к завучу и говорит: «Отпустите меня, Зинаида Викторовна, домой на три дня. Картошку-то копать пора. Мои-то, поди, опять пьют. Без картошки зимой насидятся...»

Что тут было делать? Ребенок кровью прирос к своим родителям. Не нужно ведь его с кровью от них отрывать. Может, кого-нибудь из взрослых надо было с ней на самолете в Усть-Куломский район отправить?

Но не отправил и юридически был прав. А сам все мучился, рвался между совестью и долгом. Ведь отвыкнет девочка от отца и матери, перестанет у нее болеть за них сердце, станет человеком без роду и племени. А отец с матерью, возможно, и одумаются. Только дочь для них будет потеряна. Кстати, так и вышло. Потеряли они друг друга.

Когда ребята становятся взрослыми, нам порой приходится во имя их же блага разби-

вать детские иллюзии, связанные с надеждами на обретение собственных родителей. Это очень трудный момент. Мы сознательно идем на расторжение родственных отношений с теми родителями, которые утратили моральное право даже называться ими. Мы совершаем эту порой не бескровную операцию ради нашего воспитанника, будущая семья которого не должна быть похожей на его бывшую. Только в нравственно чистой среде можно воспитать хорошего семьянина.

У Саши У. умерла добрая и тихая бабушка. Несмотря на болезнь, она никогда не забывала проведать его в интернате, а после смерти оставила ему однокомнатную квартиру. Это случилось, когда стал Саша десятиклассником. И тут же, откуда ни возьмись, объявилась его мать. Стала приходить в интернат, приносить сыну подарки и усиленно расписывать, как хорошо им будет жить вместе в бабушкиной квартире, если он согласится ее прописать, а она восстановит свои родительские права. Пришлось с парнем поговорить по-мужски, показать ему письма наших выпускников, которые в такой же ситуации остались без жилплощади, принадлежащей им по закону. Саша задумался. Узнал, что у матери уже есть на примете очередной сожитель, что она собирается родить ребенка. Пришел как-то и говорит: «Я не дал согласия на вселение матери в бабушкину квартиру, 17 лет я ей не нужен был, а теперь не я, а квартира ей потребовалась...»

Поражаешься порой, как, годами забывая о своих маленьких беспомощных детях, вдруг откуда-то берутся эти горе-родители, когда обретение детей сулит какую-то выгоду.

Саша П. даже не подозревал о существовании отца, и вдруг, когда ему исполнилось 16 лет, в лагерь на «Жигулях» прикатил новоявленный родитель. Стал прельщать радостями совместной жизни и уж очень машиной соблазнял. А объяснилось все просто: у Саши тоже была принадлежащая ему жилплощадь. И хотя велик был для юноши соблазн владения собственной машиной, устоял он против ухищрений «любвеобильного» папаши. Сказал отцу, что чувствует себя достаточно взрослым, чтобы жить самостоятельно. После этого отец укатил на своих «Жигулях» навсегда.

Меня часто спрашивают: какое наказание несут родители, бросившие своих детей? Проблема неоднозначная и, пожалуй, больше для юристов. Выскажу свое мнение. Вот мать с отцом запили, загуляли — мальчика, лишив их родительских прав, передали нам во II класс. Трудный, колючий, как ежик. Сколько повозились! А в IX классе повестка в суд: родители «восстановились» в правах, требуют сына назад. Парень растерялся, смотрит так, что сердце переворачивается. «Иди,— сказал я ему,— подумай!» Он друзьям рассказал, до глубокой ночи был у них совет. «Если родители один раз тебя предали,— сказали Юре товарищи,— неужто думаешь, что во второй раз не предадут? Не ходи!» Только один, круглый сирота, вставил: «Я бы даже самым плохим родителям всё простил — и пошел». А Юра решил остаться.

Мне трудно быть здесь судьей, но, зная про максимализм юности, я тем не менее, как и товарищи Юры, не верю, что утратившие честь и совесть могут стать порядочными людьми.

Хорошо, если я ошибаюсь.

«Хитро» написано в законодательстве о людях, лишенных родительских прав. От детей отреклись, а вроде бы и не чужие. Является на свидание мамаша с кулечком конфет, обнимает дитя, целует. Ну как это понять? Это же безнравственно. Обманывает, сбивает с толку ребенка, возьмет его на каникулы, поиграется с ним, как с куклой, и везет назад государству — он ей не нужен больше.

Мы разыскиваем родителей, пишем письма в организации — просим удержать деньги на ребенка. За год «выбили» 30 тысяч рублей. Разыскать всех уклоняющихся от уплаты алиментов очень трудно (потерялся исполнительный лист, переменился адрес и т. д. — казуистики много), нам пока это не по силам. Дали бы нам еще одного бухгалтера, мы бы взыскали не 30, а 130 тысяч. А пока немало «кукушек» успешно обходят закон, никак не возмещая даже материально того урона, который они нанесли детям, отказавшись от них.

Дети-сироты, попав в интернат, первое время грезят своими родственниками, рассказывают о том, какие у них необыкновенные дяди и тети. Только грезы эти длятся недолго. Родственники редко забирают к себе племянников и племянниц, им обычно своих забот хватает. А ведь была когда-то традиция, точнее, нравственный народный закон: если ребенок оставался сиротой, его брали на воспитание родственники. Ныне это редкость. Стыдно и горько писать об этом, но самым большим наказанием дети считают решение отправить провинившегося подростка... к тетке на две недели. У нас это самая страшная «кара». Через три

дня парень возвращается:

— Ну, был у тетки? Теперь все понял?

— Я и без нее понял,— отвечает,— у меня своя голова на плечах...

И как отрадно, что есть еще у наших детей родственники, которые жалеют сирот, стараются, как могут, заботиться о них.

Привезли к нам целую ватагу детей Кармановых — и маленьких, и больших, сразу пять человек. Ребята хорошие, добрые, но какие-то слишком тихие, ушедшие в себя. Горе у них случилось страшное. Пьяный отец мать убил. Хотела их бабушка к себе взять, да разве на 35 рублей пенсии такую ораву прокормишь?

Стали дети к интернату привыкать. Хорошо учились, но, как уроки кончатся, все вместе соберутся и сидят тихонько в уголке. Только младший, первоклассник Валера, чуть освободится — бежит к воротам интерната и стоит там часами. Маму ждет...

В зимние каникулы приехала бабушка внуков проведать. Маленькая, кругленькая — настоящая добрая бабушка. Сумку свою клеенчатую раскрыла, а там и шанежки, и конфеты дешевенькие. Всех внуков одарила. Хотелось бабушке подольше с ними побыть, да негде переночевать. Гостиница ей не по доходам. Вот и устроили мы ее у себя в интернате. Переночевала она у нас, а днем с внуками гуляла, в столовой с ними обедала, с их друзьями познакомилась. Очень она нам всем понравилась.

А бывают ситуации, когда родственники, которые, казалось, и забыли сироту, вдруг противятся его усыновлению хорошими людьми. К сожалению, есть у родственников такое право — не дать согласие на усыновление или

удочерение. И сколько детей не обрели домашнего тепла из-за несогласия родственников!

Пишут мне супруги Шляповы:

«Десять лет ждали мы детей, дождались, и вот нашему Ванечке было 22 года, 7 месяцев и 12 дней, и он погиб. Поймите нас, одиноких и престарелых, как нам хочется подружиться с сиротами вашего интерната. Пусть хоть брат с сестрой к нам приезжать будут, проезд мы оплатим.

Наше облоно подружило нас с девочкой. До седьмого класса никто ее не навещал и не писал. Стоило нам подать заявление об удочерении, из Иванова пришло письмо от родственников, и Наташеньку нам не отдали.

Вторая была Лариса из четвертого класса. Решили и ее удочерить. Тут же приехал какой-то мужчина, привез документы о том, что у Ларисы умер отец, мать собутыльники убили на чердаке ее же дома, но жив старший женатый брат, который категорически запретил девочку удочерять и ездить к нам не велел...

Вот так мы оба живем в трехкомнатной квартире, дача у нас есть, а сами ужасно несчастные...»

Мы не хотим, чтобы наши дети росли манкуртами, не помнящими родства, людьми без корней, не ценящими родственных уз. Когда в интернат стали приходить сотни писем от добрых людей, которые хотели подружиться с нашими детьми, стать их бабушками и дедушками, я рассказал о них детям на общешкольной линейке, предложил желающим переписываться с новыми бабушками и дедушками, а может, и проведать их во время каникул. Вечером объявляю по радио: «Кто наду-

мал — идите ко мне в кабинет за адресами». Сижу, жду, что придут несколько человек, гляжу: толпа валит и всё прибывает, уж в кабинете и в коридоре не помещается. Все, как один, захотели обрести добрых друзей и родственников. Сейчас все переписываются. Хорошие письма пишут. Справляются о здоровье друг друга, заботятся, хорошо ли живется, не нужно ли чего. Обоюдная радость от этой переписки и у детей, и у взрослых.

А в зимние каникулы многие ребята поехали проведать своих новых родственников в Москве, Ленинграде, Киеве, Воркуте, Севастополе. Счастливые десять дней провели они в семьях великодушных людей. На елки сходили, в театрах побывали, на выставках, попробовали домашние пироги и торты, а главное — ощутили тепло домашнего очага, которое никакой общественной заботой не заменишь. Вернулись все дети счастливые, обласканные.

Но не буду скрывать: некоторые дети не выдержали испытания семейной жизнью. Не смогли мы в них преодолеть бесцеремонность, привычку получать все готовым без особого проявления благодарности, непредсказуемость в поведении, неумение заботиться о близких так же, как о себе. Одна из девочек умудрилась спросить у своей обретенной бабушки, сколько у нее денег на сберкнижке; другая, зная, что у бабушки осталось всего-то пять рублей, захотела получить подарок на эти деньги, а в день отъезда пожелала ехать на вокзал... на такси.

Мы не стали беседовать с девочками об их поведении. Эти ситуации были включены в «уроки семейного этикета», где ребята коллективно

обсудили их, не зная, что «героини» событий сидят рядом. Такое косвенное воспитание оказывается более действенным, чем прямое осуждение.

«Уроки семейного этикета» мы проводим со II по X класс и придаем им важное значение, так как хотим, чтобы наши дети, став взрослыми, смогли создать крепкие, верные семьи. Разработаны уроки-упражнения, уроки-демонстрации, уроки-игры, на которых моделируются семейные роли, отношения между детьми и родителями, инсценируются семейные праздники (заранее составляется программа, придумываются шарады, шуточные поздравления, сюрпризы-подарки). Мы учим ребят распределять семейный бюджет, ухаживать за малышом, заботиться о бабушках и дедушках, лечить своих близких в домашних условиях; создаем ситуации, в которых надо уметь уступать друг другу, находить компромисс, считаться с желанием другого. Мы учим мальчиков рыцарству, девочек — деликатности, благородству, а всех вместе — культуре общения. Чувству родства, сестринским, братским отношениям способствует и наш образ жизни по типу семьи. Комнаты девочек и мальчиков, которые учатся вместе, находятся в отдельном отсеке с общей игровой комнатой-гостиной. Здесь ребята свободно общаются, смотрят телевизор, пьют чай за одним столом, беседуют,— словом, ведут себя свободно и естественно, как и бывает в любом семейном доме.

Я люблю по вечерам приходить к десятиклассникам, в их гостиную, посмотреть вместе фильм по телевизору, а потом обсудить его. Мне интересно, когда они начинают говорить

о молодых на экране и в жизни, о своих, по существу, взаимоотношениях. Неожиданные для меня наблюдения, разные точки зрения. Каждый говорит о своем, но все — искренне. Это главное. Искренность вообще очень сближает и нас, воспитателей, с детьми, и мальчишек с девочками.

Особенно меня радует, что мои ребятки растут милосердными. Ведь милосердие — это действенная доброта, доброта к человеку на деле, основа счастья и дружной семьи.

Библиотекарь нашего интерната Татьяна Владимировна Чугаева тяжело заболела, стала инвалидом первой группы. Недавно она потеряла мать и осталась одна, совсем беспомощной. Десятиклассники не бросили ее в беде. Девочки регулярно приходят к ней, помогают во всем. Татьяна Владимировна поражается их умелости, деловитости. Они прекрасно знают последовательность уборки, никогда не оставят после себя ни пылинки. Девочки очень деликатны, не утомляют Татьяну Владимировну досужей болтовней, рассказывают о том, что ей интересно. А недавно сшили своей подопечной юбку по выкройке из «Бурды», хотя на швейную машинку в интернате очередь (по ночам шили). Словом, умеют девочки и помочь от души, и не быть в тягость.

Воспитание идет естественно и незаметно, когда между взрослыми и детьми нет отчуждения, когда все живут одной жизнью, общими заботами. И взрослому, и ребенку бывает порой плохо — тогда нужно посочувствовать, помолчать, посидеть рядом. Бывают и минуты радости, когда всем одинаково хорошо. Воспитатель поможет девочке и прическу, и

платье подобрать к лицу. Повара любимое блюдо приготовят, чтобы порадовать своих ребятишек. Мальчики заботятся о девочках, не делят работу на мужскую и женскую, берутся за любую. А шефство больше похоже на братство. Сидят где-нибудь в уголочке, и, смотришь, старший младшего игре на гитаре учит. Проходит время — у нас новый музыкант появился. На Новый год каждый малыш у себя под подушкой подарок найдет. И нет здесь никаких педагогических фокусов. Просто каждый взрослый, направляясь в интернат, несет в себе частицу домашнего тепла тем, у кого нет папы и мамы.

А разве мы не готовим к семейной жизни, когда зимой на субботу и воскресенье выезжаем в Межадор? Любимое «мероприятие» — изготовление пельменей. Человек сто садятся за стол, и тут же распределяются обязанности. У каждого своя функция. Мнут тесто, раскатывают его, уминают, готовят фарш, слепляют края пельменей, выносят на мороз доски с пельменями. Всем работы хватает! А если уж две-три бригады образуем, тут соревнование разгорается. Потом едят и хвастают, кто больше наготовил и у кого вкуснее. А пельмени получаются знатные! И видно, вкус их на всю жизнь в памяти остается.

Помню, один выпускник, часто приходивший к нам в интернат, каждый раз меня спрашивал: «А помните, как вы меня научили селедку без костей готовить? Я ведь до сих пор об этом всем рассказываю...»

Вот, пожалуйста, тоже момент семейного воспитания. Тысячу всяких вещей, больших и маленьких, надо сообщить детям, чтобы подго-

товить их к будущей жизни. И когда меня спрашивают, что же именно воспитывает детей, я отвечаю: «Всё!»

В последние годы замечаю какую-то особую семейную психологию у наших детей, то, что называется чувством семьи. Я радуюсь этому ощущению родства, своего дома и уверен, что подобные семейные отношения невозможно представить в обычной школе.

«А ну-ка, Лидия Ивановна, подойдите-ка сюда!»— такое обращение обычно в нашем интернате. Мы к нему привыкли и считаем, что это в порядке вещей. Нет в нем и намека на неуважение, наоборот — высшее выражение родства. Ведь нормально звучит дома: «А ну-ка, мама, иди-ка сюда!» Ни одна мама не обидится на подобный тон, не обижаемся и мы, никому и в голову не придет, как бывает в обычной школе, заметить: «Что это ты меня так панибратски вызываешь из учительской?» У нас это принято, и мы рады такой естественности отношений.

Прилег я как-то отдохнуть в Межадоре после работы. Является шестиклассник: «Чего это вы, Сан Саныч, лежите? Все гуляют, и вы идите гулять!»

Мы зовем всех детей на «ты». Говорят, есть какие-то инструкции, требующие обращаться к детям с VIII класса на «вы». Представляю, как бы обиделись наши восьмиклассники, если бы нам вздумалось перейти на «вы». «Торлопов, почему вы не желаете кушать рыбу?»— вот бы он, бедный, оторопел! Ведь не зовут же на «вы» своих детей их родители, причем не зовут никогда, в любом возрасте. Не зовем и мы.

Если в коридоре разговаривают взрослые, то можно не сомневаться, что вокруг них тотчас соберется толпа ребятишек. Они не будут встревать в разговор. Они поднимут головенки, откроют рты и будут внимательно слушать. Ведь в интернате всё их касается. И никто из взрослых не возмутится: «Чего стоите и подслушиваете? А ну — марш в класс!» Мы уже привыкли все вопросы, разрешаемые мимоходом, обсуждать в толпе ребятишек. Так же и дома. Ведь крайне редко, только, может быть, в постели, удается посекретничать отцу и матери. А так — нет, вся жизнь и каждое слово на виду у детей.

Есть в наших общеобразовательных школах давнишняя традиция: если заболел учитель, то, как бы хорош он ни был, все равно у ребят радость. Как-то мне рассказала всеми любимая сельская учительница о разговоре с ребятами-четвероклассниками:

— Что это с вами, Наталья Павловна? Все отработают два года и уезжают. А вы все работаете, работаете...

С последней парты поднимается второгодник и произносит с тоской: «И даже не болеете никогда...»

За 16 лет работы в интернате я никогда не видел радости детей в связи с болезнью учителя.

Однажды слышал такой разговор первоклассников с учительницей, вернувшейся после болезни:

— Вы так долго болели!
— Да, ребятки, я сильно болела.
— И гулять не выходили?
— Выходила, но только на балкон.
— На балкон! А как же вы там бегали?

Заболела у нас как-то в Межадоре руководительница кружка. Совестливая она у нас. Смотрит в окошко, ребята уже толпой стоят, ее ждут. А идти сил нет. Спустилась кое-как на первый этаж, а навстречу ей врач. Пульс посчитала — 150! Велела немедленно лечь в постель. Сама пошла к ребятам, сказала, что кружка не будет, учительница заболела.

Тут же вся ватага в комнату больной учительницы переместилась. Маленькие впереди стоят, глазенками печально моргают. А сзади 14-летняя Вера тут же начала выступать: «Это куда же Католиков смотрит?! До чего человека довели! Вы хоть раз путевку получали?!»

Как только я приехал в лагерь, Вера бросилась ко мне с теми же упреками. А когда зимой мы отправили эту учительницу в крымский санаторий, Вера торжествовала: «Я же говорила Католикову, что путевку надо было достать!»

Никогда не видел, чтобы учительница донесла до своего класса стопку тетрадей или книг. Их у нее обязательно перехватят на полдороге. Да еще кинутся к ней целой толпой, друг у друга будут тетрадки и книги выхватывать, да еще обижаться, кому ничего не досталось.

Я уже писал, что в лагере у нас шестиразовое питание, дети даже не в состоянии все съесть, что им дают. Но вот какая-то странная привычка: после ужина они тащат кусочки черного хлеба, чтобы съесть их в спальне. Както спрашиваю мальчонку: «Ты что, не наелся?» Куда столько хлеба тащишь?» — «А вам дать?» — отвечает. Понимаете, он никакой угрозы не слышит в моем тоне, никакой вины за собой не чувствует, но он готов поделиться с

ближним. Как в хорошей семье.

Второклассник, весь сияющий, вбегает в библиотеку. На груди у него пустой футляр от фотоаппарата. Библиотекарь удивляется:

— Какой ты нарядный, Вася!

— Так я в кружок фотографический записался. Вот мне дали на четыре дня — поносить, я три дня ношу, а потом вам дам на один день.

И действительно, через три дня приносит поносить футляр от фотоаппарата. Ведь не обижать же ребенка. Целый день ходит наша библиотекарь с пустым футляром через плечо.

Наши дети очень любят «неофициальные» застолья. Вот пусть будет за столом что угодно, но только не в столовой, а в своем узком семейном кругу.

Как-то увлеклись в лагере рыбной ловлей. Я и не задумывался, куда девать «улов»,— уж очень он был смехотворный, только кошек кормить такими рыбешками. А ребята так не думали. Начали рыбешек на нитки нанизывать и на забор развешивать. Только пропадают рыбки. Специальную засаду устроили и обнаружили: собаки съедают. Стали на деревья вешать — птицы склевали. Тогда кто-то из взрослых взял на себя руководство этим делом. Стали рыбу солить. Ребята все бегают: «Не готова еще?» Наконец-то просолилась одна литровая баночка. Натащили хлеба из столовой, килограммов десять, но уж пир был — на всеобщую радость!

В VI классе воспитательница проводила беседу на тему «Давайте помечтаем». Она думала, ребята ей расскажут, кем они хотят стать, какую профессию выберут. А они заговорили

совсем о другом.

Юра Шванев:

— Я вырасту и художником стану. Буду сидеть на Арбате и рисовать. Когда вы в Москву приедете, я вас нарисую и на портрете подпишусь: Юрка Шванев.

Филиппов Валера:

— Я стану летчиком. Будет идти дождь и я вам принесу много-много роз...

Андрей Селюк вдруг заявил:

— А я вам туфли куплю.

Воспитательница удивилась, на свои туфли посмотрела:

— Разве у меня плохие туфли?

— Нет, сейчас они хорошие, но к тому времени вам новые понадобятся...

Я не могу представить себе, чтобы дети в обычной школе связывали свое будущее со своими учителями. Если такое случается, то очень редко. Наши дети не могут представить себе ни сегодняшнего дня, ни будущего без нас, без своей теперешней семьи. Вот такое состояние ребячьей души я и называю особой семейной психологией детей. Я не могу с полной уверенностью сказать, кто у нас в интернате хороший, кто плохой для детей, но все мы им — не чужие. Мы — всякие, плохие и хорошие,— одна семья.

Недавно девятиклассники писали сочинение «Считаю ли я интернат своим домом?». Вот что написал Куликов Игорь:

«Я интернат считаю своим родным домом. Он меня выходил, обул, одел. В моем родном доме есть мои братья — это дошколята. Я очень люблю ребят, которые помладше. Этот свой дом я считаю моим еще вот почему. Мы здесь

живем, учимся, как дома, а воспитательница — наша родная мать. А раз это мой дом, то если плохое настроение, то, будь добр, не переводи зло на кого-либо из взрослых, выйди и прогуляйся на улице.

Я не люблю только, когда в столовой дают салат из свеклы со сметаной, а наш Александр Александрович говорит: «Съедайте всё, в жизни пригодится».

Некоторые говорят, почему всегда берут нас работать в Межадор, а других — нет. Вы думаете, Александр Александрович не понимает? Он понимает: зачем же он будет брать шестой класс, когда есть девятый?

Интернат мне дал: честность, культуру, труд, спорт, взаимопонимание, взаимовыручку, то есть готовит меня к моей дальнейшей жизни. Давайте будем беречь наш родной дом, а некоторые противоречат этому.

В интернате все прекрасно:
Дети, звери и цветы.
Где найдешь еще такой
Дом прекрасный и большой? (Игорь Куликов)».

Другая девочка пишет:

«Я здесь живу шесть лет. С первых дней я поняла, что встретила добрых людей, которые старались заменить нам отцов и матерей; отдавали самих себя, отрывали от своих дочерей и сыновей ту материнскую любовь, теплоту, которой нам не хватало и не хватает по сей день. Хотелось бы побольше ласки...»

Хорошо, что нашим детям нравится в интернате, что хоть в какой-то степени он заменил им дом. Но это мало меня успокаивает. Я знаю, как тоскует сердце ребенка по **своему** дому. Помню, девочка увидела, что я собираюсь

уходить домой. Мне не забыть ее глаз, когда она тихо выдохнула: «А меня уже никто не ждет дома...» Я не забуду, как бился в истерике мальчик, который сбежал к матери, а она, открыв дверь, спросила удивленно: «Чего тебе, мальчик?» Самый распрекрасный интернат не может заменить ребенку того, к чему он предназначен самой природой, – родных по крови отца и матери. Поэтому я считаю себя вправе предостеречь родителей от утраты родного дитя, от потери духовной связи с ним, а значит, и от потери самих себя.

Нынче, как никогда, возрастает ответственность родителей за воспитание детей. Эта тема меня особенно волнует после посещения свердловского МЖК (молодежного жилищного кооператива). Меня туда пригласили, когда в апреле 1988 г. я был в командировке в Свердловске.

Помню, был воскресный день, и целые толпы, именно толпы, родителей с детьми шли с лыжами в лес. Микрорайон расположен рядом с лесом, и туда устремились все — и большие, и маленькие. Я встретился с активом МЖК. Эти люди заняты общими проблемами воспитания детей, координируя деятельность родителей в помощь детскому саду, школе, спортивной и музыкальной школе. Все детские учреждения работают по принципу равной ответственности учителей и родителей.

Мне вспоминается еще один пример. Выступал я в селе Пажга Сыктывдинского района Коми АССР. Одна учительница задала мне вопрос:

— Александр Александрович, какой вы подскажете выход из положения? Девочке 15 лет,

стала гулять, не ночует дома, замечена в выпивках. Вызывали родителей в сельсовет, ходили домой не раз. Отец говорит, вы — школа, вы и воспитывайте, а мне некогда...

— А что за семья? Родители каковы?

— Хорошая семья,— отвечают.— Отец не пьет, работяга.

— А как отец к детям относился, когда они маленькими были?

Вот тут-то односельчане и вспомнили, как он торжествовал, когда маленькие дети появились, как на руках их домой нес.

Потом случилось то, что случается с большинством родителей. Отдали девочку в ясли, в детский сад, в школу и... отстранились. Волей-неволей большинство родителей отстраняется от школы. Сходят иногда на родительское собрание, да и то не часто, потому что там не учат, а больше ругают. В детских садах даже родительские собрания бывают редко. Сдают туда детей, как на вокзале в «камеру хранения», а вечером забирают.

Видно, не хватает сегодня средств и возможностей у народного образования, чтобы обеспечить в детских садах научную систему интенсивного развития детей. А это самый развиваемый возраст, ребенок, как промокашка, все впитывает в себя. И опять же без родителей нормальное развитие не состоится. А им некогда, они приходят с работы усталыми, а еще надо обед варить, стирать, гладить, квартиру убирать и... всего не перечислишь. Только развитие собственного ребенка в этот перечень не войдет. Его скорее накормят, посадят смотреть «Спокойной ночи, малыши!», а потом — быстренько в постель!

При такой отстраненности от развития и воспитания собственного ребенка родители, когда их дети становятся подростками, оказываются вообще не готовыми и не умеющими найти с ними общий язык. Были ласковыми, любящими и вдруг стали чужими, грубыми. Мы перестаем понимать собственных детей. Идут жалобы из школы, из комиссии по делам несовершеннолетних, грозят спецшколой. И мы с удивлением замечаем, что наш ребенок набрался стольких пороков, что нам их уже не одолеть.

Вот тем-то и хорош опыт свердловского МЖК, что там родители держат прочную связь со всеми детскими учреждениями, регулярно оказывают им помощь на всем протяжении роста и развития ребенка. Там воспитание детей - общее дело родителей и школы. В микрорайоне МЖК есть свое кабельное телевидение, через которое организуются пропаганда педагогических знаний, встречи с педагогами-новаторами, обмен опытом воспитания детей. Не отстраняясь от своего растущего ребенка, родители не испытывают там непреодолимых трудностей переходного возраста.

Свердловский МЖК существует 14 лет. Тогда, 14 лет назад, свердловчане строили свои дома, рожали первых детей. Теперь эти дети стали подростками. В настоящее время для них строятся учебно-воспитательный комплекс, спортивно-оздоровительный и культурно-эстетический блоки. Предполагается даже строительство небольшого завода, где дети-подростки займутся производительным трудом. И все это огромное хозяйство будет управляться совместно учителями, родителями, детьми.

Вот это и означает, что в свердловском МЖК родители не будут пожинать горькие плоды государственного воспитания, ибо уже сегодня они создали основы для воспитания общественно-государственного, не допускающего отстранения родителей от насущного дела своей жизни — становления, развития и воспитания собственных детей.

Мы говорим, что ребенка нужно обучать и воспитывать всесторонне. Значит, нужно думать о гармонии различных влияний на него в течение всего периода его обучения в школе. И прежде всего нужна гармония в воздействиях учителей и родителей.

Почему-то считается нормальным, что школа несет ответственность за детей с сентября по май—июнь, а в летние месяцы за них отвечают родители. Это неверная установка. Школа и родители несут ответственность за ребенка в течение всей его детской жизни.

Школа не имеет понятия, где, как проводят каникулы ее ученики, есть ли у них программа развития или они без дела шатаются по улицам. Предполагается, что дети в пионерских лагерях, в каких-нибудь временных коллективах или на дачах у бабушек и дедушек.

На пионерские лагеря государство тратит огромные средства, их благоустраивают, а дети не хотят в них ехать. Я часто слышу от «домашних» детей: «Если буду хорошо учиться, мама не пошлет меня в пионерский лагерь». Дети в лагере ничем не дорожат, это не их лагерь, а лагерь для них. Возвращаются в школу. Она к этому времени кем-то отремонтирована. Ученикам до этого нет дела. Получается замкнутый круг, который отгораживает детей от дел

и забот взрослых.

Школа должна стать общим домом для детей и взрослых. Дети должны переживать за все: от цветка, стоящего на подоконнике, до пристройки к школе нового корпуса.

Проблема трудоустройства подростков на лето значительно усложняется. Новая экономическая политика ставит предприятия в такое положение, что они просто не возьмут к себе подростков. Когда начали учитывать каждый рубль, подросткам стало нечего делать на наших народнохозяйственных предприятиях. Куда же девать детей летом? Как организовать их труд? Опять общая забота директора и родителей.

Летом школа слишком легко расстается со своими учителями. Гороно требует учителей в пионерлагерь — пожалуйста! На детскую площадку — пожалуйста! А кто будет работать с детьми этой школы? А. С. Макаренко когда-то выдвинул принцип непрерывности в работе школы, который означает, что нельзя растаскивать детей летом по разным коллективам. И это еще одна задача директора школы.

Недавно получил письмо:

«Мы с Вами земляки, я даже училась в той же, что и Вы, в 10-й школе Новосибирска. Судьба забросила меня в Карелию (муж — военный). Две дочери — 9 и 14 лет. Почему пишу Вам? Потому что чувствую потребность поговорить, излить, хоть на бумаге, мысли, чувства, сомнения.

Я прошла через все увлечения «тряпками», модой и прочими мещанскими штучками. А дети просто «были». Как и мои родители, я считала своим долгом обувать, одевать и кормить их не

хуже, чем других. И только под 40 лет осознала величайшую миссию воспитателя. Все, все я делала не так. Старалась, чтоб рано научились читать, писать. Вдалбливала: «Надо хорошо учиться». И они — первые ученицы в своих классах. Но как они невоспитанны! Наши недостатки просто «кричат» в них, они очевидны — тщеславие, раздражительность, эгоизм, жестокость...

Я в панике, растерянности. Читаю литературу по педагогике и ужасаюсь, что многое уже непоправимо. Начинать воспитывать детей надо было с самих себя. А нам было жаль «губить» молодость, мы хотели пожить для себя, хотели развлекаться, наряжаться. А дети все впитывали в себя, как губка...

Мы живем рядом с озером, через наш двор пробегают мальчишки из спецшколы, одной из тех, о которых Вы упоминали на встрече. Обыкновенные мальчишки - ушастые, улыбчивые, озорные, тянущиеся к ласке, не верится, что у них есть «прошлое». Их спихнули в эту школу учителя, которым надоело возиться с трудными».

Почему же мы, родители, так поздно умнеем?

ПРОБЛЕМЫ ВЫПУСКНИКОВ

Выпускники... Наша печаль и радость, наш «конечный результат», то, во имя чего мы работаем.

Я говорю «печаль», потому что трудно расставаться с теми, кто жил вместе с тобой 12

15 лет, стал частью тебя самого, а теперь отрывается от тебя, а место отрыва болит и тревожит. Они не стали чужими, но они уходят...

А радость в том, что ребята, когда школа наша стала десятилетней, выходят в самостоятельную жизнь более уверенными и готовыми к ней. Помню, с какой растерянностью покидали они интернат, когда он был восьмилетним. Хотя помню и то, как многие из них твердили: «Вот закончу восемь классов, вырвусь наконец из интерната. Пойду в ПТУ, вот где свобода! А в интернат и ногой не ступлю...» Я не знаю ни одного, кто бы ушел и не вернулся. Свобода оказывалась для них мучительной и тягостной.

— Ну, пришел? Ты же говорил: «Скорей бы из интерната!»

— Дурак был, вот и говорил... Была бы у нас десятилетка, никуда бы не ушел...

И все же сейчас немало ребят 30 августа уходят от нас в ПТУ. 31-го вечером я объезжаю все ПТУ, чтобы посмотреть, как они устроились. Бывает, приедешь к ним вечером, сидят на голых кроватях, комната пустая, радио нет, белья постельного нет, все прокурено.

— Ну что сидите-то?

— Вот сидим, разговариваем...

— Спать-то как будете без белья?

— Получить не успели, кастелянша ушла...

Ищу старшего воспитателя. Спрашиваю: «Как же кастелянша могла уйти, зная, что ребята белья не получили?» Отвечает: «А она у нас такая...» «А почему же вы-то не побеспокоились?» —«А я думал, ребята сами догадаются...»

Вот так встречают новых учащихся. Смотришь, а у ребят уже тоска в глазах. Вроде бы

свободу получили, а в глазах тоска. Нет уже ужина, любовно приготовленного поваром тетей Дусей, нет заботливого воспитателя, который перед сном проверит, выстираны ли носки, ласково скажет «Спокойной ночи», нет даже радио, чтобы послушать тихую музыку на ночь.

Такой прием обескураживает подростков. Но дальше все зависит от постановки учебы в ПТУ, от отношения преподавателей и мастеров к ребятам. Много восьмиклассников шли и идут в СПТУ № 8. Добрая слава о нем пошла с тех пор, когда там училась наша дружная группа штукатуров-отделочников. Тогда там обучались Саша Макаров, Слава Игушев. В разные годы были всякие группы в этом СПТУ — плохие и хорошие, зависело это и от ребят, и от мастеров. Но популярность этого СПТУ не поколеблена до сих пор. Сильным был выпуск, где учились Игорь Карманов, Саша Марков, Саша Шитов. Они получили специальности киномехаников, электромонтажников. Игоря Карманова и Сашу Маркова как рабочих мы встретили на строительстве нового корпуса интерната. Хорошо работали наши ребята, к ним относились с уважением другие строители. Это, конечно, порадовало нас: не подвели, утвердились в жизни.

После окончания ПТУ многие ребята возвращаются в свой интернат: работают до призыва в армию или остаются совсем. Сегодня, закончив сельскохозяйственное СПТУ № 2, работают у нас водителем-трактористом Вова Попов и инструктором-педагогом по тракторам Миша Мальцев. О них я уже рассказывал, но хочу добавить. Когда они проходили у нас практику, учась в ПТУ, вечно ходили по лаге-

рю чумазые, прачки не успевали стирать их рабочую одежду. Но их знание тракторов, понимание каждой детали, умение водить и мотоциклы, и моторные лодки, и автомобили разных марок были просто удивительны. Поэтому сейчас они у нас и работают мастерами широкого профиля: вся техника под их контролем, и мы всегда уверены, что каждый механизм в полной рабочей готовности.

И все же не за всех мальчишек, поступающих учиться в ПТУ, мы бываем спокойны. Не все из них выдерживают испытание вольницей. С болью безмерной должен сказать, что несколько наших мальчишек, проучившись год-два в ПТУ, попали в тюрьму. За драки, за кражи, за то, что не стерпели обиды и несправедливости. Я не встречался с ними в местах заключения, но все время думаю, как страдают и мучаются они там. А тут еще попался в «Известиях» фоторепортаж из колонии для несовершеннолетних преступников. Безысходность и тоска в глазах 15-летних мальчишек, все одинаковые, наголо постриженные, серые, в серых одеждах. А рядом, как из другого мира, директор колонии — женщина уверенная, хорошо одетая, с красивой прической. И все это великолепие на фоне жалких, униженных детей. Страшно стало и за этого педагога, и за этих ребят.

После этого снимка не могу найти себе покоя и должен поделиться некоторыми мыслями о мальчишечьих преступлениях и о том, какой мне представляется работа учреждений, где осуществляется перевоспитание подростков, совершивших правонарушения.

Преступления подростков психологически

не идут ни в какое сравнение с преступлениями взрослых. Одно из первых слов, произносимых ребенком,— слово «сам». Он хочет сам познать окружающую его жизнь, сам утвердиться в ней, сам определять свои поступки. Это естественный процесс самоутверждения личности. Но даем ли мы ему состояться? Нет, не даем. Мы, родители, учителя, убиваем в ребенке это «сам», лишая его тяги к самостоятельности. Мы, взрослые, «сами» вбиваем в его сознание, что можно, что нельзя, что плохо, что хорошо, что опасно, что полезно. Но никакие наши запреты и наказы не способны подавить свойственное ребенку стремление к саморазвитию, к самостоятельному обретению своего места в жизни.

Еще в XVIII веке мудрый французский философ Жан Жак Руссо предупреждал, что становление личности подростка неизбежно идет методом проб и ошибок. Его воспитанник Эмиль разбил стекло в своей комнате, но учитель не стал его наказывать. Холодный ветер, проникающий сквозь разбитое окно, считал он, лучше всего научит мальчишку.

Нам же недосуг разбираться в силах, рождающихся в подростке от его стремления к саморазвитию. Вечно занятые родители, задерганные учителя в школе, все мы спешим, торопимся, не успеваем. Всем нам не до внутренних сил ребенка, требующих реализации. Легче сказать «нельзя!», «запрещаю!», чем разбираться в психологических побуждениях подростка. А ему необходимо самоутвердиться не в противоборстве со взрослыми, а в настоящей, серьезной деятельности. Только в деятельности и ни в чем другом ребенок получает толчок к

саморазвитию, самовоспитанию. Если семья и школа не удовлетворяют его естественной потребности в настоящей деятельности, он будет искать ее вслепую, методом проб и ошибок, пусть даже опасных. Его неминуемо потянет в сомнительные компании, где у него будет дело. Рискованное? Недоброе? Не важно, главное для мальчишки то, что в нем он сможет проявить и испытать себя, сдать экзамен на взрослость. А что будет потом, он об этом не задумывается.

За совершенные преступления подростки караются по закону. Они попадают в колонии для несовершеннолетних преступников, которые мало чем отличаются от колоний для взрослых. Тот же строгий режим, та же одежда, та же трудовая повинность. И как остро ощущают они свою изоляцию от мира, который остался за забором с колючей проволокой!

На днях получил я письмо от нашего выпускника, попавшего после ПТУ в заключение. Меня поразило, что он думает об интернате как о нравственной опоре, с которой связана единственная надежда на возрождение. Процитирую письмо:

«Пишет Вам Ваш бывший воспитанник, выпускник 1983 года. Сегодня прочитал статью в газете «Правда» «Из бездны сиротства». Я желаю Вам успехов на этом пути. Я Вам пишу из мест лишения свободы. Осужден по статье 144 ч. 3 за кражу со взломом. Суд приговорил меня к двум годам лишения свободы в ИТК общего режима. Вам, наверное, стыдно за меня, но не осуждайте меня. Может, это и к лучшему, что я осужден. Ведь только здесь я понял цену свободы и думаю, что в моей жизни

таких ошибок больше не будет. Здесь я очень часто вспоминаю свой дом-интернат и наш лагерь. После окончания училища у меня была возможность поступить учиться в Ленинградский физкультурный институт, ведь в спорте я преуспевал, но в знаниях я очень слаб и побоялся в институт. Но даже здесь я еще надеюсь на свою мечту стать учителем физкультуры и прийти работать в нашу школу...»

Среди воспитанников А. С. Макаренко были насильники, бандиты, воры, но они испытывали гордость, став строителями новой жизни. Они жили в энтузиазме трудовых будней, в мажорном стиле отношений с педагогами, которые не сомневались в их светлом будущем. Глубокие нравственные начала пронизывали их воспитание, а в первую очередь вера в возможность исправления оступившихся детей, которые должны стать достойными гражданами.

В тяжелую минуту Макаренко с понятным отчаянием спрашивал: почему никого не заставляют делать паровозы из консервных банок, а почему он должен делать человека — из чего? (не кого!) — из Ужикова?

Когда Антон Семенович скончался и с ним прощались в Москве, в доме Союза писателей, возле гроба стоял подтянутый человек с орденом на груди и смятым страданием лицом. Хрипло и тяжко он говорил, как нелегко ему хоронить отца, который никогда не сказал ему ни одного доброго слова, но веру которого он чувствовал всегда, и она помогла ему стать человеком, получить орден в боях на озере Хасан. Этот человек геройски погиб в первые дни Великой Отечественной войны. Это был тот, кого Антон Семенович назвал Ужиковым.

Сегодня хорошо известен опыт исправительного учреждения Георгия Павловича Сологуба. Герой Социалистического Труда директор Очерской спецшколы Пермской области Г. П. Сологуб воспитывал трудных подростков на основе глубокой веры в их человеческую состоятельность, культивировал гуманные отношения в коллективе, доверием к подросткам пробуждая в них чувство человеческого достоинства и самоуважения. К сожалению, Г. П. Сологуб ушел на пенсию, и трудно предсказать, как сложится судьба его колонии, повторившей опыт А. С. Макаренко.

Хотелось бы, чтобы ранее запретная тема о детской преступности, о характере детских правонарушений и, главное, о правомерности наказания колонией перестала быть закрытой для общественности. Надо, чтобы педагоги, психологи, социологи, все думающие люди вместе решили, что мы можем сделать для детей, у которых отнято детство. Имеет ли право государство лишать ребенка детства? Мы запрятали детей за высокий забор, за колючую проволоку, за сторожевые вышки и хотим, чтобы они вышли оттуда сознательными гражданами нашей страны?!

Огромная заслуга в обращении общества к проблеме несовершеннолетних преступников принадлежит Советскому детскому фонду имени В. И. Ленина. Предложение фонда о разработке проекта Закона о защите прав детства было одобрено Всесоюзным съездом учителей. Этот закон должен обеспечить педагогически целесообразные условия для формирования личности ребенка, демократичность и гуманность в обращении с ним, мобилизовать все

силы общества на охрану прав детей. Хотелось бы, чтобы деятельность Советского детского фонда имени В. И. Ленина была активно поддержана общественностью, школой, родителями, органами народного образования, а также воспитателями исправительных учреждений, призванных перестроить сознание оступившихся детей.

У меня такое впечатление, что сегодня школа видит в исправительных детских учреждениях своего рода отдушину, в которую можно скинуть все недочеты собственной работы. Не справились с учеником, не хочет учиться ребенок, не знаем, что с ним делать, — пусть с помощью милиции, через инспекцию по делам несовершеннолетних отправляется в соответствующую колонию. Сбыли с рук, и слава богу. И это вместо того, чтобы самоотверженно бороться за каждого ребенка, каким бы он ни был, как бы он ни портил нашу нервную систему, не забывая, что в наших педагогических руках его судьба и его жизнь.

Редко я встречал ребят, которые после колонии стали полноценными гражданами. Клеймо бывшего преступника нередко, к сожалению, определяет судьбу оступившегося человека до самой его смерти.

Недавно, например, у нас в Сыктывкаре выдвигали кандидатом в народные депутаты СССР хорошего рабочего — наставника, честного труженика, порядочного человека. Кто-то сообщил, что лет 20 назад за участие в случайной драке он был осужден. Пришлось через республиканскую газету «Красное знамя» давать пространное разъяснение, какой это достойный человек, хотя в детстве он и попал в

беду. Не помогло, не был он выдвинут кандидатом в народные депутаты.

Думается, определяя наказание оступившемуся подростку, нужно учитывать особенности детской психологии. Наказывая его изоляцией от общества, мы отнимаем у него веру в себя, а значит, в его способность отвечать за собственное поведение.

Недавно ко мне как члену правления Советского детского фонда имени В. И. Ленина обратилась мать восьмиклассника, которого школа решила определить в исправительную колонию. Не ходит в школу, не уважает учителей, но очень увлечен техникой. Мать замучили бесконечные жалобы учителей, и, наконец, не выдержав, она крепко выпорола своего великовозрастного сына. Тот не стерпел, ушел из дома, перестал вообще ходить в школу. Все время он проводил в гараже «Комистроя», помогал водителям в ремонте машин, мыл их, выполнял любые поручения. Удалось этого подростка спасти от колонии. Сейчас парень учится в СПТУ в группе слесарей-водителей.

Одна из важных наших задач — гуманизировать правовые решения, повысить юридическую ответственность родителей и органов народного образования за воспитание детей. Нужно передать детские исправительные учреждения из подчинения МВД органам народного образования. Надо дифференцировать детские колонии по степени тяжести проступков: не могут содержаться в одной колонии уголовник-рецидивист и мальчик, который не слушался учительницы. Необходимо создать законодательную педагогическую систему предупредительных мер, ограждающих детей от

совершения правовых преступлений. Нельзя губить жизнь детей из-за нехватки времени на их воспитание, из-за того, что мы не умеем организовать полезную деятельность, соответствующую их возрастным потребностям. Детям не место за решеткой!

Наши выпускники, получившие среднее образование, гораздо лучше подготовлены к жизни и нравственно, и физически, и социально, и психологически. Большая часть ребят с IX класса берут курс на вуз. Для нас это обстоятельство приобретает принципиально важное значение, так как раньше не все наши ребята могли осуществить свою мечту в профессиональном плане.

Была у нас Лена Майкова. Уж так хотела стать врачом! Теперь прислала мне письмо Елена Анатольевна Матвеева: «Смотрела в июле передачу из Останкина, показывала мужу и дочери, где мы жили, где купались, где играли. Слезы на глазах наворачивались! Я замужем. Муж — мастер на ГРЭС, дочь во II классе учится. Я работаю сменным мастером в банно-прачечном комбинате. Живем очень хорошо! А самое главное, что я человек трудолюбивый, и научил меня этому наш интернат!»

Не сбылась мечта Лены, не стала она врачом. Но человек в ней состоялся, она счастлива. Это прекрасно, но всё же...

В прошлом году я объездил Новосибирскую, Курганскую, Свердловскую области, хорошо знаю положение в Коми АССР. И везде лишь один, от силы два выпускника восьмилетних школ-интернатов ежегодно попадали в высшие учебные заведения. Это была большая социальная несправедливость. Дети, лишен-

ные родителей, теряли возможность получить высшее образование.

Сейчас это положение исправлено. Есть постановление Совета Министров СССР за № 872 от 31 июля 1987 г., согласно которому для детей-сирот должны быть созданы все условия, чтобы они могли нормально учиться и получить высшее образование. Правда, это постановление дошло пока не до всех вузов. В прошлом году, да и в этом, пришлось связываться с ректорами вузов, с деканами факультетов, добиваясь осуществления государственных льгот, денег, полагающихся сиротам во время их обучения в вузах. Находятся тысячи всяких причин, множество отговорок, чтобы не выплачивать ребятам положенной им стипендии.

Поступила у нас в Кировский сельхозинститут выпускница Люба. Долго от нее не было вестей. Пришлось позвонить в деканат. Оказалось, там и не ведали, что девушка — сирота. Три месяца не начисляли стипендию, не говоря уж о том, что не выдавали денег на питание, полагающихся по постановлению правительства.

— Как же так?— спрашиваю.

— А в профкоме ей дали 14 талонов на обед по 37 копеек...

Чем больше становится у нас выпускников-студентов и чем шире география вузов, в которые они поступают, тем чаще приходится связываться с деканами факультетов и ректорами институтов, объясняя им смысл постановления № 872. Я не вправе осуждать руководителей вузов: у них, возможно, одна тысячная доля студентов-сирот. Они могут и не знать о них, у них руки не доходят. Но на мои подсказ-

ки они реагируют правильно, и, надо полагать, положение скоро выправится.

В Госкомитете по народному образованию я предлагал: отдайте средства на содержание ребят, поступающих в вузы и техникумы, нам. Мы будем, как родители, приглашать их на каникулы, покупать одежду и обувь, оказывать помощь и поддержку. И семейные корни сохраним, и ребятам не придется унижаться, чтобы получить законное. В Госкомитете возразили: мол, ты-то будешь заботиться, а других директоров не заставишь. Не думаю... Можно было бы отдельного воспитателя взять, опекуна, он бы и осуществлял связь с выпускниками (возможный круг обязанностей: помощь выпускникам, контроль за учащимися в СПТУ, трудоустройство, обеспечение жильем, устройство детей в ясли и т. п.). Сейчас в большинстве семей родители продолжают оказывать поддержку своим взрослым детям. Так и должно быть. На то она и семья. Почему же у нас иначе?

Как учатся наши выпускники в вузах? Надо сказать, что на первых порах – неважно. И не оттого, что знаний недостает, а потому, что резко меняется стиль жизни. Никто о тебе не беспокоится, нет никакой индивидуальной заботы, а главное — контроля. Тебе дано право учиться — вот и учись. А самому заставить себя работать трудно, поэтому первый год вживания в новые условия оказывается для ребят непростым. Зато, когда они на ноябрьские праздники приезжают к нам в интернат, они с такой страстью агитируют наших старшеклассников хорошо учиться, что убеждают их лучше учителей.

Отношение к учению у всех 16 выпускников, ставших студентами за два последних года, ответственное. Правда, в первом семестре они сдают экзамены не без троек, но потом начинают быстро выправляться. Ко второму курсу они крепко стоят на четверке. Им и нельзя иначе. Они у нас люди с ярко выраженным чувством достоинства и не хотят быть хуже других. Кроме того, когда они приезжают в интернат, их окружает восторженная толпа малышей: «Неужели ты учишься в самой Москве?!» Тут никак нельзя терять престиж столичного студента.

Есть еще одна особенность у наших студентов: они активные общественники. В Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева учатся Лариса Шаповалова, Катя и Таня Шевелевы. Все они — комсомольские и профсоюзные лидеры. Жизнерадостные, отзывчивые, деятельные. Как-то позвонил в комитет комсомола академии, попросил Ларису Шаповалову, так мне ее сразу нашли. Только на втором курсе учится девушка, а уже член комитета комсомола академии и все ее там знают. Комсомольскими активистами стали и Люба Мезенцева в Кировском сельскохозяйственном институте и Настя Сивергина в Калининградском институте рыбного хозяйства.

На лето наши студенты стараются вернуться в свой дом, в Межадор. Пишут: «Так хочется летом побыть в лагере!»—«Так в чем же дело? Приезжайте»,— отвечаю я. Идет время, одни приезжают, другие нет. Оказывается, они морально не очень хорошо себя чувствуют. Уже свыклись с самостоятельной жизнью в институте, и им становится стыдно жить на

всем готовом, их тяготит ощущение иждивенчества. Тут я снова и снова убеждаюсь в правомерности такого положения, когда интернат оставляет за собой обязанность материально обеспечивать своих студентов. Нам приходится устраивать студентов на работу в лагере: техничками, нянечками, а парней — водителями, столярами, слесарями. Так они освобождаются от угрызений совести, но какой же это отдых?

После второго курса ребята к нам приезжают реже. Начинают сказываться институтские связи, желание провести отдых с товарищами, поехать в строительный отряд. А жаль! Нам лучше живется в лагере с нашими выпускниками. Вот уж у кого настоящая самостоятельность, так это у них!

Приходится думать и о будущем наших студентов. Через год целая группа их закончит Тюменский мединститут. Очевидно, вернутся в Сыктывкар, так как все годы мечтают об этом. Многие приедут семейными, с детьми. Уже теперь надо решать с советскими органами вопрос об их жилье, посылать запрос на них.

Пожалуй, самый оперативный вид связи с нашими выпускниками-парнями — их письма из армии. Часто пишут, и какие хорошие, умные письма!

Приведу лишь одно солдатское письмо:

«Пишет вам выпускник 1987 года, рядовой срочной службы Беспаликов Сергей. Шлю большой, сердечный привет с Дальнего Востока, с полуострова Камчатка.

Вот и настало время, когда я должен отдать долг своей Родине. Я ни капли не жалею, что служба не обошла меня стороной. Как и

все учащиеся нашей школы, я постараюсь достойно служить и с честью выполнить свой долг воина Вооруженных Сил СССР. Курс молодого бойца я уже прошел, по политической, тактической, строевой и физической подготовке у меня оценка «отлично».

Что же представляет собой армия?

Прежде всего это школа мужества и отваги, школа образцовой службы и высочайшей дисциплины. В Конституции СССР сказано: «Каждый гражданин обязан оберегать интересы Советского государства, способствовать укреплению его могущества и авторитета. Защита социалистического Отечества есть священный долг каждого гражданина СССР».

В нашей части в связи с перестройкой происходят большие перемены. Сама перестройка в армии заключается в коренном укреплении воинской дисциплины и уставного порядка, в обеспечении высокого уровня боевой и политической подготовки...

Завершая свое письмо, я хочу дать напутствие учащимся школы, особенно пацанам, которым предстоит еще пройти по пути солдата. Пусть готовятся к службе физически и морально.

На этом писать кончаю. Желаю Вам и всему педагогическому коллективу в Новом, 1989 году счастья и радости, успехов в личной жизни и в жизни школы...»

Такие письма несут радость и гордость в наши педагогические сердца. Мы непременно читаем их перед строем воспитанников — ведь написаны они не только их братьями, но и защитниками.

В первое время наши выпускники в армии

скучают по своему дому, и мы стараемся побыстрее отвечать на их письма, ко всем праздникам шлем посылки с гостинцами. Обязательно посылаем теплые перчатки и носки (хоть это и не всегда допускается в армии).

Когда был издан плакат про наш интернат, где много снимков из интернатской жизни, мы к Новому, 1989 году послали по экземпляру всем нашим солдатам. Коля Бабенко написал: «Зачитал весь плакат до дыр, пересмотрел снимки, всех узнал. Как будто дома побывал...»

А один парень очень категорично заявил, что, по его мнению, наша армия держится на интернатских ребятах, на их самостоятельности и трудолюбии. Недавно пришло благодарственное письмо от командования части, где служит Саша Брусиловский. Еще раньше благодарили за Колю Дуркина. В 1988 г. Толя Чупров приезжал в отпуск. Толя долго нам не отвечал. Оказывается, его полк был переброшен в Афганистан. Вырос парень здоровый, сильный, настоящий богатырь коми земли. Когда вместе с Толей на побывку приехал и Коля Дуркин, подтянутый, аккуратный, радости ребят не было границ. Толпой к ним повалили, не отходят. Да и как отойдешь! Рассказывали об Афганистане, о службе, силовые упражнения показали, спортивные секции провели. Мальчишки с открытыми ртами за ними следом ходили. Вечером слово «отбой» было неловко произносить — такие задушевные беседы велись.

Роман Исаев тоже прислал письмо из армии. Десять классов он кончил, хотя в то время наша школа восьмилетней была. Учился в городской школе, а жил у нас. Поступил в педагогический институт, а после первого курса

пошел в армию. Он — старейшина целого рода Исаевых, у нас в интернате его брат и сестра остались. Пишет, что первую передачу из Останкина не видел, «был далеко от цивилизации», а про вторую командир сказал, разрешив смотреть после отбоя. «Смотрел и дрожь по телу шла. Ведь дом родной! Все в лица вглядывался: покажут ли Юру и Надю? Увидел в одном месте, уж так обрадовался!»

Обрадовались все весточке от Миши Фомина. Родился он в деревне, сельскохозяйственное ПТУ окончил, иногда к нам заезжал. Потом работал в своей деревне, ушел в армию и будто пропал. Спрашиваю ребят, где наш Миша, никто не знает, но вроде на Дальнем Востоке служит. И вот прислал письмо, что передачу смотрел, смотрел и не узнавал. Уж очень многое за пять лет изменилось.

Пришло письмо и от Бори Н. из Ленинграда. Там он служил в армии, а теперь женился, семья у него хорошая, дочка родилась, жену любит и ее родственников тоже. Все благополучно у него.

А рос мальчиком тихим. Только страсть к футболу у него была необычайная. Услышит слово «футбол» и в любую погоду, усталый или нет — все равно не удержишь — мчится на футбольное поле.

Однажды нас потрясло известие: мама Бори нашлась! Написали о нашем интернате в местной газете, и Боря там упоминался. Позвонили нам люди из пригорода, говорят, соседка у нас рядом живет с такой же фамилией. Навели справки: действительно, мать Бори. Пригласили ее в интернат. Приехала, конфет сыну привезла, поговорили они, посидели. Ожил наш

паренек. Потом пришел ко мне сияющий: мама в гости зовет. Нарядили мы его в субботу, отчистили всего, приготовили к встрече. Он все беспокоился, когда ему вернуться, чтобы не опоздать: в воскресенье вечером или в понедельник утром. Разрешил ему и в воскресенье, и в понедельник возвращаться, как удобнее будет. Дежурил я в эту субботу. Гляжу, часов в семь вечера, Боря наш, сжавшийся, понурый, прошмыгнул мимо меня в спальню. Знаете, как щенок побитый в свою конуру пополз. Не спрашивали мы его ни о чем. Через несколько дней пришел и сам рассказал.

Приехал к матери. Дверь нараспашку, в комнате грязь, нищета, двое мужиков за столом пьянствуют. Мать лежит на кровати ничком, пьяная беспамятно. Окликнул ее Боря несколько раз, не отзывается. Сидит в уголке на табуретке, никому до него дела нет. Опять мать окликнул, смотрит она ничего не понимающим взором. Встал и ушел из дома. Говорит: «Видно, ничего у меня не получится. Как не было матери, так и не будет». Вот и остался Боря второй раз сиротой.

Большая география у нашей переписки с выпускниками. Пишут нам хорошие, теплые письма из Алма-Аты, Норильска, Архангельска, Удмуртии, с Дальнего Востока, из Хабаровска. Даже удивительно, такая маленькая школа в Коми крае, а ее выпускники живут и служат по всей огромной стране, пишут письма и вспоминают только хорошее, что им дала школа-интернат.

Приходится беспокоиться о трудоустройстве наших ребят после службы в армии. Если есть жилье, то трудоустройство осуществляется

легко и естественно. Но что делать, если жилья нет? Некоторых мы устраиваем в интернате. Вове Попову, когда он женился, выделили целый дом в Межадоре. Мише Мальцеву, когда он стал семейным, тоже дали квартиру в лагере. Отвоевали однокомнатную квартиру для Саши и Зои Макаровых. Но как устроить остальных? Ведь в Сыктывкаре крайне сложно с обеспечением жилплощадью.

В прошлом году немало нервов потратили, чтобы Лена Сивко после окончания СПТУ бытового обслуживания получила жилье. Кончила она училище, оставили ее работать в городе, а жилья нет. Мается, бедная, даже общежития не дают. Пошла в горисполком, говорят, откуда приехала, туда и возвращайся. А откуда она приехала? Ниоткуда! Началась ее жизнь в Доме ребенка, а потом переходила из одного детского дома в другой, пока к нам в интернат не попала. Что же ей теперь, ехать в любую деревню и заявлять, что она оттуда родом? И кому она там нужна? Почему же город, в котором она выросла, которому помогала, теперь отказывается от нее? Ведь наши дети много делают для города: и улицы чистим, и деревья белим, и цветы, кусты сажаем. Внушаем детям, что Сыктывкар для них родной. Почему же теперь Лена должна ехать куда глаза глядят?

Пришлось воевать с горисполкомом, и недавно получила Лена место в общежитии. До этого жила полгода у подруги в доме, назначенном на снос, без прописки. Конечно, это непорядок!

Уже не первый раз пришлось сражаться за право на жилье выпускников интерната. Есть решение горисполкома о льготной очереди для

сирот, а чиновники-исполнители, видите ли, не согласны, что сироте нужно жилье. Иногда доходит до абсурда. Парень-сирота получил в армии инвалидность, привезли в Сыктывкар, положили в больницу. Подлечили. Выздоровел, а выписывать некуда — прописки нет, жилья нет, работы нет. Даже пенсию, что ему как инвалиду положило государство, получить не может. Три месяца бродит по больничным палатам, и никто ничего не делает. Как тут не воевать?

Радуюсь, когда наши выпускники женятся на наших же выпускницах. Хорошие семьи получаются! Это вполне естественно. Долго были вместе, хорошо друг друга узнали. Пример замечательной семьи — Макаровы, Саша и Зоя. Я уже упоминал, что они у нас работают. Каждое дело в интернате их касается, каждого ребенка знают и воспитывают не хуже воспитателей. Нравственно чистые, добрые к людям. А сынок их, Александр Александрович, запросто заходит ко мне в кабинет: «Здорово, дед!»

Недавно женился у нас Вася Братенков. Сам небольшого роста и девочку Тоню из деревни Чухлома взял тоже маленькую, крепенькую. Стояли она рядышком в загсе, как два грибочка. Тоня о Васе заботится, сердцем чует, что ласки он в детстве недополучил! Родился у них ребенок. Тут же в интернат явились показать. Вася гордо на руках несет сыночка, а Тоня рядом — счастливая, глазами сияет. Ведь наследник родился! Часто наши выпускники своих первенцев в интернат несут.

Я знаю о толках, что, мол, интернатские не умеют строить семью, а какая-то статистика будто бы подтверждает, что детей своих они

сдают в интернат. Должен разочаровать создающих подобные легенды. У меня нет ни одного ребенка, подкинутого бывшими интернатскими воспитанниками. И как я слышал, такого желания у них даже в мыслях не возникает.

У меня есть соображение относительно причин крепости семей наших выпускников. Всем им не хватало в интернате какой-то особой, «персональной» ласки. Было очень много коллективной доброты. Но каждому нужна отдельная ласка, чтобы именно его любили больше всех. Это не эгоизм, это от нехватки семейного тепла. И когда они находят друга, понимающего их тоску по любви и ласке, они ценят и берегут свое счастье.

Меня спрашивают: «Бывает ли у вас в школе, что девочки рожают? Это ведь нынче не редкость. А у вас они живут рядом...»

Мои ребята действительно живут рядом, и все-таки таких случаев не было. Если бы такое произошло, не знаю, как бы я поступил, пока не представляю себя в данной ситуации, но, наверное, как любой отец, позаботился бы о новорожденном. Значит, потянула друг к другу любовь, и тут уж ничего не поделаешь.

Идут к нам выпускники со своими проблемами. Кто-то не может ребенка в детский сад устроить. И я всегда поддержку нахожу в нашем гороно, где понимают, что у других бабушки, дедушки есть, а у наших чаще всего никого нет. Особенно когда двое интернатских сойдутся. Тут уж совсем надеяться не на кого.

Приходится вмешиваться в служебные конфликты, устраивать на работу, кому-то звонить, куда-то ехать. Но еще раз хочу сказать,

что наши взрослые выпускники — это наше счастье. Когда в 1986 г. отмечалось 30-летие интерната, собралось столько выпускников, что еле-еле втиснулись в наш зал. А сколько благодарности, признательности высказали они своему дому, своим учителям и воспитателям!

В глубине души я жалею своих взрослых детей, хотя мы с учителями очень требовательны к ним. И я часто думаю: как они расценивают эту нашу требовательность? Сейчас, когда много ребят уже вышли в жизнь, ясно вижу, что именно те, к кому мы были строже, оказались ближе к нам, поняли нас. А наши баловни, которым по каким-то причинам приходилось делать скидку, относятся к нам жестче, равнодушнее.

Вот сейчас из армии прислал письмо Игорь Герасимов. Был он какой-то неказистый ребенок: отстающий, везде опаздывающий, немощный. Теперь смотрю на фотографию — красивый, сильный! Пишет, что самое счастливое время в его жизни — это те 3 года, которые он провел в интернате.

А вот письмо от Саши Сажина. Я уже рассказывал о нем, как он, соорудив подкоп, отправил свой цветник в реку. Теперь он студент Тюменского медицинского института. Было время, бросил институт, женился, сын Никита у него родился. Пишет: «Наверное, ругали меня, что институт бросил. Но ведь я снова поступил, учусь и честно признаюсь только Вам, что это мой Никитка заставил меня учиться. Теперь я учусь с большой радостью и пониманием того, для чего мне надо учиться. Можно к Вам приехать летом? Только жена у меня такая стеснительная, побоится к Вам подойти. А вот

Никитка, тот не застесняется. Его точно Вам покажу...»

ПИСЬМА, ПИСЬМА...

Летом 1987 г. я выступал по Центральному телевидению в студии Останкино, позже — в передаче «Родительский день — суббота», а еще когда избрали народным депутатом СССР. После этого получил более трех тысяч писем.

Говорят, нынче человек становится жестче, рационалистичнее, эгоистичнее. Но я не могу с этим согласиться теперь, когда сотни людей захотели стать дедушками и бабушками для сирот, посылают им письма, посылки, справляются об их здоровье, зовут в гости. Лидия Павловна Зюбан живет на маленькую пенсию, но приглашает ребят погостить к себе в Крым: в море покупаться, фруктов всласть поесть. Москвичка Кира Аркадьевна Митюшина написала, что ее квартира всегда в распоряжении наших детей: даже если ее дома не будет, она ключ у соседей оставит. Другая москвичка, Валентина Георгиевна Березкина, пишет, что будет счастлива показать детям нашу столицу. Раим Рахманович Отаджаков из Таджикистана, отец трех сыновей, был бы рад удочерить и усыновить любое количество детей. Зовут ребят чуть ли не во все города Советского Союза, в маленькие селения, на озеро Байкал, в деревеньку из двух домов, стоящую на берегу чудесного озера... Приглашают учиться в высших учебных заведениях, просят адреса выпускников, служащих в рядах Советской Армии,

чтобы иметь возможность помочь им. Предлагают любую помощь и поддержку.

Пишут: «Разрешите только устроиться в чуланчике вашего интерната, и я согласна у вас работать кем угодно». А Володя Дмитриев приехал к нам безо всякого предупреждения. Как мы его ни уговаривали, не согласился вернуться в свою Ивановскую область.

Не менее половины писем невозможно читать без сердечной боли: «потеряла мужа и сына», «дочка умерла у меня на руках», «погиб наш сынок в Афганистане», «не могу больше жить в одиночестве!..»

Как не отозваться на горе и боль этих людей! Иной раз думаешь: закрыть бы интернат и отдать им всех детей. Но не так-то просто это делается. Без психолого-педагогической службы здесь не обойтись.

Особым предметом разговора являются причины усыновления. Я бы тут выделил определенную категорию писем. Вот девушка 18 лет в порыве милосердия горячо просит дать ей ребенка, так как ее сердце полно сострадания. Спасибо ей за доброе сердце, но зачем ей ребенок? Разве она не выйдет замуж и не родит своего?!

Пожилые бабушки, многие из которых имеют собственных детей и внуков, просят удочерить девушку лет 15—16, чтобы ухаживала за ними, а они, в свою очередь, не обидят — оставят имущество. Знаете, есть что-то унизительное в таком желании осчастливить сироту. Мол, мои внуки не хотят за мной ухаживать, так пускай бедная сирота позарится на мое добро. Ошибаются эти бабушки, представляя интернатских девушек обездоленными золушками.

Мечтая об усыновлении, многие надеются скрасить жизнь за счет взятых из интерната детей. «Она передо мной попляшет, споет — вот мне и радость!» — пишет одна из претенденток на удочерение. Прошу меня извинить за откровенность, но таким усыновителям я не доверил бы ребенка. Я не против того, чтобы приемные дети приносили радость своим родителям. Но ведь слишком дорогую цену надо заплатить, прежде чем ощутить такую радость. Это не каждому по силам.

Я больше понимаю тех людей, которые просят взять детей во имя самих детей, которые мечтают о радости не для себя, а для сирот, познавших беду. Поэтому мне очень дорого письмо Л. И. Паймаковой, которая рассказала о неимоверных трудностях, которые она преодолела, воспитывая двух неродных детей.

« В 1972 г.,— пишет Людмила Ивановна, — мы с мужем поженились, а через три года взяли на воспитание сына. Мальчик рос непослушным, немало слез было пролито, чтобы научить его читать и писать. Многие учителя советовали сдать его во вспомогательную школу. Мы не сделали этого. Ребенок стал учиться на «4» и «5». Теперь мальчик наш — студент лесотехнического техникума.

Казалось бы, все в нашей семье стало нормально. Но вот два года назад я случайно увидела девочку, сидящую под кустиком возле самой дороги. Она горько плакала, звала маму. Увидела я ее полные слез глаза и неожиданно назвалась ее мамой. Было ей лет девять. Определили мы ее в детский дом, а потом не выдержали — забрали домой. И вот ребенок наш оказался умственно отсталым. Это было ужас-

но! Потребовалось три месяца, чтобы девочка отвыкла от гримас, ругани. Вскоре мы решились на эксперимент: перевели ее из вспомогательной школы в общеобразовательную. Вспомнить страшно, чего нам стоило. У Аллочки обнаружились провалы в памяти, полное отсутствие внимания, умения сосредоточиться. Но мы не отступали, учились вместе с ней. Теперь она догоняет своих сверстников по классу.

Только душой взрослого можно спасти больного ребенка...»

Хочется низко поклониться этой поистине героической женщине, которая к тому же просит удочерить еще одну девочку.

Но нельзя забывать и о многочисленных усыновителях, которым оказалось не по силам выполнить свой долг по отношению к детям, которых так искренне обещали сделать счастливыми. Почему? Вот характерное письмо.

«Судьба моя сложилась так, что мы с мужем усыновили двух деток. Было Юленьке и Владику по 19 дней. Дети росли здоровыми, развивались нормально. Первая беда пришла, когда они пошли учиться. Владика пришлось перевести во вспомогательную школу. Но учился он в ней прилежно, старательно. Сейчас уже думаем о его трудоустройстве, ведь в этом году он закончит восемь классов. За него уже душа не болит.

Моя беда — дочь Юлия. С большим трудом окончила пятый класс, в шестой ходить не хочет. У нее другие интересы — гулять, красить лицо, курить, пить. Мы с мужем, школа, родственники, друзья боролись как могли, но безуспешно. Пришлось согласиться на спецшколу. Седьмой и восьмой класс Юля закончила там.

Но вот приехала домой, и все мои надежды рассеялись. Опять — побег, пьянки, курение, разврат. Я стала инвалидом второй группы, муж не выдержал, оставил нас.

Всем смыслом моей жизни были только дети. И вот результат: ни семьи, ни здоровья, ни детей!»

Страшное письмо. Оно заставляет нас задуматься о том, как необходимо психиатрическое обследование каждого ребенка-сироты, чтобы будущие родители знали всю правду о его здоровье, а тем, кто не отступится, дать специальные методики-рекомендации по воспитанию, обучению ребятишек с нервными расстройствами. И тут наука — генетика, педагогика, медицина — в неоплатном долгу перед обществом за отсутствие системы такой помощи.

В почте немало писем и с противоположной просьбой: забрать детей из семей в интернат. Можно было бы ответить просто: интернат переполнен, обращайтесь в ближайший детский дом или школу-интернат. Однако так просто не получается.

Вот пишет мать, лишившаяся на производстве обеих ног:

«Мне часто приходится лежать в больнице, тогда мой мальчик живет по соседям, то у одних, то у других. Но кому нужен ребенок из чужой семьи?»

Еще письмо:

«Меня с двумя детьми бросил муж. Мне 33 года, образование высшее. У меня больное сердце, нет сил жить на свете, и я боюсь, что не выживу. Что станет с моими детьми?»

Совсем недавнее письмо:

«Я — мать-одиночка, инвалид первой группы, слепая. В 1982 году попала под троллейбус, получила черепно-мозговую травму, потеряла слух, обоняние. У меня сын 1975 года рождения. Никому в голову не приходит подумать, как в таком состоянии я буду растить сына».

Читаешь такие письма и не можешь понять, как получается, что сотни людей за тысячи километров протягивают руку помощи детям-сиротам и не видят горя человеческого рядом с собой. Почему же этим женщинам, беда которых видна и без их слез и мольбы, никто не протянет руки?

Хочется крикнуть: посмотрите вокруг себя, будьте милосердны к человеческой беде! Помогите беззащитным детям, помогите семье, которой живется трудно!

Авторы многих писем поддерживают идею принятия Верховным Советом СССР Закона о защите прав детства. Мы так бездумно привыкли к лозунгу «Всё лучшее — детям!», что не заметили, как постепенно он обернулся к детям отнюдь не лучшей стороной. Школы на грани технической нищеты, сиротство при живых родителях, воспитание вне эстетического влияния, физическая недоразвитость, неорганизованность досуга, трудовая беспомощность, бездуховность, дидактогения — вот что такое незащищенное детство.

Ирина Ивановна Воронина из Киева пишет, что не может без содрогания рассказывать о судьбе своего внука Игоря. Отец его спился, мать потеряла родительские права, а сама Ирина Ивановна не могла после операции взять мальчика на воспитание. Так он попал в детский дом. «Дважды в неделю я его наве-

щаю, – сообщает Ирина Ивановна.— При первой встрече с новым воспитателем мне был задан вопрос: «Зачем вы ходите к этому подонку?» Когда ребенок попросил эту воспитательницу помочь застегнуть ему пальто, она ему ответила: «Ты не стоишь моего ногтя, а я тебе буду пальто застегивать?» И это в группе, где дети от трех до пяти лет!»

Пишет Анна Ивановна из Кирово-Чепецка (она просила ее фамилию не называть):

«Я очень прошу, чтобы закон, который защитил бы детей, был принят и как можно скорее.

Мой сын трагически погиб при исполнении служебных обязанностей. Осталась у него дочь 7 лет. На нее назначена пенсия в 48 рублей 97 копеек, да еще завод выплачивает ежемесячно 80 рублей 90 копеек.

Я считаю, что эти деньги нельзя целиком выдавать матери, которая заботится больше о себе, а не о ребенке. Часть денег должна откладываться на сберкнижку ребенка вплоть до достижения им совершеннолетия. Закон должен быть на стороне ребенка, который сам не может защитить себя в возрасте семи лет».

Нина Вениаминовна Першукова из Котласа рассказывает о совершенно недопустимом явлении, когда девочку, не успевшую закончить восемь классов, исключают из школы. Она не оправдывает свою дочь: та курит, дерзит, плохо учится. Но о чем думают органы народного образования города Котласа? Куда деваться ребенку в 14 лет с семилетним образованием? На работу не возьмут, в вечернюю школу тоже, ибо она только для работающей молодежи, в ПТУ без восьмилетки тоже не поступишь.

В комиссии по делам несовершеннолетних считают, что такие девочки не должны мешать учиться хорошим детям. Необходимо срочно решить судьбу девочки, не позволив ей пасть окончательно.

А вот и другая, не менее тяжелая доля. Талантливая девочка, в математических олимпиадах занимала призовые места. Так рассказывает о ней мать, Надежда Александровна Г. из Житомирской области. Сбилась девочка, связавшись с дурной компанией, решением суда лишена свободы и направлена в колонию г. Томска.

Меня поразила искренность письма этой пятнадцатилетней девочки из колонии:

«Здравствуй, милая моя, единственная мамочка!

Мне остался один год. Вчера долго не могла заснуть, до самого рассвета размышляла, очень многое передумала. Сколько слез я пролила! Мамочка, как я хочу к тебе! Мамочка, я так хочу увидеть тебя, побыть с тобой рядом! Господи, неужели настанет тот день, когда ты приедешь за мной?

Мамочка, милая, только не подумай, что я жалуюсь. Нет! Я просто решила поделиться с тобой, потому что больше не с кем. Ведь ты у меня самый дорогой человек на свете. Мамочка, умоляю тебя, прости меня за то, что я сделала тебя матерью преступницы, а не героя. Мамочка, я хочу домой...»

Множество писем о сиротах, которым негде жить. С малых лет переходили из одного детского дома в другой, а став взрослыми, отслужив в рядах Советской Армии, до сих пор не заслужили законного права на жилище.

О своем бесправии как отца такого же беззащитного сына написал Сергей Васильевич К. Происки бывшей жены и ее родственников довели его до того... что он украл собственного трехлетнего сынишку. Скрывался он с ним на Украине у своей матери. Когда мальчика отбирали, тот истошно кричал: «Папа, не отдавай меня маме!» И Сергей Васильевич заключает свое письмо: «Никто не хочет слушать об аморальном образе жизни той женщины, которая родила моего сына и осиротила его...»

Эти и подобные им многочисленные письма еще раз убедили меня как народного депутата СССР в необходимости скорейшего принятия Закона о защите детства.

Есть в письмах, полученных мною, социальный мотив, на основании которого авторы-матери просят забрать сыновей в интернат. Это неблагополучная среда, развращающая и уродующая их детей. Вот рассказ о городе Балхаш Казахской ССР: «Город небольшой, но неспокойный, в нем много преступности. Сыну моему 12 лет. В последнее время стала замечать, что к нему стали прилипать подростки постарше, уводят его с уроков. А как увидел сын вашу передачу по телевизору, закричал: «Мама, я поеду в этот интернат, я тоже буду там работать».

Процитирую еще одно письмо: «Я со своей бедой одна. Рядом люди, занятые собой, своими делами. Пока сын был меньше, горя не знала, но сейчас... Наш город, наводненный иностранцами, отрицательно влияет на нашу молодежь. Еще не оперились, а толпятся, как отпетые фарцовщики, около иностранных машин, скупая, перепродавая тряпки и всякое

другое барахло с иностранными наклейками. Доходило до того, что горком партии поднимал всю общественность города на борьбу с этими группировками подростков, но большинство детей занимаются всем чем угодно, только не учебой и не трудом».

Разумеется, не иностранцы виноваты в создавшейся проблеме. Мы привыкли отыскивать корни зла прежде всего во внешних условиях. Ведь вот в том же Балхаше, наверное, мало зарубежных гостей, а обстановка неспокойная. И тут, видимо, виноваты комсомольские руководители, которые не сумели объединить молодежь на основе значимой деятельности.

Сложную проблему не решить изъятием отдельных детей из неблагополучной среды. Речь должна идти о коренной перестройке самой среды, порождающей уродливые явления в жизни подрастающего поколения. Необходимо принимать самые срочные меры для защиты всех детей.

Невероятно трудно растить сыновей многим матерям-одиночкам. Они тоже хотят определить их в школу-интернат. Только одно письмо: «У меня сын. Ему 13 лет. Отца он не знает. Спасла его, больного, от семи смертей. Пошел в школу. С четвертого класса начал воровать. В шестом классе поставили на учет в детской комнате милиции. Грозила ему колония, но спасибо добрым людям – помогли. В седьмом классе опять не захотел учиться. Я пошла на крайность: не хочешь учиться, уходи из дома. И он ушел... в компанию себе подобных. Вырыли они в лесу землянку и живут в ней. Прошу Вас не как директора, а как человека — возьмите мальчика к себе!»

В стране 10 миллионов матерей-одиночек. Но гораздо больше членов родительских комитетов, других общественных организаций, созданных для помощи семьям. Однако они не развернули систематическую педагогическую помощь матерям-одиночкам в воспитании детей, робко используют свои полномочия для защиты прав детей.

Говорят, рядом с добром живет гнев. Какие только кары не посылаются в письмах на головы тех женщин, которые отреклись от рожденных ими детей. Позорить их на товарищеских судах, взимать огромные алименты, не представлять очередных отпусков, лишать премий и даже ставить клеймо в паспорте. Страшно становится от такого человеческого гнева, предающего проклятию матерей, не способных осознать свое бесчестье. «Вы, Александр Александрович, в передаче сказали, что даже грязная, ободранная кошка не бросит своего котенка,— пишет молодой человек из Магнитогорска.— Сколько их обещают исправиться и встать на путь истинный! Не способны они исправиться: на некоторое время берутся за ум, а потом все начинается сначала».

Я бы не стал столь категорично осуждать всех оступившихся женщин. Нельзя отрицать возможность нравственного возрождения матерей, бросивших свое дитя. Возможно, пусть в это трудно поверить, рано или поздно проснется материнский инстинкт в женщине, родившей в муках ребенка, страдающего по ее вине. Об этом красноречиво свидетельствует письмо Лидии Марковны Л., которую лишили родительских прав за аморальный образ жизни. Семеро ее детей учатся в школе-интернате

Нарьян-Мара. «Теперь, — пишет женщина,— я не пью ни грамма, дома у меня уютно, работаю хорошо, недавно колхоз дал мне хорошую характеристику. Если меня не восстановят в родительских правах, я не смогу жить без детей».

Родители, лишенные отцовских и материнских прав, не могут неограниченно пользоваться свиданиями со своими детьми. Мы всегда внимательно следим, как такие родители влияют на своих детей. Бывает, приходят в интернат навеселе, грязные, неряшливые. Это нервирует ребят, они стыдятся своих родителей. Да и другим ребятишкам становится не по себе. В то же время мы не забываем о влиянии детей на своих заблудших матерей. Связь с ребенком может помочь нравственному возрождению матери, осознавшей свою вину. Если женщина не окончательно утратила материнские чувства, то ребенок поможет ей обрести ту точку опоры, которая позволит подняться на ноги.

Читая письма, статьи о безнравственности женщин, покидающих детей, невольно задумываешься: а чем лучше мужчины, бросающие детей вместе с матерями? Разве не наносят они ребенку такую же непоправимую боль, разве их предательство оставляет меньшую рану в сердце ни в чем не повинного ребенка? Но лучше предоставлю слово этой страдающей стороне: «Скоро три года, как нас бросил папа, ушел к другой женщине. Сколько раз я, Оля и мама со слезами просили его вернуться домой! Он сначала обещал, а сейчас даже не звонит нам и к школе даже тетрадь за три копейки не купил.

Я знаю, что женщин, которые бросают детей, называют кукушками. А как назвать своего папу? Предатель, алиментщик, просто плохой?! Почему сейчас, когда уже больше 40 лет нет войны, мы, дети, должны при живом отце жить без папы?».

Девочка права в своей боли. Не может быть никаких социальных оснований, чтобы, как сказано было на учредительной конференции Советского детского фонда, 700 тысяч детей ежегодно оставались без одного из родителей. Укрепление семьи как основной ячейки общества — наша общенародная забота. Всякий развод антисоциален по своему существу, ибо всегда больно ударяет по детям. Не меньшую беду несут разоренные семьи и обществу, ибо именно такие семьи нередко служат поставщиками несовершеннолетних правонарушителей, потом матерых преступников.

«Я не знаю, где находятся могилы моих родителей. Родился в 1949 году. Когда пошел в первый класс, отец бросил нас. Мать потом тоже бросила нас, троих братьев. Она работала в три смены. Жили вчетвером в двенадцатиметровой комнате. Дом этот до сих пор зовут казармой, потому что построен он фабрикантом Гучковым еще в 1903 году.

Я — пьяница, средний брат — тоже пьяница. А младший не вылезает на свободу...»

Читая такие исповеди, я не могут быть снисходительным ни к горе-матерям, ни к горе-отцам.

Во всех письмах, присланных бывшими воспитанниками детских домов и школ-интернатов, меня больно поразила одна психологическая деталь — они чувствуют себя одинокими. Про-

шло много лет с тех пор, как ребята ушли из детских домов, но на всю их жизнь наложила печать сиротская доля. Какая же это невероятная, непростительная обида — быть сиротой, если она пожизненно обрекает человека на одиночество!

Какая же это страшная человеческая несправедливость — детское сиротство! И нельзя щадить ни сил, ни сердца своего для его преодоления. Пусть дети всей земли обретут счастье в родном доме, в кругу родных отца и матери.

Меня потрясло письмо 18-летней девушки из Кемеровской области Марины Черноскутовой: «Сама я — безотцовщина. У мамы нас трое. Сейчас мы хорошо живем, все имеем, а детство наше прошло впроголодь. Да, в нашем двадцатом веке мы тянули от получки до получки. Я преклоняюсь перед мамой моей. Пройти через это все и не запить, не сдать нас в детский дом! Она очень сильная, моя мама. Не всякий выдержит, когда ребенок просит есть, а дать ему нечего. Класса с пятого я начала писать стихи:

Нам кричит статистика:
Двух лишь из ста детдомовцев
Можно назвать — сирота.
А остальные?
Ну разве по-человечески:
Кто-то ест апельсины,
Бабушку, мать имеет,
Кто-то гуляет с отцом...
А их ни за чем родили,
Их будто в насмешку родили.
Их что, для того лишь родили,
Чтоб не был пустым детский дом?»

* * *

Если бы меня спросили сегодня, какие черты воспитания будущего можно заметить в нынешних школах-интернатах, я бы, наверное, затруднился ответить. Уж очень велико желание общественности видеть в школах-интернатах отживающее социальное явление, устремленное к прошлому, а не к будущему. Но так ли это на самом деле? Думаю, нет.

Школы-интернаты не умирающие детские учреждения. Они могут измениться структурно, преобразуется психология их воспитанников, система педагогических влияний. Но не может пока исчезнуть сам институт школ-интернатов.

Ни в одном самом развитом обществе никто не может оградить конкретного человека от ошибок, трагедий и заблуждений. А на этих бедах отдельных людей возрастают беды детей, их сиротство, их одиночество и потребность в утраченной ласке. Я согласен: пусть таких детей будет как можно меньше, пусть большинство из них окажется под теплым крылом семейных детских домов. Но никогда люди, общество не должны бросать дитя, нуждающееся в защите и опеке. Пусть же у каждого обиженного судьбой ребенка будет дом — семья, где ему возвратят детство.

СОДЕРЖАНИЕ

3 **Рыцарь детских печалей.** *А. Лиханов*
6 **От автора**
10 **Наш общий дом**
29 **День как день**
54 **Учебный процесс**
94 **Межадор: труд, творчество, радость**
131 **Отношения с детьми**
159 **Чувство семьи**
187 **Проблемы выпускников**
210 **Письма, письма...**

Научно-популярное издание

Александр Александрович Католиков

МОЯ СЕМЬЯ: ЗАПИСКИ ДИРЕКТОРА СЫКТЫВКАРСКОЙ ШКОЛЫ-ИНТЕРНАТА № 1 ДЛЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ

Редактор
И. Н. Баженова
Художник А. Т. Троянкер
Художественный редактор
Е. В. Гаврилин
Технические редакторы
Л. А. Зотова, Т. Е. Морозова
Корректор В. С. Антонова

ИБ № 1547

Сдано в набор 13.11.89. Подписано в печать 15.01.90.
Формат 70×100/32. Бумага офс. № 1. Печать офсетная.
Гарнитура литературная.
Усл. печ. л. 9,1+0,65 вкл. Уч.-изд. л. 9,5. Усл. кр.-отт. 11,9.
Тираж 50 000 экз. Заказ № 2567.
Цена 50 коп.

Издательство «Педагогика» Академии педагогических наук СССР и Государственного комитета СССР по печати.
119034, Москва, Смоленский бульвар, д. 4.

Московская типография № 4 Государственного комитета СССР по печати.
129041, Москва, Б. Переяславская ул., 46.

30002

ВЫШЛА В СЕРИИ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК: ОПЫТ ПРОБЛЕМЫ НАХОДКИ

С.Г. ШУМАН

РОДИТЕЛЬСКИЕ ТРЕВОГИ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПЕДАГОГИКА»
1989

50 коп.